

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ

БЕДНОСТЬ И НЕРАВЕНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: 10 ЛЕТ СПУСТЯ

Аналитический доклад

*Подготовлен в сотрудничестве
с Представительством
Фонда имени Фридриха Эберта
в Российской Федерации*

Москва 2013

Оглавление

Предисловие	3
1. О бедности вообще и в частности	8
2. О нынешнем положении бедных	19
3. Специфика источников доходов и стратегий выживания бедных.....	39
4. О бедных на рынке труда.....	50
5. Социально-демографические факторы бедности в современной России.....	71
6. Бедность и социальная мобильность.....	81
7. Неравенства и справедливость в оценках и суждениях бедного населения.....	91
8. О ценностных установках и особенностях морали бедных	106
9. О социально-психологическом состоянии бедных.....	118
10. О досуге бедных	131
11. Бедные в России: отношение к власти, политическое участие, протестный потенциал	146
Заключение (к общим выводам)	157

Предисловие

О бедности и бедных в современной России говорят и пишут многие. При этом кто-то представляет бедных как членов общества с относительно малыми доходами и состояниями. Правда, возникает вопрос — где пролегает черта этой «малости», и относительно каких доходов и состояний она определяется? А кто-то связывает состояние бедности с общим стандартом уровня жизни в данном обществе. Есть и такие, кто, не мудрствуя лукаво, считает бедными тех людей, которые не имеют достаточных или необходимых средств к существованию. И в данном случае приходится задумываться, а какова мера «достаточности и необходимости» подобных средств, и какими показателями должен характеризоваться и кем устанавливаться общий стандарт жизненного существования жителей Российской Федерации?

На фоне разных «относительных» трактовок бедности выделяются весьма четкие и даже жесткие определения типа: бедность — это крайняя недостаточность имеющихся у человека, семьи, региона, государства имущественных ценностей, товаров, денежных средств для нормальной жизнедеятельности. При этом за порог, черту бедности предлагается принять нормативно устанавливаемый уровень денежных доходов человека, семьи за определенный период, причем уровень, обеспечивающий физический прожиточный минимум¹.

Многообразие толкований бедности ведет к разным подходам к осмыслению ее причин, сущностных черт, способов преодоления. Одни считают важным рассматривать бедность в морально-этическом контексте, апеллируя к уродливым и недопустимым для XXI века проявлениям образа жизни людей, оказавшихся в тяжелых и тяжелейших условиях существования. Другие, в политически-популистском ключе, выставляя себя сторонниками радикальных решений проблемы бедности за счет осуществления эффективных, но малореальных программ государственной поддержки обездоленных слоев населения. Третьи — с позиции экономического анализа причинно-следственных факторов состояния бедности, определения материальных показателей границ нищеты, групп бедного и небедного населения. Наконец, четвертые, а именно социологи, обращают свой взор на реальную картину бедности в стране, с ее региональным многообразием, на место бедных в социальной структуре общества, на их фактические возможности реализовать насущные повседневные потребности и жизненные шансы на лучшее.

Именно стремлением оценить реальные масштабы, причины и основные признаки «бедности по-российски», отношение россиян к бедности вообще и разным группам бедных, а вместе с этим проанализировать восприятие населе-

¹ См., например: Экономический словарь. Электронный ресурс. URL: <http://36on.ru/dictionaries/economic/1053>.

нием страны сложившейся в обществе ситуации с социальными неравенствами, и определялась основная цель осуществленного в марте – апреле 2013 г. общероссийского социологического исследования. В процессе его подготовки и проведения, анализа полученных результатов предполагалось решить следующие задачи:

1. Оценить масштабы бедности в стране в соответствии с разными подходами к выделению бедных в мировой социологической традиции (абсолютный, депривационный, субъективный), а также определить долю населения России, находящегося в хронической и «плавающей» бедности.
2. Определить основные признаки «бедности по-российски» в массовом сознании и динамику представлений в этой области за последнее десятилетие.
3. Сравнить значимость различных факторов попадания в бедность как в целом, так и с учетом гетерогенности бедных.
4. Определить представления самого населения о факторах попадания в бедность и сравнить их с объективной картиной причин бедности.
5. Оценить отношение россиян к бедным (как на уровне норм и ценностей, так и с точки зрения их поведенческих практик), а также динамику изменения этого отношения.
6. Установить наличие/отсутствие специфики нормативно-ценностных систем и поведенческих стратегий бедных и особенности использования ими «социальных лифтов».
7. Оценить текущую ситуацию с бедностью и социальными неравенствами в российском обществе с точки зрения степени ее соответствия принципам социальной справедливости, существующим в представлениях населения, и выявить уровень общественно-политической остроты восприятия проблемы социальных неравенств в современной России.
8. Оценить влияние различных факторов на интерес бедных и небедных слоев населения к общественной жизни, досугу, уровень их активности, отношение к власти, общее социально-психологическое состояние.

Методы исследования

1. Проведение количественного опроса методом индивидуального интервью, включающего опрос представителей населения в целом и представителей бедных слоёв населения.
2. Формирование трёх массивов эмпирических данных в программе SPSS (общероссийский репрезентативный массив, массив дополнительной выборки по бедным слоям населения, единый массив бедных, сформированный на базе совмещения представителей бедных слоёв населения из обоих массивов).
3. Статистический анализ полученного материала (построение регрессий, таблиц сопряжённости, многомерных индексов и т. д.).

Модель выборки

Общий объем выборочной совокупности — 1900 человек. Исходя из задач исследования, модель выборки включала 2 объекта:

- население в целом, представленное репрезентативной совокупностью респондентов в возрасте 18 лет и старше — 1600 человек;
- а также экспериментальную группу в 300 человек, отобранных по критерию бедности.

Массовая репрезентативная выборка для населения РФ в целом

Методической основой исследования явился массовый опрос населения РФ по репрезентативной общенациональной выборке, пропорциональной относительно численности населения в территориально-экономических районах Российской Федерации и относительно численности населения в поселениях разного типа (мегаполисы, административные центры субъектов РФ, районные города, поселки городского типа (ПГТ) и села); с квотным отбором респондентов на последней ступени выборки.

Отбор респондентов, репрезентирующих взрослое (от 18 лет и старше) население РФ осуществлялся по параметрам пола, социально-профессионального статуса, образования и типа населенного пункта проживания. Исследование проводилось в **21 субъекте РФ и охватило 112 поселений**, в том числе 2 мегаполиса, 19 административных центров субъектов РФ, 35 районных центров, 19 ПГТ и 37 сел.

Репрезентативность социологической информации обеспечивалась моделью многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения (респондентов) на последней ступени. Районирование осуществляется по территориально-экономическим районам Российской Федерации в соответствии с принципами, разработанными и применяемыми Росстатом для контроля социально-экономических показателей в динамике, и пропорционально численности населения в территориально-экономических районах и мегаполисах.

Структура районирования — два мегаполиса и 21 субъект РФ, итого 23 макрообъекта:

Мегаполисы: Москва и Санкт-Петербург.

Территориально-экономические районы:

1. Северный район — Архангельская область
2. Северо-Западный район — Новгородская область
3. Центральный район — Московская, Рязанская, Ярославская, Тульская области
4. Волго-Вятский район — Нижегородская область
5. Центрально-Черноземный район — Воронежская область
6. Поволжский район — Республика Татарстан, Саратовская область
7. Северо-Кавказский район — Ростовская область, Ставропольский край
8. Уральский район — Свердловская, Челябинская области

9. Западно-Сибирский район – Омская, Новосибирская области
10. Восточно-Сибирский район – Иркутская область, Красноярский край
11. Дальневосточный район – Хабаровский край.

Дальнейшее (внутри субъектов РФ) районирование заключалось в расчете статистических квот по степени урбанизированности по 4-м типам поселений: **мегаполисы – 10,2%¹, административные центры субъектов РФ – 26,3%, административные центры районов – 30,9%, ПГТ – 5,7%, села – 26,9%².**

На стадии квотного отбора респондентов соблюдались долевыми квоты по следующим социально-профессиональным признакам (см. таблицу 1).

Таблица 1

**Долевые квоты для отбора интервьюерами респондентов
по социально-профессиональным признакам (%)**

Социальные группы	Респонденты
Рабочие промышленности, строительства, шахт – без высшего образования	17,0
Инженеры промышленности, строительства, шахт – с высшим образованием	2,8
Работники торговли, общественного питания, сферы услуг, транспорта, коммунальных служб – со средним (или менее), начальным и средним профессиональным образованием	10,6
Работники финансовых, страховых компаний, торговли, сферы услуг, транспорта, коммунальных служб – с высшим образованием	1,7
Работники (служащие): вузов, школ, здравоохранения, управления (административного, политического), науки, искусства, средств массовой информации – с высшим образованием	9,4
Работники (лаборанты, операторы, библиотекари, секретари, медсестры и др.): вузов, школ, здравоохранения, управления (административного, политического), науки, средств массовой информации – со средним или средним профессиональным образованием	4,0
Военные, работники МВД, таможни, налоговых служб (с любым образованием)	4,9
Пенсионеры	20,0
Студенты вузов	2,7
Жители села	26,9
Итого	100,0

Контрольная выборка бедных (300 человек)

Определение квот для отбора респондентов, входящих в категорию бедных, осуществлялось по следующей методике.

Для расчета эмпирических параметров квот, по которым интервьюеры отбирали респондентов, входящих в категорию бедных, использовались показатели официальной черты бедности, устанавливаемые Правительством Российской

¹ См.: Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. Статистический бюллетень. – М.: Росстат, 2012. С. 359-385.

² См.: Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2012 года. Статистический бюллетень. – М.: Росстат, 2012. С. 9.

Федерации. Исходя из официальных критериев, на момент исследования (март 2013 года) при моделировании выборки был принят общий средний порог бедности при среднемесячном доходе на одного взрослого члена семьи не более 7500 руб.. Расчёт *средних параметров квот для отбора интервьюерами респондентов — бедных в субъектах Российской Федерации* осуществлялся с учетом дифференцированных данных Росстата, скорректированных с учетом показателей, содержащихся в постановлениях администраций соответствующих субъектов РФ, имеющих полномочия определять критерии бедности исходя из показателя среднего дохода населения своего региона.

Исследование и аналитический доклад выполнены рабочей группой ИС РАН в составе: академик РАН Горшков М. К. (руководитель исследования, концепция и программа исследования, предисловие, заключение, общая редакция); д.соц.н., профессор Тихонова Н. Е. (руководитель исследования, концепция и программа исследования, разделы 1, 2, 6, общая редакция); Лежнина Ю. П. (разделы 5,6); Мареева С. В. (разделы 7,8); Пахомова Е. И. (раздел 3); Петухов В. В. (раздел 11); Тюрина И. О. (раздел 4); Седова Н. Н. (разделы 9, 10); научный консультант — доктор Р. Трауб-Мерц.

1. О бедности вообще и в частности

Распространённым штампом стало утверждение о том, что бедность выступает в российской культуре чуть ли не добродетелью, а идея аскезы, в прошлом характерная для православия, вошла в живую ткань культуры русского народа и его жизненного идеала. Но так ли это в наше время, когда со всех сторон льётся безудержная пропаганда идеалов общества потребления, а с экранов телевизоров изо дня в день настойчиво внушается мысль, согласно которой ценность любого человека определяется, прежде всего, маркой и количеством тех предметов, которыми он владеет? Не превращаются ли сегодня бедные в своего рода изгоев, париев, недостойных ни уважения, ни сочувствия? Как вообще россияне понимают бедность, и какая часть россиян живёт сегодня в состоянии и за «чертой бедности»? Попробуем, исходя из результатов проведённого исследования, ответить на эти вопросы.

Полученная социологическими методами реальная картина восприятия бедности в современной российской культуре не тяготеет ни к её идеализации, ни к осуждению. Так, если говорить об отношении россиян к бедным, то доминирующим к ним отношением является сочувствие (36%) (см. рис. 1.1). Если же учесть тех, кто относится к ним либо с жалостью (16%), либо с уважением (2%), то можно утверждать, что *для половины россиян свойственно относиться к бедным скорее позитивно.*

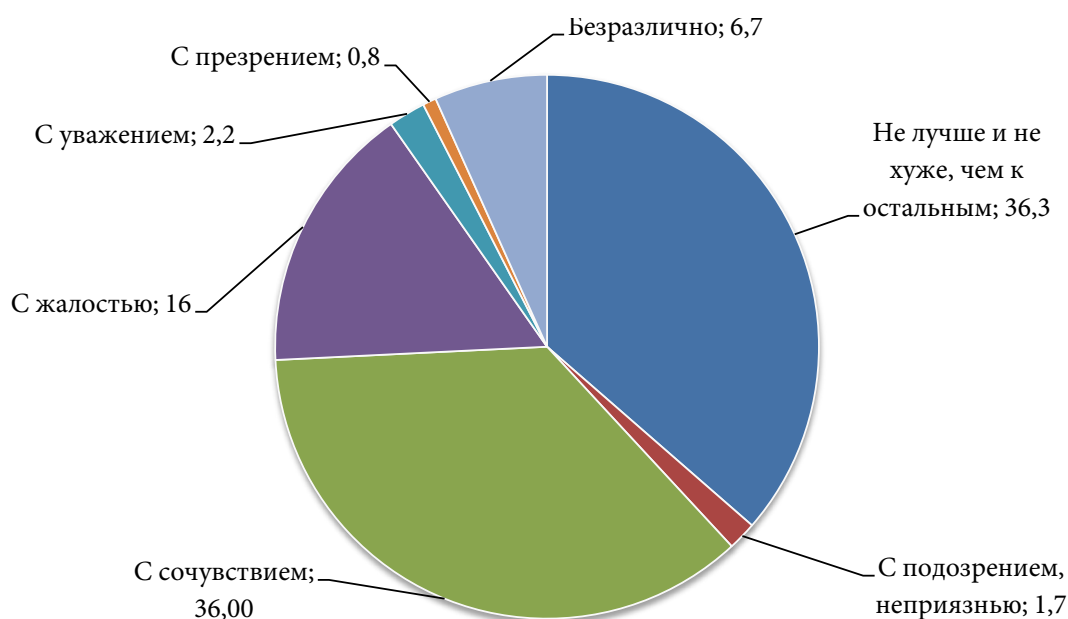

Рис. 1.1. Как россияне относятся к бедным, 2013 г., %

В то же время, другая половина населения не испытывает к бедным ни сочувствия, ни жалости, ни, тем более, уважения. Более трети наших сограждан вообще не выделяют бедных как особую категорию, заслуживающих какого-то специального отношения, и выстраивают свои отношения с ними лишь на индивидуальной основе, по впечатлению от конкретного человека. Еще 7% к ним откровенно безразличны. И хотя остро негативно (с презрением, подозрением или неприязнью) к ним относятся совсем немногие (3%), такое «индифферентное» отношение к бедным заметно отличается от существовавшего в российской культуре ранее.

Особенно индифферентно относятся к ним те, кто не имеет бедных в своём ближайшем окружении. Таковых в общем массиве оказалось почти половина респондентов. В связи с этим отметим, что для российского общества в последние годы характерен рост доли населения, не имеющего бедных среди своих родственников, знакомых, соседей, друзей. Если в 2003 г., например, не имели бедных в своём ближайшем окружении 18% россиян, то в 2013 г. таковых стало уже 33%, т. е. почти вдвое больше.

Одновременно с тенденцией снижения частоты общения представителей небедных с представителями бедных слоев населения в российском обществе шло постепенное, но *чётко прослеживающееся ухудшение отношения к бедным* (см. рис. 1.2). Так, за последние 10 лет среди россиян резко (более чем в полтора раза) сократилось число относящихся к бедным с сочувствием и резко (тоже более чем в полтора раза) увеличилась доля тех, кто относится к ним не лучше и не хуже, чем ко всем остальным. Почти втрое выросла за этот период и доля тех, кто относится к ним безразлично¹.

Рис. 1.2. Динамика отношения россиян к бедным, 2003/2013 гг., %

¹ Вопросы о причинах бедности задавались в исследовании в форме, предполагавшей оценку респондентами причин бедности людей, которых они хорошо знают – родственников, друзей, соседей, коллег по работе. Фактически респонденты выступили в этом вопросе в роли экспертов, хорошо знающих предмет обсуждения.

Таким образом, бедные как специфическая социальная группа, заслуживающая какого-то особого отношения, все дальше отодвигаются на периферию сознания наших сограждан. А это означает, что помощь бедным все больше уходит из актуальной для большинства населения страны «повестки дня».

Исходя из анализа полученных данных, речь может идти о тенденции индивидуализации отношения к бедным. По сути дела вытеснение проблемы бедности на периферию сознания россиян во многом объясняется изменениями, происходящими в восприятии ими как причин бедности, так и самих бедных. Так, если говорить о причинах бедности, то за прошедшие годы резко уменьшилась, с их точки зрения, роль такого фактора как невыплата или задержка зарплаты по месту работы (см. таблицу 1.1). Если в 2003 г. именно данный, внешний по отношению к самим работникам, структурный фактор бедности был бесспорным лидером в рейтинге этих причин, то сейчас он занимает 10-е место. Сократилась также, хотя и в гораздо меньшей степени, роль такого фактора бедности как недостаточность государственных пособий по соцобеспечению, при этом выросла значимость разного рода семейных несчастий (смерть кормильца и т. п.).

Таблица 1.1

Динамика представлений россиян о причинах бедности людей из их ближайшего окружения, 2003/2013гг., % от имеющих бедных в своём окружении*
(допускалось до пяти ответов, отграницено по данным 2013 г.)

Причины бедности	2003	2013
Длительная безработица	41	41
Болезнь, инвалидность	37	40
Алкоголизм, наркомания	35	39
Недостаточность государственных пособий по социальному обеспечению	38	32
Семейные неурядицы, несчастья	25	31
Лень, неприспособленность к жизни	22	23
Плохое образование, низкая квалификация	23	21
Отсутствие поддержки со стороны родственников, друзей, знакомых	20	20
Невыплата зарплаты на предприятии, задержка пенсий	47	19
Низкий уровень жизни их родителей	20	19
Нежелание менять привычный образ жизни	19	18
Наличие большого числа иждивенцев	17	17
Проживание в бедном регионе (районе, городе, местности)	17	17
Они мигранты, беженцы	5	4
Им просто не везёт	14	13

*Жирным шрифтом и фоном в таблице выделены позиции, в оценке которых разница показателей в 2003 и 2013 гг. составляла 5 и более процентов.

Таким образом, *нынешняя ситуация с бедностью связана в восприятии населения уже не столько с общей экономической ситуацией в стране, как это было в 2003 г., сколько с образом жизни и с личными качествами самих бедных или теми несчастьями, которые произошли в их семьях и не компенсируются должным образом мерами государственной социальной политики.* Иными словами, бедность в настоящий период в России обуславливается для россиян

преимущественно факторами микроуровня и в значительной части случаев обусловлена неверным поведением самих бедных (или кого-то из членов их семей) и, лишь отчасти, просчётами в социально-экономической политике государства. Всё это даёт основание утверждать: *бедность в восприятии россиян все меньше сама по себе выступает основанием для априорного сочувствия оказавшимся в сложном положении людям, отношение к которым начинает выстраиваться исходя из особенностей причин их бедности. Тем самым отношение к бедным из «категориального» превращается в «индивидуальное», связанное с жизненной ситуацией конкретного, определённого человека.*

С подобными изменениями вполне согласуется и портрет бедных, формирующийся в наши дни в сознании россиян. Несмотря на то, что 71% населения всё ещё считают, что бедные ни в чем с точки зрения их морально-нравственного портрета не отличаются от всех остальных, всё же почти 30% уверены, что подобные отличия есть и главное из них — распространённость в среде бедных пьянства и наркомании (60%). Среди других таких особенностей упоминаются присущие бедным хамство, грубость, нецензурная брань (10%), плохое воспитание собственных детей и невнимание к ним (6%), проституция (4%) и т. д. Таким образом, *отчётливо прослеживается начало стигматизации бедных в российском обществе, формирования их портрета как портрета андеркласса, отличающегося от остального населения страны не только уровнем доходов, но и своими поведенческими характеристиками.*

Изменения взглядов россиян на причины бедности, как и особенности портрета бедных в массовом сознании в современной России, во многом объясняют, почему в последние годы восприятие бедности индивидуализируется. Действительно, одно дело, когда люди оказываются в бедности из-за смерти кормильца семьи, тяжёлой болезни кого-то из членов домохозяйства и т. п., а государство не учитывает возникающих при этом рисков бедности и практически в подобных ситуациях не оказывает помощь — к таким людям россияне и сегодня в массе своей относятся с сочувствием и жалостью. И совсем другое, когда к бедности приводят алкоголизм и наркомания, что, судя по всему, происходит всё чаще. Таким бедным типичный россиянин отнюдь не склонен сочувствовать, и не понимает, почему за счёт его благосостояния им надо помогать из бюджетных средств как бы плохо они не жили — тем более что «всё равно ведь пропьют». И в этом отношении *идеология усиления адресности социальной помощи с выделением степени нуждаемости как главного критерия для помощи человеку, активно пропагандируемая в последние годы, приходит в полное противоречие с жизненным опытом и взглядами рядовых граждан страны.*

Далее важно понять а кого же россияне считают бедными? *Для населения в целом бедным на данный период является человек, среднемесячный душевой доход в семье которого составляет 8848 руб. Доходы ниже этого уровня имеет, по данным исследования, почти четверть россиян (23%).*

Однако действительно ли около четверти населения страны находятся сегодня в состоянии бедности? Может быть, на самом деле их меньше или больше?

Чтобы ответить на эти вопросы, уместно сначала уточнить, а каким образом бедность трактуется специалистами по данной проблеме. Скажем, для экономистов бедные выступают объектом помощи и, соответственно, они считают необходимым в первую очередь оценить их материальные ресурсы, дефицит доходов, финансовые затраты на помощь им и т. п. Тем самым бедные для экономистов — это те, у которых доход меньше, чем изначально заданная в обществе «черта бедности» в денежном выражении (в рублях, долларах, евро

и т. д.). Что же касается социологов, то в их интерпретации бедные выступают в качестве такой группы общества, которая характеризуется особым местом в социальной структуре и при этом иными, чем у всего населения, возможностями и жизненными шансами. Иначе говоря, бедные в социологическом понимании — это не столько те, кто имеет доходы ниже какой-то расчётной величины, сколько, прежде всего, действительно живущие бедно. Причины несовпадения выделяемых двух групп бедных могут быть различны. Так, к низкому уровню жизни при доходах, которые формально находятся выше прожиточного минимума, может приводить специфика расходов соответствующего домохозяйства (например, в семье есть тяжелобольной и много денег уходит на лекарства), наличие в семье наркомана или алкоголика, высокая стоимость жизни в определённом населённом пункте и т. п. Наконец, само население, не мудрствуя лукаво, может считать, и зачастую действительно считает бедными и тех, и других.

Думается, будет вполне разумным, следуя отмеченной логике, считать бедными и тех, чей доход ниже официального прожиточного минимума — назовём их *бедными «по доходу»*, и тех, кто характеризуется образом жизни, который ассоциируется в сознании россиян с бедностью в силу испытываемых ими лишений — назовём их *бедными «по лишениям»*. Поскольку важно иметь реальное представление не только о численности обеих групп бедных, но и об их соотношении между собой, рассмотрим также, как соотносятся эти группы между собой и в чём заключаются их общие и специфические черты.

Сначала оценим ситуацию с бедными «по доходам», обратившись к официальным данным. Если такие данные сопоставить с результатами настоящего исследования, то получится: *официально установленная в России «черта бедности» примерно на четверть ниже массовых представлений о ней россиян*. Так, по состоянию на конец 2012 — начало 2013 гг. прожиточный минимум, по данным Росстата, составлял в среднем 6705 руб. в месяц, из которых 2412 руб. предусматривалось на продукты питания, 1057 руб. — на все непродовольственные товары (включая лекарства), 2754 руб. — на все услуги (включая услуги ЖКХ и транспорт), а остальное — на налоги и другие обязательные платежи и сборы¹. Учитывая реальную стоимость одних только услуг ЖКХ, понятно, что такой уровень прожиточного минимума является в современных условиях явно заниженным. Потребность же в систематическом использовании лекарств сразу ставит человека с доходами даже несколько превышающими официальный прожиточный минимум в тяжелейшее финансовое положение. Так что представления о «черте бедности» респондентов в целом, видимо, всё-таки ближе к реальности, тем более, что они, в общем-то, достаточно скромны — 70% населения страны видят «черту бедности» на уровне не превышающем 7 тыс. руб. на человека в месяц, что превосходит данные Росстата всего на 300 руб., и только менее трети всех россиян видят её на уровне 8–10 тыс. руб.

Однако и применительно к подобным представлениям речь идёт отнюдь не о каких-то завышенных требованиях. По сути это касается той части населения, которая проживает в местах, где стоимость жизни относительно выше. В самом деле, на представления наших сограждан о «черте бедности» заметно влияет тип населённого пункта, в котором проживают респонденты (в мегаполисах и сёлах, например, эта черта по медиане распределений проходит на уровне 10 000 и 7000 руб. соответственно). Сказывается здесь и регион их проживания —

¹ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d01/59.htm (Дата обращения 04.06.2013).

в зависимости от этого фактора представления о «черте бедности» различаются ровно вдвое и находятся в диапазоне от 5000 руб. (Воронежская, Челябинская и Ростовская области) до 10 000 руб. (Москва, Санкт-Петербург, Красноярский и Хабаровский края). Подобный разброс отражает тот объективный факт, что поселенческие и региональные различия в стоимости жизни в России очень велики. Но в том-то и состоит государственно-управленческий казус: поселенческие различия при установлении размера прожиточного минимума Росстатом не учитываются, а региональные различия ставятся во главу угла вплоть до того, что прожиточный минимум устанавливается в каждом регионе самостоятельно и по своему разумению.

Тем не менее, несмотря на подобные недочеты официально используемой методики выделения бедных, в целях сопоставления результатов нашего анализа с данными официальной статистики, будет оправданным отнести к *бедным «по доходу» только тех респондентов, среднедушевые доходы в домохозяйствах которых ниже, чем официально установленный в соответствующих регионах прожиточный минимум. Таковых в массиве проведённого исследования оказалось 9%. Хотя это в 2,5 раза меньше, чем представляют себе россияне «черту бедности». При этом она практически совпадает с данными Росстата, который оценил численность бедных в стране по состоянию на конец 2012 г. в 8,8% населения или 12,5 млн. человек¹*. Именно эта группа бедных «по доходу», выделенных с учётом региональной дифференциации прожиточных минимумов, и будет далее подразумеваться под бедными по данному критерию, если не будет оговорено иное.

Примечательно, что представления бедных «по доходу» о причинах скатывания людей в бедность в нынешних условиях заметно отличаются от представлений всего населения. Правда, это касается не столько оценок причин бедности их ближайшего окружения, сколько причин их собственной бедности. Сами бедные относительно чаще выбирают сегодня три главные причины собственной бедности — *длительная безработица, недостаточность государственных пособий по социальному обеспечению и семейные несчастья*. При этом они гораздо реже, чем россияне в целом, говорят о таких причинах бедности как алкоголизм, лень, неприспособленность к жизни, нежелание менять ради заработков привычный образ жизни и даже болезнь. Таким образом, они не видят в массе своей **собственной ответственности** за свою бедность и винят в ней государство, которое не обеспечило их ни работой, ни пособиями, достаточными для преодоления состояния бедности. При этом причины подобного существования своих знакомых бедные «по доходам» оценивают достаточно близко к группе подобных причин, которые характерны для массового восприятия россиян в целом.

К данным, приведённым на рис. 1.3 следует добавить, что, хотя за последние 10 лет среди бедных «по доходам» выросла доля оценивающих своё материальное положение как плохое и даже признающих себя живущими за «чертой бедности», они всё же *в массе своей не хотят признавать себя «социальным дном»*. И в тоже время в подавляющем большинстве они относят себя к нижним слоям общества. Так, среди бедных «по доходу» при самооценке своего социального статуса по десятибалльной шкале в нижнюю треть общества отнесли себя 56%, но на две самые нижние позиции, означающие фактически признание себя «на социальном дне», поставили себя среди них 29% респондентов. Неудивительно,

¹ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d01/59.htm (Дата обращения 10.06.2013).

что своим статусом в обществе бедные недовольны — во всяком случае, доля оценивавших его как хороший была у них в разы меньше, чем оценивавших его как плохой при том, что в небедном населении доля оценивавших его как хороший была в 7 раз больше, чем оценивавших его как плохой.

Рис.1.3. Представления бедных «по доходам» о причинах бедности людей из их ближайшего окружения и о причинах собственной бедности, 2013 г., % от бедных, имеющих бедных в своём окружении (допускалось до пяти ответов, отранжировано по россиянам в целом)

Тот факт, что многие имеющие доходы ниже прожиточного минимума не хотят признавать себя бедными, отражает изменение отношения к ним в российском обществе в последние годы — три четверти бедных, которые сами

считают себя таковыми, говорят о том, что им приходилось испытывать чувства неловкости и стыда из-за своей бедности. Особенно остро стыд из-за своего положения испытывают те, кто находится в бедности уже не один год. Причём переломным моментом является в этом отношении срок пребывания в бедности более трёх лет — именно с этого времени накопление дефицита текущих доходов начинает, видимо, проявляться внешне. Во всяком случае, среди тех, кто признает, что уже более трёх лет находится за чертой бедности, практически половина (47%) часто испытывает чувство стыда и неловкости, и ещё четверть испытывает его хотя бы иногда.

Вторая группа — бедные «по лишениям». Она объединяет тех, кто реально живет бедно и испытывает ряд лишений, нехарактерных для большинства россиян. Уровень их доходов не обязательно оказывается ниже прожиточного минимума — ведь к очень низкому уровню жизни при доходах, формально находящихся выше прожиточного минимума, может приводить и специфика расходов соответствующего домохозяйства. Например, к такой специфике можно отнести наличие в семье тяжелобольного, для которого нужно покупать дорогие лекарства, или алкоголика, наркомана, человека с игроманией и т. д., оставляющего всю семью не только без денег, но зачастую и без имущества. Может сказываться на специфике расходов и не учитываемая при установлении прожиточного минимума относительно более высокая стоимость жизни в определённом населённом пункте, в частности намного превышающие расчеты Росстата «аппетиты» местных управляющих компаний в сфере ЖКХ, из-за чего денег «на жизнь» у человека может оставаться несопоставимо меньше, чем считает Росстат.

Если посмотреть на ситуацию с бедностью в стране с этой точки зрения, то, прежде всего, следует отметить, что у россиян есть очень устойчивое представление о признаках бедности. В числе первых для большинства наших сограждан выступают плохое питание, недоступность приобретения новых одежды и обуви, плохие жилищные условия, недоступность качественной медицинской помощи, отсутствие возможностей получить хорошее образование, удовлетворить первоочередные нужды без долгов, провести так как хочется своё свободное время, а детям — добиться того же, что и большинству их сверстников (см. таблицу. 1.2).

Таблица 1.2

Динамика представлений россиян в целом и бедных «по доходам» о том, чем жизнь бедных семей в России отличается от жизни всех остальных, 2003/2013 гг., % (допускалось до пяти ответов, отранжировано по ответам населения в 2013 г.)*

Признаки бедности	По массиву в целом, 2003	По массиву в целом, 2013	Бедные «по доходам», 2003	Бедные «по доходам», 2013
Плохое питание	85	73	88	74
Низкая доступность приобретения или качество одежды и обуви	55	58	52	59
Невозможность удовлетворения первоочередных нужд без долгов	38	51	37	56
Плохое качество занимаемого жилья	53	47	54	51
Низкая доступность и уровень медицинского обслуживания и лекарств	52	44	52	44

Продолжение таблицы 1.2

Признаки бедности	По массиву в целом, 2003	По массиву в целом, 2013	Бедные «по доходам», 2003	Бедные «по доходам», 2013
Невозможность получения хорошего образования, включая дополнительные занятия для детей и взрослых	40	35	33	32
Невозможность проведения досуга, отпуска	33	32	31	30
Невозможность для детей добиться в жизни того же, что и большинство их сверстников	25	29	24	30
Низкая доступность культурной жизни (посещение театров, кино, клубов, приобретение книг, журналов и т. п.)	16	16	16	11
Отношение к бедным окружающих	10	16	11	20
Невозможность иметь интересную работу	9	15	10	15
Большая незащищённость от физического насилия и посягательств на их собственность	17	10	20	8
Возможности активно участвовать в общественной и политической жизни	4	2	3	2

*Жирным шрифтом выделены позиции, выбранные как признаки бедности более чем половиной членов соответствующей группы, фоном – признаки, изменения по которым за 5 лет составили 5 и более процентов.

При этом картина признаков бедности в целом достаточно устойчива и резко изменились за последние 10 лет показатели лишь по такому признаку как невозможность удовлетворить первоочередные нужды без долгов. Менее заметно, но всё же возросла за указанный период и роль таких отличий жизни бедных от жизни остального населения как невозможность для детей добиться того же, чего удаётся добиться большинству их сверстников, и особое отношение к бедным со стороны окружающих (что, видимо, отражает процесс стигматизации бедных, о чем уже говорилось выше).

Обострение по самооценке именно этих проблем в условиях ограниченного числа ответов, которые можно было выбрать в ходе опроса, привело, видимо, к снижению значимости доступности медицинской помощи как признака бедности. На самом же деле, как будет показано в разделе 2, ситуация для бедных в данной области и по объективным, и по субъективным основаниям даже ухудшилась. Тем не менее, подобный признак бедности, как и невозможность получения хорошего образования, включая дополнительные занятия для детей и взрослых, ограниченность возможностей проведения досуга (в частности недоступность посещения платных культурных мероприятий и т. д.), заняли достаточно высокие места в общем рейтинге признаков бедности.

Наличие в массовом сознании довольно чёткой картины жизни типичного бедного россиянина побуждает выделить из всего массива опрошенных россиян тех, чей образ жизни характеризуется лишениями, рассматриваемыми населением в качестве признаков бедности. После проведения предварительного анализа и учёта особенностей инструментария неоднократных исследований бедности (2003, 2008 и 2013 гг.), составивших общую эмпирическую базу данных, стало

возможным выделить 11 лишений, характерных для повседневной жизни бедных слоёв населения. В целях систематизации портрета бедных «по лишениям» за наличие у респондента какого-либо из этих лишений присваивались баллы¹.

Как показали расчёты, в 2003 г. к числу бедных «по лишениям» относились 39% населения, в 2008 г. — 33% населения, а к 2013 г. их число сократилось до 25% населения. Причины столь существенного сокращения количества бедных, выделенных в рамках депривационного подхода, лежат в относительном улучшении, по самооценкам населения, ситуации с питанием, одеждой и досугом, расширением имеющегося даже у бедных слоёв населения товарного набора, ростом использования россиянами платных социальных услуг и наличия у них значимых улучшений в жизни.

Однако те, кто испытывает лишения, ассоциирующиеся у населения с бедностью, далеко не всегда бедны «по доходам», т. е. это не всегда те же самые люди, чей душевой доход ниже регионального прожиточного минимума. Вряд ли несовпадение этих групп должно вызывать удивление — различия в стоимости жизни в разных типах поселений, специфика расходов, связанная с составом семей и со здоровьем их членов, наличие или отсутствие весомой неденежной помощи со стороны родственников, друзей и знакомых приводят к тому, что в самом тяжёлом положении оказываются зачастую семьи, чей доход формально выше прожиточного минимума (ПМ). Более примечательно другое: *половина тех, кто имеет доход менее ПМ, т. е. является бедным «по доходам», к наиболее бедствующим слоям населения, судя по их уровню и образу жизни, не принадлежит. С другой стороны, четыре пятых тех, кто является бедным «по лишениям», имеет доходы выше прожиточного минимума.*

Таким образом, бедные «по доходам» и бедные «по лишениям» — это, хотя отчасти и пересекающиеся, но все же скорее дополняющие, чем дублирующие друг друга группы бедных. Тем интереснее в данном плане рассмотреть их как единую группу, противостоящую небедному населению, сравнивая при этом их между собой.

Однако прежде чем переходить к подобного рода анализу, следует отметить один очень важный факт, относящийся к динамике численности бедных в России за последние 10 лет. *Доля в целом бедного населения сократилась за эти годы более чем вдвое — с 66 до 30% населения страны. Причем такое сокращение произошло в основном за счет формального роста доходов населения и сокращения по данной причине доли тех, кто попадает в число бедных «по доходу» — их стало за это время в 5 раз меньше. Одновременно в 5 раз сократилось и число тех, кто оказывался одновременно и бедным «по доходу» и бедным «по лишениям». Что же касается бедных «по лишениям», то, как уже отмечалось выше, их число сократилось намного меньше — с 39% до 25% от всех россиян.* При этом, обращает на себя

¹ В их число входили: самооценка своих возможностей питаться и одеваться как плохих; отсутствие какого-либо недвижимого имущества в собственности; общее количество товаров длительного пользования в домохозяйствах ниже их медианного значения для россиян в целом; количество товаров длительного пользования не старше 7 лет в домохозяйствах ниже медианного значения для россиян в целом; наличие одновременно двух и более различных видов задолженностей; недостаточная обеспеченность жилплощадью; вынужденное проживание в общежитии, служебной квартире, части дома; отсутствие возможностей использования платных социальных (образовательных, медицинских и рекреационных) услуг для себя или детей за последние три года; отсутствие любых значимых улучшений в жизни в последние годы; отсутствие любых форм платного досуга вне дома (посещения спортклубов и секций; посещения театров, концертов, кино; посещения музеев, выставок и вернисажей; посещения кафе, баров и ресторанов; посещение дискотек, ночных клубов, других развлекательных мероприятий). Все, набравшие согласно этой методике 4 балла или более, были отнесены в категорию бедных «по лишениям», поскольку, учитывая характер индикаторов, такой показатель свидетельствовал о многомерной депривации.

внимание тот факт, что как в 2003 г., так и в 2013 г. 20% россиян вели образ жизни, который позволяет охарактеризовать таковых как бедных, хотя доходы их были выше прожиточного минимума. Тем самым, в обществе существует группа бедных, которая, при всех несомненных успехах борьбы с бедностью в рамках проводимой государством социально-экономической политики, остаётся неизменной по численности.

Несмотря на то, что последнее десятилетие характеризуется ростом доли небедного населения с 34% в 2003 г. до 70% в 2013 г., что демонстрирует несомненный успех государственной политики борьбы с бедностью, для закрепления такого успеха на будущее всё же необходимо понимать, что реально бедных в России все-таки не около 9%, а почти 30%, имея в виду, что продолжительность, глубина и характер их бедности разные. При этом очень опасным является то, что минимум 4% населения, т. е. около 6 млн. человек, образуют группу глубокой и застойной бедности, которая принципиально отличается от других видов бедности. Подобный вывод основывается на том, что бедность данного типа длится более 5 лет, т. е. является хронической, а не «плавающей», когда домохозяйство то «сползает» за черту бедности, то чуть поднимается над этой чертой. Более того — почти три четверти представителей хронической бедности признают, что они живут ниже «черты бедности» — что в целом нехарактерно для российских бедных, поскольку четыре пятых из них не признают, что находятся «за чертой бедности».

Таким образом, в качестве своего рода «ядра» бедности в современной России, наиболее ярко демонстрирующего реальный портрет российской бедности, может рассматриваться группа хронических бедных, т. е. тех бедных, которые находятся в подобном положении более 5 лет — именно они имеют доходы ниже прожиточного минимума, четко сформировавшиеся идентичности, характерные именно для бедных, и, к тому же, в массе своей характеризуется множественными лишениями.

2. О нынешнем положении бедных

Для того чтобы полнее понять, какой уровень жизни предполагает в современных российских условиях состояние бедности, уместным будет рассмотреть специфику жизни групп бедных «по доходам» и «по лишениям». Далеко не лишним к этому добавить и характерные черты «хронических бедных» и тех бедных, которых принято выделять по субъективным основаниям, т. е. по самооценкам. Причем это целесообразно сделать как по отношению разных групп бедных друг к другу, так и по отношению к небедному населению. Только такой анализ позволит решить, действительно ли во всех подобных случаях речь идет о бедных, хотя и бедных по-разному, и оценить масштабы реальной распространённости бедности в российском обществе.

Первое, к чему стоит обратиться — это к показателю дохода представителей двух основных групп бедных. Как видно из таблицы 2.1, *доходы в составе бедных «по доходам» и бедных «по лишениям» в разы ниже, чем доходы остальных россиян.*

Таблица 2.1

Ежемесячные доходы бедных и небедных, 2013 г., руб.

Доход ежемесячный среднедушевой в домохозяйстве	Бедные		Небедные
	По доходу	По лишениям	
Средний	5045	9108	16669
Медианный	5000	8000	15000

При оценке степени достаточности отмеченных доходов для обеспечения даже того минимального стандарта жизни, который предусматривается официальным прожиточным минимумом, необходимо, конечно, учитывать разницу в стоимости жизни в разных типах населённых пунктов. К примеру, доход в 9500 руб., обеспечивающий в сёлах относительное благополучие (поскольку он оказывается выше медианных доходов в них), означает в крупных городах жизнь на уровне в разы худшем, чем у основной массы их жителей — ведь там уровень медианных доходов достигает 20 000 руб. И не случайно среди бедных «по самооценке» и «по лишениям», у которых самые высокие среди разных групп бедных среднедушевые доходы, доля городских жителей заметно выше, чем среди бедных «по доходам». Так, доля жителей сёл и посёлков городского типа составляет среди бедных «по доходам» 47%, в то время как среди бедных «по лишениям» она достигает 37%, также как и среди бедных «по самооценке» (при 31% среди благополучного населения).

Однако абсолютные показатели доходов с учётом различий стоимости жизни в разных населённых пунктах страны сами по себе не так информативны, как конкретные особенности жизни бедных семей. В связи с этим целесообразно начать их рассмотрение с анализа самооценки бедными различных сторон своей жизни, связанных с удовлетворением базовых потребностей — в еде, одежде, крыше над головой, нормальном физическом самочувствии (см. таблицу 2.2).

Таблица 2.2

Самооценка бедными и небедными отдельных аспектов своей жизни, 2013 г., %¹

Группа	Оценка	Материальная обеспеченность	Питание	Одежда	Жилищные условия	Здоровье
Бедные «по доходам»	Хорошо	3	11	6	14	12
	Плохо	56	29	42	28	26
	Разница	-53	-18	-36	-14	-14
Бедные «по лишениям»	Хорошо	5	13	8	15	15
	Плохо	54	30	45	29	30
	Разница	-49	-17	-37	-14	-15
Небедные	Хорошо	27	50	38	42	42
	Плохо	10	0	0	6	7
	Разница	+17	+50	+38	+36	+35

Как видно из данных таблицы 2.2, независимо от того, какая из групп бедных рассматривается, для всех них, в отличие от небедного населения, характерна невозможность нормального удовлетворения даже базовых физиологических потребностей. Отражает депривированность в соответствующих сферах жизни и их общая неудовлетворённость своим материальным положением. При этом можно предполагать, что на самом деле положение бедных ещё хуже, чем видно из приведённых в таблице 2.2 цифр — поскольку, как отмечалось в разделе 1, бедные в России склонны сейчас скорее приукрашивать своё положение, чем «прибедняться». Поэтому, учитывая, например, близость среднедушевых доходов групп бедных «по доходам» и хронически бедных, а также схожесть их пространственной локализации с вытекающей отсюда близостью стоимости жизни по их месту жительства, можно ожидать и близости распределения их ответов о возможностях удовлетворения ими базовых потребностей. Однако, как видим, уже смирившиеся со своим положением и принявшие в массе своей соответствующие идентичности хронические бедные оценивают разные стороны своей жизни намного хуже, чем бедные «по доходу».

Если говорить о динамике положения бедных, то, как показывают результаты исследования, последние 10 лет привели к резкому ухудшению самооценок бедными практически всех аспектов своей жизни. Так, за этот период произошёл принципиальный сдвиг в оценке ими качества своего питания — доля тех, кто в настоящий период оценивает его как хорошее, среди всех групп бедных меньше доли тех, кто оценивает его как плохое, хотя в 2003 г. ситуация была прямо противоположной. А ведь именно плохое питание выступает в восприятии россиян в целом и самих бедных основным признаком бедности. Подобная тенденция, при некоторых количественных различиях, характеризует самоощущение обеих групп бедных (см. рис. 2.1 и 2.2).

¹ Был возможен также ответ «удовлетворительно», не представленный в таблице.

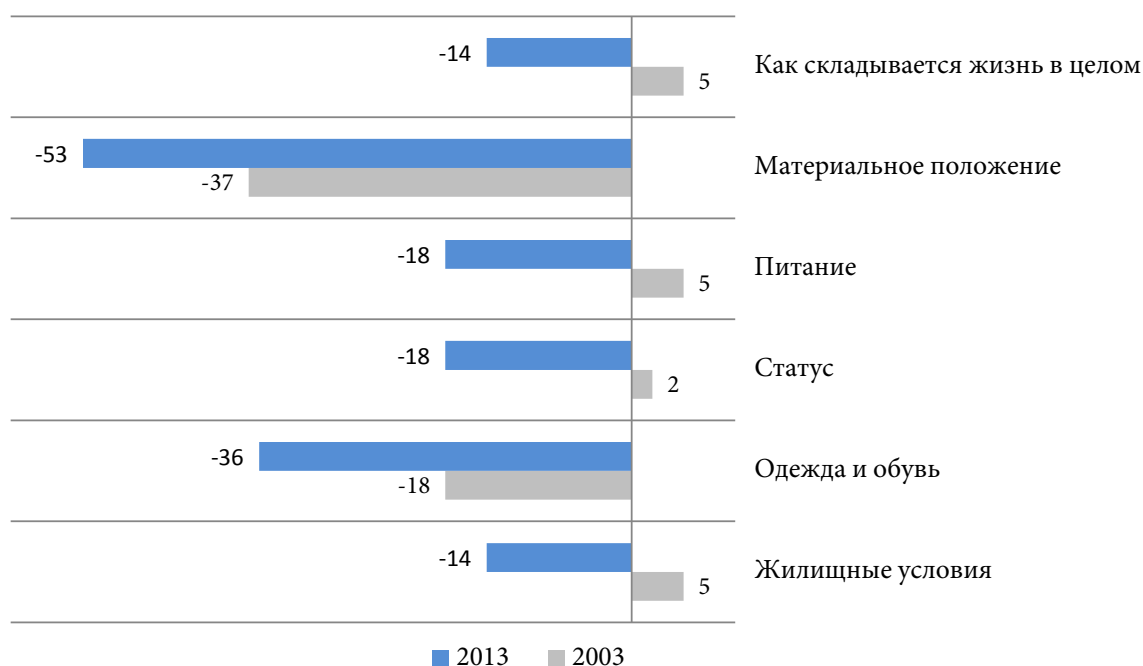

Рис. 2.1. Динамика самооценок бедными «по доходу» ситуации в отдельных сторонах своей жизни как хорошей и плохой, 2003/2013 гг., %¹

Как видно из рис. 2.1, *даже у тех бедных, которые могут претендовать на помощь государства (бедные «по доходу»), жизнь за последнее десятилетие заметно ухудшилась* — по крайней мере, с точки зрения их собственного восприятия. Если в 2003 г. хорошие оценки своего питания, жилищных условий, места в обществе и жизни в целом встречались у них несколько чаще, чем плохие, то в 2013 г. доминирование плохих оценок стало бесспорным, о чем говорит смещение всех данных на рис. 2.1 в левую, отрицательную часть шкалы.

Рис. 2.2. Динамика самооценок бедными «по лишениям» ситуации в отдельных сторонах своей жизни как хорошей и плохой, 2003/2013 гг., %²

¹ Разница между давших соответствующе стороне своей жизни оценку «хорошо» и оценку «плохо».

² Разница между давших соответствующе стороне своей жизни оценку «хорошо» и оценку «плохо».

Ещё заметнее тенденция качественного ухудшения восприятия разных сторон своей жизни проявилась у бедных «по лишениям». Если в 2003 г. они оценивали отдельные стороны своей жизни гораздо позитивнее, чем бедные «по доходу» и также по большинству позиций (за исключением материального положения), то в 2013 г. разрыв между двумя этими группами бедных резко сократился и среди бедных «по лишениям» также начали доминировать негативные оценки различных сторон своей жизни.

Правомерно, однако, поставить вопрос: действительно ли ухудшилось за последнее десятилетие объективное положение бедных или же оно стало просто тяжелее ими восприниматься? Ведь к резкому ухудшению восприятия своего положения могут привести разные факторы — углубление видимых социальных неравенств, осознание невозможности «выбраться» из сложившегося положения, «вечности» своей тяжёлой жизненной ситуации или внезапное осознание ограниченности своих возможностей в силу вновь возникших факторов (невозможность дать денег ребёнку на завтраки в школе или купить ему новую одежду, в результате чего он становится объектом насмешек, оплатить лечение тяжело заболевшему члену семьи и т. д.).

Для того чтобы ответить на вопрос о том, действительно ли ухудшилось положение бедных в части удовлетворения своих базовых потребностей, следует рассмотреть данные о трёх аспектах жизни, депривация в которых выступает для россиян признаками бедности — плохие жилищные условия, невозможность получить необходимую медицинскую помощь и невозможность удовлетворить первоочередные нужды без долгов. Начнём с **жилищных условий** (см. таблицу 2.3).

Таблица 2.3

Жилищные условия бедных и небедных, 2013 г., %¹

Жилищные условия	Бедные		Небедные
	По доходу	По лишениям	
Тип занимаемого жилья			
Общежития	4	7	2
Съёмное жилье	6	9	5
Коммунальная квартира	8	8	1
Часть дома	11	11	3
Итого отсутствие отдельного жилья	29	35	11
Отдельная квартира	44	47	68
Отдельный дом	25	17	19
Другое	2	1	2
Наличие коммунальных удобств			
Есть все	62	66	85
Есть часть из них	34	29	14
Нет вообще	4	5	1
Метров общей площади на человека в домохозяйстве			
В среднем	17,9	17,7	24,9
По медиане	14	15	20

¹ Был возможен также ответ «удовлетворительно», не представленный в таблице.

Как видно из данных таблицы 2.3, бедность не случайно ассоциируется сегодня у россиян в целом и у самих бедных в частности с плохими жилищными условиями. Даже если не учитывать тип дома, время его постройки и его состояние, то жилищная депривация бедных достаточно очевидна. У них в среднем втрое чаще отсутствует отдельное жильё, чем среди небедных — около трети бедных вынуждены проживать в коммуналках, общежитиях, иметь съёмное жильё и т. п. Относительно хуже, чем у небедных, их жилищные условия и тогда, когда они имеют отдельное жильё — так, среди живущих в отдельных квартирах бедных «по лишениям» 32% имеют менее 12 кв. м на человека (показатель, при котором оценки своих жилищных условий как «плохих» начинают доминировать над оценками их как «хороших») при 9% у небедных. Более того — 73% бедных «по лишениям» при 86% небедных имеют дома все коммунальные удобства, а доля вообще их не имевших среди бедных в разы выше, чем среди небедных.

Как изменились жилищные условия бедных за последние 10 лет? Можно утверждать, что на общем фоне улучшения жилищных условий россиян в целом¹ жилищная депривация бедных даже несколько выросла. Так, среди бедных «по лишениям» отсутствие отдельного жилья в 2003 г. характеризовало 26%, а в 2013 г. — уже 35%. Что же касается бедных «по доходам», которые, в отличие от бедных «по лишениям», вправе пользоваться поддержкой государства для улучшения своих жилищных условий, то и среди них ситуация ещё более заметно ухудшилась. Так, в 2003 г. отсутствие отдельного жилья характеризовало 17% бедных «по доходам», а в 2013 г. — уже 29%. Менее 12 кв. м общей площади на человека в домохозяйстве имели среди них десять лет назад 31%, а в 2013 г. — 39%.

Такая динамика жилищного положения бедных позволяет говорить о том, что качество жилья действительно все чаще выступает в современном российском обществе отличительным признаком бедности. И хотя жилищные условия бедных до сих пор сильно различаются и среди них немало людей с вполне благополучной жилищной ситуацией, анализ данных свидетельствует — процессы ухудшения жилищных условий бедных и нарастания среди них жилищной депривации сопровождаются процессом геттоизации российских поселений. Во всяком случае, доля бедных в числе жителей общежитий, коммуналок и т. п. типов жилищ, имеющих обычно тенденцию к пространственной локализации в определённых районах, выросла за 10 лет практически втрое и достигла к настоящему времени почти 30%.

Рассмотрим далее ситуацию с возможностями удовлетворения бедными другой витальной потребности — сохранении здоровья, точнее **доступности медицинской помощи**. Как было показано в таблице 2.2, бедные гораздо хуже остального населения оценивают своё здоровье, и проблема доступности необходимой медицинской помощи стоит для них особенно остро. Так, если среди небедных россиян необходимую им медицинскую помощь (от операций до покупки лекарств) смогли оплатить практически три четверти населения (71%), то в разных группах бедных соответствующий показатель колебался в диапазоне от 8 до 18% (см. таблицу 2.4). Таким образом, *все группы бедных, по какому бы критерию они не выделялись, характеризуются недоступностью для них требующихся по состоянию здоровья лекарств и медицинских услуг, особенно стоматологических.*

¹ Так, число кв. м общей площади, приходящегося на одного россиянина из массовых слоёв населения, выросло по нашим данным за 2003-2013 гг. с 16 кв. м до 23 кв. м.

Таблица 2.4

**Недоступность необходимой медицинской помощи
из-за нехватки денег у бедных и небедных, 2013 г., %¹**

Доступность медицинской помощи	Бедные		Небедные
	По доходу	По лишениям	
Не смогли получить медицинскую помощь, в т. ч.:			
Амбулаторное, поликлиническое лечение	4	6	2
Стационарное лечение	11	9	4
Стоматологическую помощь	18	15	7
Не смогли купить лекарства	25	20	5
Средств на это всегда хватало*	8 (16)	8 (18)	34 (71)
Никто в платной медицинской помощи за последний год не нуждался	51	55	52

*В скобках по данной строке указан процент от нуждавшихся в медицинской помощи.

Если говорить о динамике доступности медицинской помощи для бедных, то картина изменений в этой области за последние годы выглядит также неблагоприятной. Причём данный аспект их повседневного бытия практически одинаково неблагоприятен в обеих группах бедных (см. рис. 2.3 и 2.4).

Рис. 2.3. Динамика самооценок бедными «по доходам» ситуации с доступностью для них медицинской помощи и лекарств, 2008/2013 гг., % от нуждавшихся в какой-либо медицинской помощи

Как видно на рис. 2.3, за последние 5 лет число бедных «по доходу», не получивших необходимую им медицинскую помощь из-за нехватки денег, значительно выросло, а число способных оплатить необходимые им лекарства и медицинские услуги, напротив, сократилось весьма значительно — практически вдвое (с 31% до 16%). При этом ситуация с доступностью необходимых лекарств и стоматологией настолько ухудшилась, что полностью свела «на нет» улучшения в других областях (по доступности поликлинической помощи картина улучшилась, по стационарной — осталась практически неизменной).

¹ Был возможен также ответ «удовлетворительно», не представленный в таблице.

Похожая картина доступности необходимой медицинской помощи наблюдается и у бедных «по лишениям» (см. рис. 2.4). Среди них также резко уменьшилось за последние 5 лет число тех, кто всегда мог найти средства для оплаты расходов «на здоровье» и выросла доля тех, кто не смог купить необходимые лекарства. Так, 84% бедных «по лишениям» в 2013 г. заявили о том, что когда они или кто-то из членов их семьи в последнее время нуждались в лекарствах или платной медицинской помощи, то они не смогли получить её только из-за нехватки денег. И в этом плане *ситуация с доступностью необходимой медицинской помощи бедным «по лишениям» практически тождественна ситуации у бедных «по доходам»*, среди которых данный показатель также составил 84%.

Рис. 2.4. Динамика самооценок бедными «по лишениям» ситуации с доступностью для них медицинской помощи и лекарств, 2008/2013 гг., % от нуждавшихся в какой-либо медицинской помощи

Далее следует проанализировать такой показатель жизни бедных, как **невозможность удовлетворить первоочередные нужды без долгов** и их финансовой ситуации в целом (см. таблицу 2.5).

Таблица 2.5

Финансовое положение бедных и небедных, 2013 г., %

Характеристики финансового положения	Бедные		Небедные
	По доходу	По лишениям	
Есть долговая нагрузка, в т. ч.:	55	45	35
- кредиты в банках	22	17	26
- кредиты на работе	1	1	2
- крупные кредиты от частных лиц	2	2	1
- накопившиеся мелкие долги	35	29	9
- долги по квартплате более чем за 2 месяца	16	12	2
- доля имеющих мелкие долги и/или долги по квартплате	41	35	11
- доля имеющих 2 и более вида кредитной нагрузки	19	15	5

Продолжение таблицы 2.5

Характеристики финансового положения	Бедные		Небедные
	По доходу	По лишениям	
В целом имеют сбережения, в т. ч.:	8	9	38
- есть сбережения, достаточные, чтобы прожить на них не менее года	1	2	11
- есть более мелкие сбережения	7	7	27
Пассивное финансовое поведение – ни долгов, ни сбережений	38	47	35

Как видно из данных таблицы 2.5, **долги действительно являются характерной особенностью жизни бедных**, — если у небедных их имеет каждый третий, то среди бедных «по доходам», которым имеющихся финансовых средств и на текущие-то расходы не хватает, их имеет более половины, а среди бедных «по лишениям» — почти половина. Кроме того, кредитная нагрузка бедных и небедных качественно различается не только самим фактом наличия или отсутствия у них долгов, но и их характером. Долговая нагрузка небедных — это на три четверти кредиты в банках, в то время как среди бедных доминируют накопившиеся мелкие долги и долги по квартплате.

Наконец, отдельного внимания заслуживает вопрос о **сбережениях бедных**. Если вспомнить приводившиеся выше данные о доходах бедных домохозяйств, то становится очевидно, что якобы крупные сбережения, присутствующие у 1-2% бедных, это суммы порядка 80-90 тыс. руб. В то же время, у небедных наличие в домохозяйстве сумм достаточных, чтобы прожить на них не менее года, означает в среднем, учитывая их уровень доходов, суммы порядка 200 тыс. руб. и более. Примечательно, впрочем, другое: среди бедных, имеющих сбережения, отчётливо доминируют лица старше 50 лет. Они составляют две трети имеющих сбережения бедных «по лишениям» и половину бедных «по доходам». В то же время, среди небедных наличие сбережений примерно в равной степени характеризует все возрастные группы. Таким образом, *сбережения бедных — это, в основном, либо сбережения «на пенсию», либо «гробовые», в то время как у небедных спектр целевого назначения сбережений гораздо шире.*

Если говорить о динамике финансового положения бедных, то *накапливание долгов именно за прошедшее десятилетие действительно стало характерной особенностью их жизни*. При этом поистине удивительно, как банки выдают кредиты людям, доходы которых ниже прожиточного минимума — а ведь доля имеющих банковские кредиты выросла за последнее десятилетие среди бедных «по доходам» в 5,5 раз (см. рис. 2.5)! Подобное поведение банков не только безответственно по отношению к другим заёмщикам, поскольку именно на них, в конечном счете, перекладываются риски невозврата таких кредитов, но и негуманно по отношению к самим бедным. Живя в постоянной нужде и будучи в массе своей недостаточно функционально грамотными, они достаточно легко поддаются на зазывные рекламы о кредитах якобы «без переплаты» и попадают в тяжелейшую долговую кабалу, из которой в массе своей уже не имеют возможности впоследствии выбраться. При этом катастрофически падает их уровень жизни — ведь никакие расчёты прожиточного минимума не учитывают платежи банкам по 20 и более процентов ежегодно.

Рис. 2.5. Динамика наличия долгов и сбережений у бедных «по доходам», 2003/2013 гг., %

Похожая ситуация складывается и у бедных «по лишениям», хотя там доля имеющих задолженность выросла за последние 10 лет все же менее значительно, чем среди бедных «по доходу». Однако и у них в 3,5 раза выросла доля имеющих банковские кредиты, все больше накапливаются в их среде и мелкие долги. Интересно, что на фоне этого у бедных «по лишениям» довольно заметно сократилось число имеющих задолженность по квартплате более чем за 2 месяца. Скорее всего, это говорит о том, что постепенное смещение данной группы в города, где активно ведётся компания по выселению должников по квартплате из их жилищ, привели в этой группе бедных к повышению платёжной дисциплины по такому виду задолженностей, даже несмотря на резкий рост за этот период стоимости услуг ЖКХ (см. рис. 2.6).

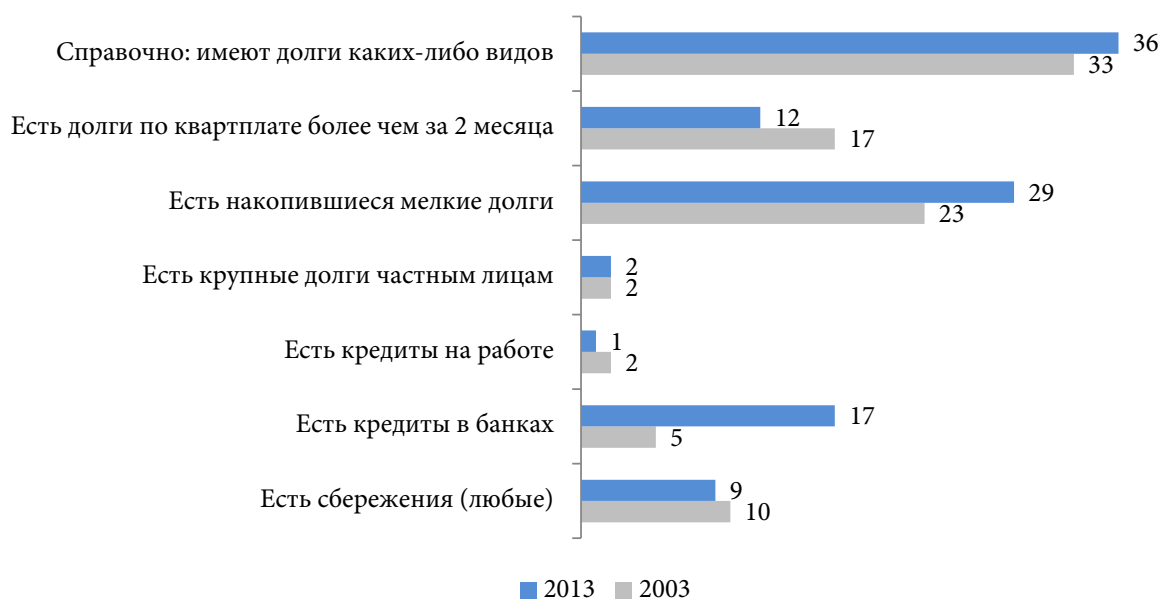

Рис. 2.6. Динамика наличия долгов и сбережений у бедных «по лишениям», 2003/2013 гг., %

Посмотрим в связи с этим, какую же долю своих семейных бюджетов тратят в нынешний период в России бедные на оплату услуг ЖКХ и как это отражается на их питании (см. таблицу. 2.6)?

Таблица 2.6

Самооценка бедными и небедными размера той части семейного дохода, которая тратится ими на коммунальные услуги и питание, 2013 г., %

Величина расходов	Бедные		Небедные
	По доходу	По лишениям	
Расходы на коммунальные услуги			
До 15%	17	23	32
От 15 до 25%	37	36	45
От 25 до 50%	33	29	19
От 50 до 75%	11	9	3
Более 75%	1	1	0
Затруднились ответить	1	2	1
Расходы на питание			
До 15%	6	7	8
От 15 до 25%	22	21	33
От 25 до 50%	40	41	45
От 50 до 75%	25	26	12
Более 75%	5	4	2
Затруднились ответить	2	1	0
Справочно: размер дохода в группах в рублях			
Среднедушевого	5044	9108	16669
Медианного	5000	8000	15000

Как видно из данных таблицы 2.6, ситуация с высокими и все растущими платежами за ЖКХ, сэкономить на которых практически невозможно, сказывается на бедных очень тяжело — ведь почти половина их тратит на оплату услуг ЖКХ более четверти своего скромного семейного бюджета, в то время как у небедных в таком положении находится лишь каждый пятый. Возможно, именно колоссальным ростом коммунальных платежей за последние 10 лет объясняется отчасти и то общее ухудшение жизни бедных, о котором шла речь выше. При этом особого внимания заслуживает то, что даже среди бедных «по доходу», т. е. тех, кто в первую очередь должен получать субсидии на оплату услуг ЖКХ в случае превышения последними определённой доли совокупного семейного дохода¹, их, видимо, многие не получают — во всяком случае, расходы на подобные услуги в большинстве бедных семей превышают такую планку.

¹ Уровень расходов на услуги ЖКХ, дающий право на получение субсидий, различается по регионам, однако он в любом случае не должен превышать планки в 22% от совокупных доходов домохозяйства. Тем не менее, забюрократизированность процедуры получения субсидий, организационные сложности их получения, особенно для сельских жителей, которым для этого надо неоднократно съездить в райцентр в рабочее время, необходимость частого их переоформления (обычно дважды в год) приводят к тому, что жилищные субсидии на частичную оплату коммунальных услуг получают далеко не все имеющие на них право.

Уже одним этим задаются и ограничения по качеству питания бедных. Напомним — Росстат закладывает на эти цели менее 40% прожиточного минимума. Однако почти треть бедных тратят на питание не менее половины своих доходов. Особенно высока эта доля у хронических бедных, 42% которых тратит на питание не менее 50% семейного бюджета. Впрочем, учитывая их уровень доходов, это означает, что на питание ими расходуется в среднем около 2,5 тыс. руб. в месяц на человека. Становится понятным, какого качества питание, особенно с учётом необходимости питаться на работе, можно себе позволить в современной России менее чем на 100 руб. в день; не менее очевидно и то, что в этих условиях неудовлетворённость бедных своим питанием растёт.

Характеристику динамики различных сторон жизни бедных, связанных с особенностями их текущих трат, можно было бы продолжать и на других примерах, однако общая картина их жизни от этого не изменится. *Данные свидетельствуют: несмотря на сокращение численности бедных в последние 10 лет, реальная их доля всё же в разы больше, чем те 8-9%, о которых сообщает Росстат. Кроме того, положение тех, кто остался (или стал в последнее время) бедным в период 2003-2013 гг. относительно ухудшилось. Это касается не только отношения к ним со стороны общества, но и возможностей удовлетворения ими своих базовых потребностей. Одновременно возросла и кредитная нагрузка на них.*

На что же брали кредиты бедные? Судя по всему — прежде всего на приобретение домашнего имущества — **товаров длительного пользования (ТДП)**. В результате последние сейчас представлены в домохозяйствах российских бедных достаточно широко (см. таблицу. 2.7).

Таблица 2.7

Наличие ТДП в домохозяйствах бедных и небедных, 2013 г., %*
(отранжировано по небедным)

Величина расходов	Бедные		Небедные
	По доходу	По лишениям	
Телевизор, в т. ч.:	98	98	100
- телевизор цветной обычный	88	84	82
- телевизор жидкокристаллический или плазменный	32	31	74
<i>Справочно: Имеют оба типа телевизоров</i>	22	18	57
Холодильник	86	87	99
Пылесос	81	81	96
Мобильный телефон	84	83	94
Стиральная машина-автомат	63	65	91
Микроволновая печь, кухонный комбайн, гриль, тостер и т. п.	52	47	86
Компьютер, в том числе ноутбук	38	37	78
Всего имеют автомобили, в т. ч.:	32	30	69
- отечественный автомобиль	27	23	37
- автомобиль-иномарка (в т. ч. собранный в России)	8	9	41
<i>Справочно: Имеют оба типа автомобилей</i>	4	3	10
Видеокамера, цифровой фотоаппарат	24	19	61
Антенна спутникового телевидения	18	12	36

Продолжение таблицы 2.7

Величина расходов	Бедные		Небедные
	По доходу	По лишениям	
Айфон, смартфон	7	5	29
Планшет, айпад	7	5	26
Кондиционер	6	5	21
Посудомоечная машина	4	2	14
Справочно: общее число ТДП в группах			
Число ТДП среднее	6,36	6,07	9,75
Число ТДП по медиане	6	6	10

* В таблице фоном обозначено наличие соответствующего ТДП в товарном наборе более чем 50% представителей данной группы, т. е. характерные для стандартного товарного набора в группе в целом виды имущества.

Как видим, домашнее имущество россиян сегодня достаточно разнообразно, в том числе и имущество бедных. Из 16 видов ТДП, наличие которых проверялось в ходе опроса, в семьях небедных россиян присутствует, как правило, более половины из них. Фактически стандартный набор имущества, присутствующего в домохозяйстве небедного россиянина, включает сегодня цветной телевизор (причём не только обычный, но и жидкокристаллический или плазменный), холодильник, пылесос, мобильный телефон, стиральную машину, разнообразную мелкую кухонную технику, компьютер, цифровую видеокамеру и/или фотоаппарат, а также автомобиль. При этом наличие автомобиля уже стало в России нормой жизни — в тех массовых слоях, которые попадают в выборку общенациональных опросов, его имеют 7 из 10 домохозяйств, при этом каждая 10-я семья имеет уже 2 автомобиля. Отметим также, что большую часть автопарка россиян составляют сейчас иномарки, в т. ч. и российской сборки.

Конечно, по бедным слоям населения картина домашнего имущества, находящегося в их распоряжении, не столь радужна. Стандартом жизни бедных семей в России с точки зрения имеющихся у них ТДП являются только телевизор, холодильник, пылесос, мобильный телефон и стиральная машина — эти ТДП есть у большинства бедных, по какому бы критерию мы их не выделяли. Среди них, в отличие от остальных россиян, не стали нормой жизни ни автомобили, ни домашние компьютеры, ни цифровая видеотехника, да и среднее число ТДП в их домохозяйствах примерно в 1,5-2 раза меньше, чем у небедных россиян. В то же время, спектр имущества многих бедных семей с бедностью ассоциируется слабо. Так, в заметных масштабах (30-32%) представлены в домохозяйствах бедных автомобили. И хотя автомобили эти в массе своей — продукция отечественного автопрома возрастом старше 7 лет, но все же тот факт, что это весьма недешевое с точки зрения стоимости его эксплуатации имущество есть почти у каждого третьего бедного, удивляет в такой же степени, как наличие в отдельных семьях бедных смартфонов, айпадов, цифровых видеокамер, кондиционеров и посудомоечных машин.

Почему же, живя в целом все хуже и хуже и оценивая свою жизнь все более негативно, российские бедные активно залезают в долги, чтобы покупать все новые виды домашнего имущества? Объяснить этот феномен можно двумя обстоятельствами. Во-первых, давно известная маркетологам закономерность опережающего стремления именно низших слоёв общества к престижному потреблению в ущерб многим другим, казалось бы, более значимым своим по-

требностям. В основе этого стремления — *неудовлетворённость своим социальным статусом, ярко выраженная и у российских бедных, их попытка повысить самооценку через приобретение не соответствующего их структурной позиции в обществе имущества*. Это так называемое «компенсаторное потребление». Соответственно, чем больше эта неудовлетворённость своим статусом будет нарастать, тем все более неадекватного поведения в этой области следует ожидать со стороны бедных, особенно — со стороны молодёжи из бедных слоёв. И осуждать их за подобное поведение нельзя — это нормальная реакция психики на принижённое социальное положение, характерная не только для россиян. Однако если во многих других странах на пути такого рода компенсаторного потребления стоит жёсткий отбор клиентов для кредитования со стороны банков или институциональные ограничения со стороны социальных служб¹, то в России эти факторы рационализации поведения бедных извне практически отсутствуют.

Во-вторых — особая роль имущественного набора в сохранении социального капитала человека в российском обществе. Данный фактор, в отличие от компенсаторного характера демонстративного потребления, вполне рационален, хотя такая рациональность далеко не всегда осознаётся самими бедными. Скорее, они осознают свой страх стать не такими, как окружающие, а, следовательно — превратиться в своего рода «париев». Выбрасывание из сетей социальной поддержки, играющей гораздо большую роль в России, чем поддержка со стороны государства, чревато для многих домохозяйств тяжёлыми последствиями — не случайно в качестве причины бедности их личных знакомых отсутствие данной поддержки назвал каждый пятый россиянин. В этом плане *покупка дорогостоящего имущества типа смартфона, айпада и т. д., не входящих ни в какие прожиточные минимумы, играет роль своего рода маркера, свидетельствующего о том, что человек ещё не «за чертой» и поддерживает его статус в сообществе*.

Если учитывать эту демонстративную роль приобретаемого имущества, т. е. демонстрацию с его помощью окружающим, что у тебя все благополучно (известное по формуле «лопни, а держи фасон»), то понятнее становится и внутренняя логика изменения в домохозяйствах бедных имеющегося в них набора ТДП. Как видно на рис.2.7 и 2.8, за последние 10 лет в домохозяйствах бедных заметно сократилась распространённость таких «малоинтересных» с т. з. их демонстративной роли ТДП как холодильник или стиральная машина. При этом заметно выросла распространённость таких сопоставимых с ними по ценам ТДП как компьютер или цифровая видеотехника. Рекордсменом же прироста распространённости выступил мобильный телефон, который стал сегодня нормой жизни даже в самых бедных слоях россиян. *Таким образом, прирост своих доходов в последнее десятилетие и вновь открывшиеся возможности получения «лёгких» в плане их доступности потребительских кредитов все группы российских бедных направили на расширение своего домашнего имущества, и прежде всего — в той его части, которая позволяла им продемонстрировать как себе, так и окружающим, что они ещё не «конченные люди». И в условиях начавшейся в российском обществе стигматизации бедных такого рода мотивация понятна, хотя эффективность этой стратегии для самих бедных весьма дискуссионна.*

¹ При весомости материальной поддержки бедных в развитых странах, например, бедные не станут покупать автомобиль с риском лишиться этой поддержки, поскольку владение автомобилем лишает их права на её получение. В то же время в России эта поддержка, во-первых, очень незначительна и не играет в их жизни сколько-нибудь заметной роли, а во-вторых, наличие в семье дорогостоящего движимого имущества не является основанием для отказа в получении большинства видов социальной помощи.

Рис. 2.7. Динамика наличия товаров длительного пользования у бедных «по доходам», 2003/2013 гг., % (отранжировано по числу не имеющих соответствующих ТДП в 2013 г.)

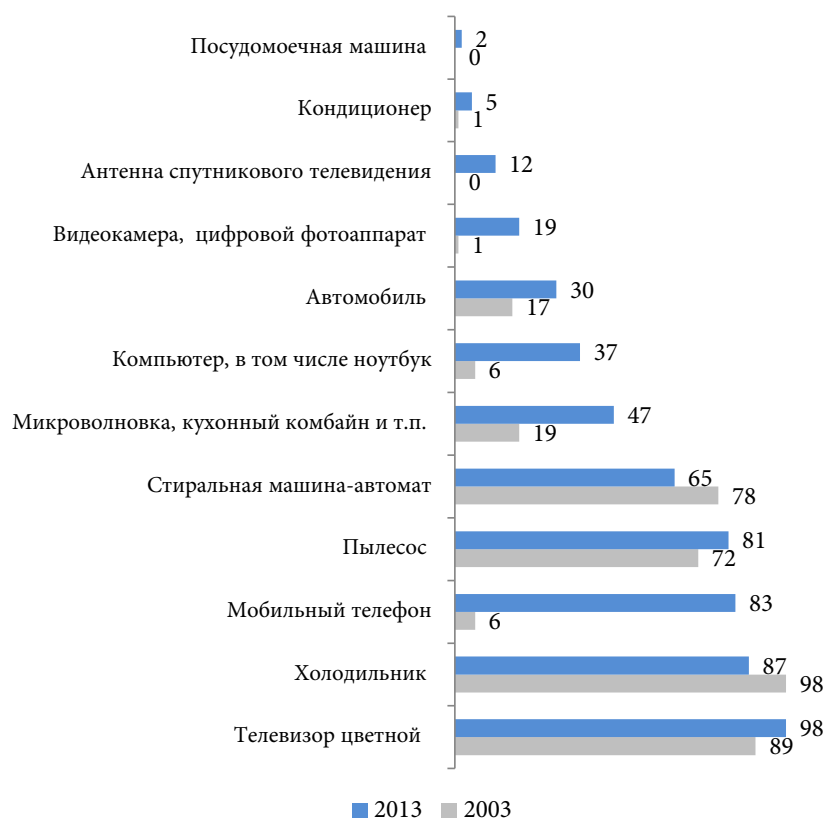

Рис. 2.8. Динамика наличия товаров длительного пользования у бедных «по лишениям», 2003/2013 гг., % (отранжировано по числу не имеющих соответствующих ТДП в 2013 г.)

Процесс наращивания своего домашнего имущества сопровождался у бедных сокращением объёма их недвижимого имущества. Так, например, среди бедных «по доходу» доля имеющих дачу или садово-огородный участок с домом сократилась за 2003-2013 гг. втрое — с 34 до 11%, гараж — вчетверо (с 30 до 8%), второе жилье также вчетверо (с 4 до 1%) и т. д. Однако наиболее симптоматичным с точки зрения реальной обеспеченности группы бедных таким стратегически значимым ресурсом как недвижимость, выступает сокращение даже среди бедных «по доходу», относительно чаще других групп бедных проживающих в сельской местности, доли имеющих в собственности землю в форме пая, отдельного участка земли или просто приусадебного участка. Если в 2003 г. имели землю в собственности 28% бедных «по доходу», то спустя 10 лет — уже 20%. При этом среди них практически полностью исчезли имеющие её в какой бы то ни было форме, кроме приусадебного или садово-огородного участка (см. таблицу. 2.8).

Таблица 2.8

Наличие недвижимости в собственности у бедных и небедных, 2013 г., %

Недвижимость в собственности	Бедные		Небедные
	По доходу	По лишениям	
Квартира, дом	73	60	90
Второе жилье (квартира, зимний дом и т. п.)	1	1	8
Дача, садово-огородный участок с домом	11	10	33
Гараж или место на коллективной стоянке	8	7	31
Земля	1	1	4
Садово-огородный участок без дома, в т. ч. приусадебный участок	19	15	18
Ничего из вышеперечисленного не имеют	20	35	1

В этом плане можно говорить о том, что *обезземеливание низов российской деревни уже завершилось*. Более того — динамика имущества сельских бедных свидетельствует о том, что эти слои вообще утрачивают сегодня традиционный для российского села образ жизни и люмпенизируются, поскольку скот в них также имеет сегодня лишь каждый 20-й, а доля держащих скот сократилась за 10 лет в полтора раза. Учитывая фактическое отсутствие земли и у городской бедноты, следует отметить, что *существующий в массовом сознании миф о том, что беднейшая часть населения России выживает в основном за счёт подсобной сельскохозяйственной деятельности уже давно не соответствует реальности — такого рода деятельность, возможно, служит подспорьем для среднеобеспеченных слоёв населения, но бедные слои в массе своей лишены доступа к этому ресурсу улучшения собственного положения*.

Те же самые тенденции сокращения за последние 10 лет числа имеющих недвижимость в собственности и обезземеливания сельских бедных характеризуют всех российских бедных, и, в частности, все больше смещающуюся в города группу бедных «по лишениям». Однако в ней, в отличие от бедных «по доходам», в еще меньшей степени представлено характерное не только для сельской местности, но и для городов имущество. При этом если доля не имеющих в собственности никакой недвижимости в группе бедных «по доходу» выросла за период 2003-2013 гг. с 12 до 20%, то в группе бедных «по лишениям» данная доля была изначально ещё больше (26%), поэтому теперь в ней не имеют никакой недвижимости уже более трети.

По всей вероятности, на такой динамике сказались два фактора. Во-первых, в процессе сокращения группы бедных в целом из её состава вышла за эти годы наиболее ресурсообеспеченная часть, что сказалось и на её общем портрете. А во-вторых *бедные россияне постепенно распродавали в данный период имевшееся у них ранее недвижимое имущество — дачи, участки, гаражи*. А это означает, что тяжёлое материальное положение усугубляется сегодня ещё и тем, что у них имеется гораздо меньше возможностей задействовать в будущем определённые типы стратегически значимого имущества для поддержания уровня своего материального благосостояния по той причине, что этими типами собственности они обычно уже не располагают. Так, у них в три-четыре раза реже, чем у среднестатистического россиянина, имеются сегодня дача, садово-огородный участок с домом, гараж (от их качества и рыночной стоимости мы, естественно, отвлекаемся). Кроме того, положение бедных с точки зрения их возможностей использовать землю для самообеспечения продуктами питания оказывается гораздо менее выгодным, чем у представителей более благополучных слоёв населения.

Суммируя все вышесказанное, можно утверждать: *динамика имущественной обеспеченности бедных россиян недвижимым имуществом, как и динамика почти во всех остальных, характеризующих их материальное положение, сферах жизни свидетельствует о том, что в последние 10 лет произошло ухудшение их положения несмотря на увеличение в их хозяйствах домашнего имущества*.

Такой вывод подтверждается и ситуацией с **доступностью для бедных платных социальных услуг**, т. е. таких услуг, которые влияют на качество их человеческого капитала (образовательных, медицинских и рекреационных) (см. таблицу 2.9).

Таблица 2.9

Использование платных социальных услуг бедными и небедными, 2013 г., %

Услуги	Бедные		Небедные
	По доходу	По лишениям	
Платные образовательные услуги для взрослых (вуз, курсы повышения квалификации или переквалификации, частные уроки)	8	2	21
Платные медицинские услуги	30	18	56
Платные оздоровительные услуги для взрослых (санатории, дома отдыха, клубы здоровья, спортивные и оздоровительные секции и другое)	4	1	16
Платные оздоровительные учреждения для детей (в том числе спортивные школы и пионерлагеря)*	6	6	20
Платные образовательные учреждения или услуги для детей (кружки, музыкальная школа, частные уроки, частные школы или детские сады и другое)*	14	11	33
Туристические или образовательные поездки за рубеж для кого-то из членов семьи	2	1	23
Не пользовались ничем из вышеперечисленного	61	77	23

* От имеющих детей до 16 лет включительно.

Как свидетельствуют данные таблицы 2.9, *бедные в России сегодня принципиально отличаются от остального населения невозможностью использования платных социальных услуг*. Так, если среди небедного населения их использовали в течение последних трёх лет более двух третей группы, то среди бедных — от 23-39%. Единственная

разновидность платных социальных услуг, которую бедные используют в России сколько-нибудь широко — это оплата медицинской помощи. Однако и по ней имеющиеся показатели в 2-3 раза уступают использованию данного типа услуг небедным населением, которое при этом отличается относительно лучшим состоянием здоровья.

Особенно тревожно выглядят крайне низкие показатели использования бедными платных социальных услуг для детей. Возможностью направить детей в оздоровительные учреждения, несмотря на все льготы для малоимущих в этом вопросе, среди них пользуются считанные единицы из тех, кто имеет детей. В среднем дети из бедных семей имеют возможность пользоваться услугами этих учреждений в несколько раз реже, чем дети из небедных семей. Так же примерно выглядит и картина с доступностью для них платных образовательных услуг (кружки, музыкальная школа, частные уроки и т. п.) — если в небедных семьях этими услугами пользуется каждый третий ребёнок (что, впрочем, тоже очень мало), то среди бедных в среднем лишь каждый десятый. Это значит, что *дети из бедных семей вырастают с заведомо худшим человеческим капиталом, который сочетается у них с практически нулевым экономическим ресурсом семьи. Так бедность не только начинает воспроизводиться от поколения к поколению, но и в подрастающем поколении формируется чувство глубокой несправедливости сложившегося общественного устройства.*

До сих пор мы рассматривали уровень и образ жизни бедных через призму тех характеристик, которые связаны с базовыми потребностями человека. Однако большую роль в жизни любого современного человека играют социальные потребности, так или иначе связанные с отношениями людей между собой — на работе, дома, в досуговой активности и т. п. Конечно, они также во многом замыкаются на финансовые возможности семьи, однако их суть все-таки состоит во взаимоотношениях человека не с материальными предметами, а с другими людьми. Как показывают результаты исследования, в данных областях картина жизни бедных выглядит по отношению к ситуации у небедных в целом ещё хуже, чем в отношении их физиологических потребностей (см. таблицу 2.10).

Таблица 2.10

Самооценка бедными и небедными отдельных аспектов своей жизни, 2013 г., %¹

Группа	Оценка	Возможности проведения досуга	Отдых в период отпуска	Общение с друзьями	Доступность образования	Статус, место в обществе	Жизнь в целом
Бедные «по доходам»	Хорошо	8	6	29	8	9	9
	Плохо	46	59	15	45	27	23
	Разница	-38	-53	+14	-37	-18	-14
Бедные «по лишениям»	Хорошо	10	6	31	8	9	8
	Плохо	42	52	14	40	25	21
	Разница	-32	-48	+17	-32	-16	-13
	Плохо	48	67	17	51	38	33
	Разница	-44	-64	+9	-48	-33	-32
Небедные	Хорошо	37	33	58	33	35	42
	Плохо	11	16	3	11	5	2
	Разница	+26	+17	+55	+22	+30	+40

¹ Был возможен также ответ «удовлетворительно», не представленный в таблице.

Как видно из показателей таблицы 2.10, по всем ключевым компонентам социальных потребностей ситуация у бедных характеризуется глубокой неудовлетворённостью соответствующими сторонами своей жизни и качественно отличается в данном отношении от ситуации у небедных россиян. Даже по такому, казалось бы не требующему специальных расходов, аспекту жизни как отношения с друзьями, ситуация у бедных, хотя и характеризуется скорее удовлетворённостью этой стороной жизни, все же заметно хуже, чем у небедных. Хорошие оценки её превышают плохие у бедных на 14-17%, в то время как среди небедных россиян большинство (58%) оценивает их как хорошие и лишь 3% — как плохие.

Пессимизм бедных в оценке своей жизни не случаен и отражает ещё одну очень важную черту: от более благополучных россиян бедные отличаются сегодня принципиальной невозможностью добиться значимых улучшений в своей жизни. У подавляющего большинства из них в последние 3 года вообще не было ни одного из таких сдвигов в жизни как рост благосостояния, улучшение жилищных условий, повышение на работе, рост уровня образования, наличие дорогостоящих приобретений, зарубежные поездки (см. таблицу 2.11), в то время как две трети небедных россиян признают, что в их жизни есть отчётливые позитивные сдвиги.

Таблица 2.11

**Значимые улучшения в жизни бедных и небедных
в течении 2000-2003 и 2010-2013 гг., %**

Чего удалось добиться за три года	Бедные		Небедные
	По доходу	По лишениям	
Улучшить своё материальное положение	6	2	24
Улучшить жилищные условия	9	1	17
Получить повышение на работе или найти новую, более подходящую работу	6	2	15
Повысить уровень образования и/или квалификации	4	2	16
Открыть собственное дело	0	0	3
Сделать дорогостоящие приобретения (купить квартиру, автомобиль, мебельный гарнитур и т. п.)	7	3	24
Побывать в другой стране мира	2	1	21
Ничего из вышеперечисленного за последние три года добиться не удалось	80	92	37

Анализ динамики изменения положения бедных в данном вопросе в последние 10 лет показывает, что и по всем другим аспектам их жизни, за исключением ситуации с ТДП, положение бедных ухудшается как относительно небедных, так и относительно ситуации, характеризовавшей беднейшую часть россиян всего 10 лет назад. Причём тенденция эта опять-таки характеризует обе подгруппы бедных, но в большей степени характерна для бедных «по лишениям» (см. рис. 2.9 и 2.10).

Рис. 2.9. Доля не имевших значимых улучшений в жизни за период 2000-2003 гг. и 2010-2013 гг. у бедных «по доходам», %

Рис. 2.10. Доля не имевших значимых улучшений в жизни за период 2000-2003 гг. и 2010-2013 гг. у бедных «по лишениям», %

Как видно на рис. 2.9 и 2.10 доля тех, кто смог обеспечить себе соответствующие позитивные сдвиги практически по всем видам значимых улучшений жизни и среди бедных «по доходам», и среди бедных «по лишениям» заметно сократилась. Соответственно невозможность обеспечить себе хотя бы какие-то позитивные сдвиги стала характеризовать гораздо большую часть бедных. Так, в 2003 г. лишь чуть более половины (52%) бедных «по доходам» и 81% бедных «по лишениям» не имели никаких значимых улучшений в жизни за предшествующие три года. В то же время в 2013 г. таковых стало уже 80% среди бедных «по доходам» и 92% — среди бедных «по лишениям». Очевидно, что и в этом вопросе бедные «по лишениям», которые формально вообще не могут рассматриваться в качестве бедных в соответствии с официально принятой в России логикой выделения бедных, вновь оказываются в худшем положении, чем бедные «по доходам», выступающие в роли таковых вполне официально.

3. Специфика источников доходов и стратегий выживания бедных

Стратегии социально-экономического поведения, даже если говорить только об экономических факторах, помимо уровня дохода определяются и его структурой. В связи с этим анализ следует начать с рассмотрения структуры источников доходов бедных. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что структура источников основных доходов домохозяйства бедных и небедных россиян имеют много общего. Так, для подавляющего большинства россиян, как и для собственно бедных, основным источником доходов домохозяйств является заработная плата по основному месту работы. Значительна также доля тех, для кого основным источником дохода выступают пособия, пенсии и прочие социальные выплаты — таковых в настоящее время среди населения более трети (39%) и несколько больше среди бедных¹ — 45%. Обращает на себя внимание и то, что заметно чаще представители группы бедных в качестве источников основного дохода называют разовые приработки, заработки от случая к случаю (27% против 18% в целом по населению), помощь, получаемую от родственников, друзей, соседей и т. п. (14% против 9% в целом по населению). При этом заметно реже ими называется такой источник пополнения семейного дохода как доход, получаемый от подсобного хозяйства, дачи, приусадебного участка. В качестве источника основного дохода его назвали 14% опрошенных в группе бедных, тогда как среди небедных доля таковых составляет 21% (см. рис. 3.1).

Более отчетливы различия бедного и небедного населения в структуре основных источников семейного дохода при анализе ее динамики. Обращает на себя внимание определенная «подвижность», изменчивость данной структуры прежде всего среди группы бедных. Так, у небедного населения структура источников доходов семьи за последние годы практически не изменилась: и в 2013 г., и в 2008 г., в качестве источника основного дохода семьи большинство россиян назвали зарплату по основному месту работы. Далее по значимости с заметным отрывом следуют социальные выплаты, получаемые от государства и общественных организаций — 37%, доходы, получаемые от подсобного хозяйства, дачи, приусадебного участка (21%) и доходы, получаемые от разовых приработков — 19% (см. таблицу 3.1).

¹ Здесь и далее в данном разделе, если не оговорено иное, под бедными имеются в виду бедные «по доходам» и бедные «по лишениям».

Рис. 3.1. Структура источников основных доходов домохозяйств бедных и небедных, 2013 г., %

Таблица 3.1

Динамика структуры основных источников доходов домохозяйств бедных и небедных, 2008/2013 гг., %

Источники дохода	Бедные				Небедные	
	По доходам		По лишениям			
	2008	2013	2008	2013	2008	2013
Зарплата по основному месту работы	58	74	61	70	88	83
Пенсии, стипендии и другие виды пособий, получаемые от государства и общественных организаций	55	48	52	45	30	37
Разовые приработки, заработки от случая к случаю	10	23	11	22	20	19
Подсобное хозяйство, дача, приусадебный участок	19	19	13	18	17	21
Совместительство, в том числе разовые приработки	4	3	3	3	10	9
Помощь получаемая от родственников, друзей, соседей	6	13	5	9	6	9
Доходы от собственности, сдачи в аренду имущества, проценты по вкладам	2	1	2	1	4	6
Собственный бизнес	1	2	1	1	3	6

Структура доходов бедных изменилась за последние пять лет гораздо сильнее. Так, обращает на себя внимание сокращение числа бедных, называющих в качестве источника основного дохода социальные выплаты от государства

и общественных организаций и, одновременно, рост доли называющих в качестве источника основного дохода зарплату по основному месту работы (см. таблицу.3.1). Значительно (практически в два раза) возросла и распространенность такого источника доходов семьи как разовые приработки, заработки от случая к случаю: с 10% до 23% в группе бедных «по доходу» и с 11% до 22% в группе бедных «по лишениям». Несколько чаще бедные стали называть в качестве источника основного дохода семьи помощь, получаемую от родственников, друзей, соседей.

Таким образом, различия структуры источников основных доходов бедных и небедных за последние годы уменьшились, хотя для небедных доходы от систематической занятости и сейчас важнее, чем для бедных. В то же время, во всех группах бедных социальные трансферты шире, чем у небедных, хотя доля бедных, получающих доходы от занятости, в последние годы заметно выросла. Отчасти это можно объяснить активной государственной политикой как на рынке труда, так и вне его. Так, с 2009 г. реализуются федеральные программы, включающие меры недопущения массовых увольнений и вовлечения в трудовую деятельность прежде всего социально уязвимых социальных групп (организация общественных работ, временное трудоустройство работников организаций в случае угрозы увольнения; опережающее профессиональное обучение работников организаций, находящихся под риском увольнения; стажировка выпускников образовательных учреждений в целях приобретения опыта работы; содействие самозанятости безработных граждан и стимулирование открытия гражданами из числа безработных собственного дела; создание дополнительных рабочих мест для трудоустройства безработных граждан; оказание адресной поддержки гражданам в целях их переезда для работы в другую местность и др.)¹.

В итоге реализации этих мер, за прошедшее десятилетие, как уже ранее отмечалось, произошел значительный рост показателей ежемесячного душевого дохода по населению в целом. Так, медианное значение ежемесячного душевого дохода составило по самооценкам респондентов в 2013 г. 10 000 руб., в то время как в 2008 г.² медианное значение среднедушевого дохода составляло 5000 руб., а в 2003 г. этот показатель составил 2000 руб. Впрочем, общая картина заметно дифференцируется в различных поселенческих и возрастных группах (см. рис.3.2).

Следует обратить внимание и на еще один важный с точки зрения анализа экономических стратегий бедных момент. В рамках настоящего исследования, как было показано выше, группы бедности выделялись на основе разных подходов. Первый подход, так называемый «абсолютный» основывается на сравнении среднедушевых доходов респондентов с показателями регионального прожиточного минимума и официально используется в нашей стране для количественного измерения масштабов бедности. Второй подход — депривационный, исходит из того, что бедность — это не просто отсутствие денег, а в первую очередь невозможность поддерживать приемлемый и понимаемый как «нормальный» в данном сообществе образ жизни.

Естественно, что бедные «по доходу» имеют доходы заведомо ниже прожиточного минимума. Что же касается бедных «по лишениям», то по ним ситуация не так однозначна, хотя практически половина из них (46%)

¹ [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/government/93> (Дата обращения 10.06.2013).

² См. «Малообеспеченные в России: Кто они? Как живут? К чему стремятся?», 2008. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ИС РАН URL: http://www.isras.ru/analytical_report_needy_0.html.

имеют доходы не выше 7000 руб., ещё у 27% доходы находятся в диапазоне 7000-10 000 руб. Учитывая, что в этой группе больше живущих в крупных городах, где жизнь дороже, становится очевидно, что в массе своей последние — тоже группа с доходами, не обеспечивающими минимальный потребительский стандарт. Однако проблемы примерно четверти этой группы, связаны скорее не с уровнем их доходов, а со спецификой их расходов.

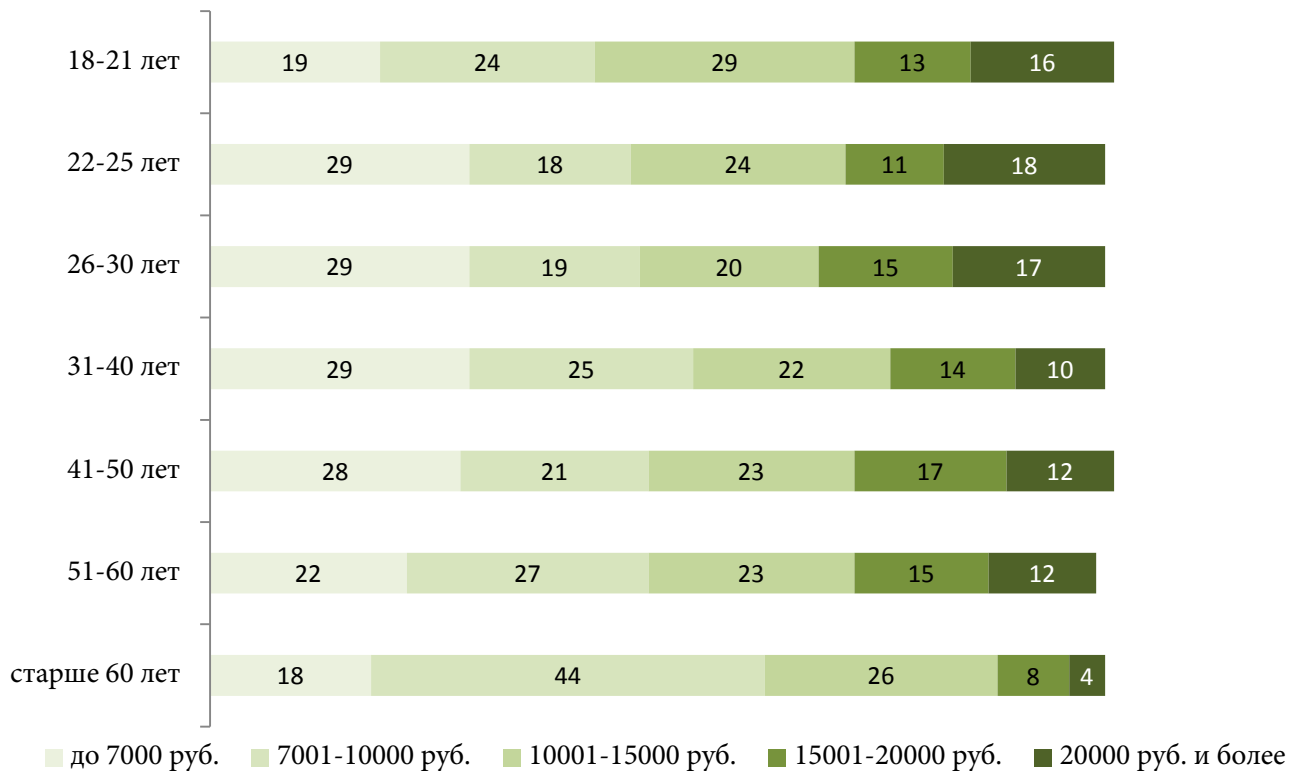

Рис. 3.2. Оценка респондентами из разных возрастных групп своих ежемесячных среднедушевых доходов, 2013 г., %

Похожи друг на друга, и в тоже время заметно отличаются от небедного населения, группы бедных «по доходам» и бедных «по лишениям» и в оценке перспектив улучшения своего материального положения (см. таблицу 3.2). В то же время бедные «по лишениям» чаще (25%) склонны ожидать ухудшения своего материального положения, чем его улучшения (21%), что отличает их не только от небедных, где эти показатели соответственно 11% и 41%, но и от бедных «по доходам», у которых доля тех, кто предполагает его улучшение в ближайшей перспективе, заметно выше доли тех, кто ожидает негативных перемен: 29% против 23%.

Таблица 3.2

Динамика представлений бедного и небедного населения о том, как изменится их материальное положение в ближайший год, 2008/2013 гг., %

Варианты ответа	Бедные				Небедные	
	По доходам		По лишениям			
	2008	2013	2008	2013	2008	2013
Должно улучшиться	31	29	27	21	50	41
Скорее ухудшится, чем улучшится	20	23	25	25	9	11
Останется без изменений	49	48	48	54	41	49

Безусловно, оценка перспектив изменения своего материального положение во многом определяется имеющимся у представителей разных групп спектром возможностей и стратегий социально-экономического поведения. Для оценки распространенности различных стратегий социально-экономического поведения в ходе исследования респондентам был задан вопрос: «что вы предпринимаете для того, чтобы изменить свое материальное положение к лучшему?». Среди вариантов ответов были предложены действия, соответствующие четырем укрупненным стратегиям поведения.

«Трудовая стратегия» — характерный для нее тип действий направлен в случае нехватки денежных средств на максимальное увеличение занятости с соответствующим сокращением свободного времени. В числе таких действий занятость по основному месту работы, совместительство, разовые приработки, переквалификация.

«Стратегия использования ресурсов домохозяйства» — характерные для нее типы действий в большей степени присущи небедному населению и концентрируется не на рынке (как заработать деньги), а на минимизации своих расходов и использовании уже имеющихся ресурсов домохозяйства. Данная стратегия описывается через выбор респондентами таких вариантов ответа на вопрос о способах улучшения ими своего положения, как «обеспечение себя самостоятельно некоторыми продуктами питания», «торговля продуктами, выращенными самими», «сдача в наем жилья, гаража, дачи, автомобиля и/или использование процентов от сбережений», «распродажа части накопленного имущества».

«Стратегия регулярного использования помощи со стороны», в большей степени характерная для бедных, особенно для бедных «по доходу», предполагающая использование займов и получение помощи со стороны (см. таблицу 3.3).

Наконец, возможна и самая простая стратегия — **«стратегия ничегонеделания»**, пассивная позиция, которая может диктоваться как неверием в возможность улучшения своего положения собственными силами, так и отсутствием чувства необходимости его улучшать.

Таблица 3.3

Динамика распространенности отдельных элементов различных стратегий изменения материального положения семьи у бедных и небедных, 2003/2013 гг, %

Стратегии	Бедные				Небедные	
	По доходам		По лишениям			
	2003	2013	2003	2013	2003	2013
«Трудовая стратегия»						
Работа по совместительству в нескольких местах на постоянной основе	16	13	13	12	17	18
Сверхурочная работа или совместительство по основному месту работы	25	16	18	14	27	19
Переквалифицируюсь, чтобы сменить работу	5	4	6	3	7	5
Использую любую возможность разовых и временных приработков	32	24	32	21	37	24
«Стратегия использования ресурсов домохозяйства»						
Обеспечиваю себя сам некоторыми продуктами питания	46	25	45	20	44	25

Продолжение таблицы 3.3

Стратегии	Бедные				Небедные	
	По доходам		По лишениям			
	2003	2013	2003	2013	2003	2013
Торгую продуктами, выращенными самим	9	7	12	7	10	5
Сдаю в наем жилье, гараж, дачу, автомобиль и/или использую проценты от сбережений	5	1	2	1	6	6
Распродаю кое-что из накопленного имущества	2	2	3	2	1	1
«Стратегия регулярного использования помощи со стороны»						
Вынуждены занимать деньги	16	20	22	15	9	4
Получаю помощь со стороны	8	9	6	5	8	5
«Стратегия ничего неделания»						
Ничего не предпринимаю, так как в этом нет необходимости	9	3	4	6	11	18
Ничего не предпринимаю, так как ничего не могу сделать для улучшения своего положения	15	27	24	36	10	16

Особо следует обратить внимание также на то, что *среди населения в целом и особенно среди разных групп бедных с годами нарастает ощущение безысходности, невозможности улучшения своего положения*. Так, среди бедных «по лишениям» более трети (36%) в 2013 г. указали, что ничего не могут предпринять для улучшения своего положения, в то время как 10 лет назад таковых было среди них менее четверти. Почти вдвое вырос данный показатель и у бедных «по доходам», достигнув уровня в 27%.

К наиболее востребованным стратегиям улучшения своего материального в настоящее время среди групп бедных относятся:

- самообеспечение некоторыми продуктами питания (25% среди бедных «по доходу» и 20% среди бедных «по лишениям»);
- разовые и временные приработки (24% и 21% соответственно);
- заем денег (20% и 15% соответственно);
- сверхурочная работа или совместительство по основному месту работы (16% и 14%);
- работа по совместительству в нескольких местах на постоянной основе (13% и 12%).

Иными словами, *среди представителей обеих групп бедных востребованы любые дополнительные возможности улучшения своего положения — в рамках трудовой деятельности, самообеспечения себя продуктами питания, займа денег среди ближайшего окружения, что не позволяет говорить об их пассивности, хотя сами они всё чаще не верят, что их усилия принесут какие-то результаты. В то же время, из-за усиления ощущения безысходности и невозможности как-либо улучшить положение семьи число предпринимающих какие-либо конкретные действия для улучшения своего материального положения, за эти годы снизилось. В перспективе это может способствовать формированию у бедных пассивных жизненных установок*.

Впрочем, снизилась за последние годы и активность небедных, особенно это касается использования ими компонентов «трудовой стратегии». Наиболее масштабно это сокращение было у бедных «по доходу», среди которых заметно сократилась доля граждан, прибегающих к сверхурочной работе и совместительству по основному месту работы (с 25% в 2003 г. до 16% в 2013 г.), а также использующих возможность разовых и временных приработков (с 32% до 24% соответственно). Бедные «по лишениям» существенно реже стали использовать только возможности разовых и временных приработков (32% в 2003 г. и 21% в 2013 г.).

Еще более заметно снижение числа респондентов, прибегающих к стратегии использования ресурсов домохозяйства и в первую очередь — выращиванию продуктов питания. Впрочем, учитывая упоминавшийся уже факт обезземеливания бедных, это не удивительно. Так, 45% бедных «по лишениям» в 2003 г. обеспечивали себя сами продуктами питания, в 2008 г. их было уже 23%, а в 2013 г. доля использующих эту возможность улучшить своё положение составила среди них уже всего 20%. Близки к этим цифрам и показатели у бедных «по доходу». В целом сократилось в этих группах и количество тех, кто для улучшения своего материального положения продавал продукты, выращенные самостоятельно: в группе бедных «по доходу» с 9% до 7%, в группе бедных «по лишениям» — с 12% до 7%. Пожалуй, единственная стратегия, к которой за последние 10 лет стали прибегать чаще в группе бедных «по доходу», является «заем денег» — 16% в 2003 г. до 20% в 2013 г.

Следует отметить, что за последние 10 лет и среди россиян в целом возросла доля тех, кто не может ничего сделать для улучшения своего материального положения: с 10% в 2003 г. до 16% в 2013 г. Одновременно с 2003 г. заметно возросла среди наших сограждан, не относящихся к бедным, и доля тех, кто ничего не предпринимает для улучшения своего положения, поскольку в этом нет необходимости: с 11% в 2003 г. до 18% в 2013 г. Таким образом, *прослеживается тенденция углубления социального расслоения небедных россиян с ростом в их составе социально уязвимых групп, которые по своему положению и особенностям социально-экономического поведения приближаются к ситуации бедности.*

Еще одним важным аспектом, характеризующим поведение различных групп населения по улучшению своего материального положения, является широта имеющихся для этого возможностей. Представление о ней косвенно дает общее число используемых человеком способов действий по улучшению сложившейся у него ситуации (см. рис. 3.3).

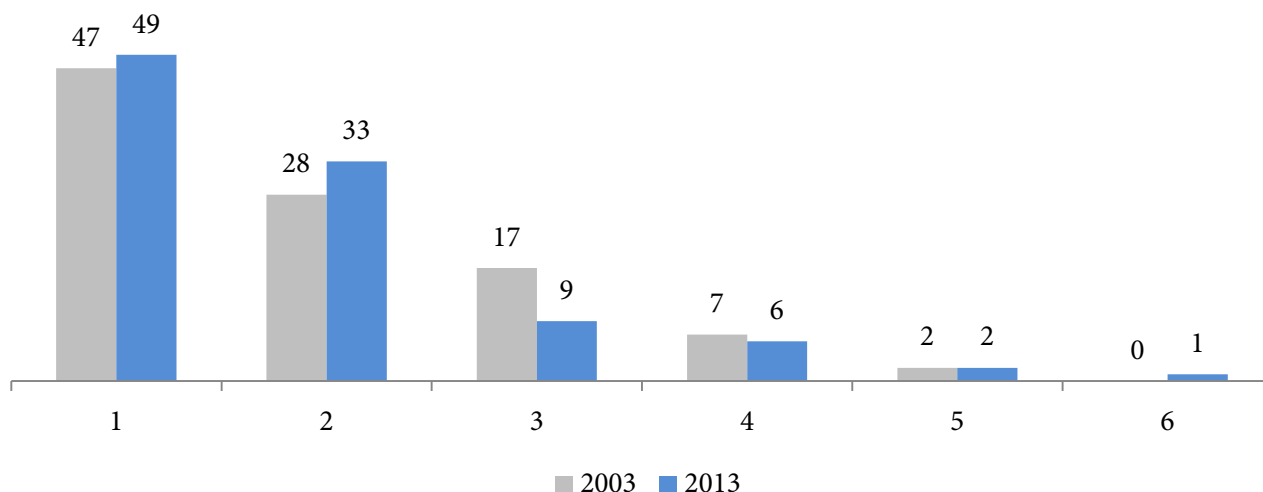

Рис. 3.3. Динамика числа используемых россиянами возможностей для улучшения материального положения семьи, 2003/2013 гг., %

Как видно из данных, представленных на рис. 3.3, практически половина опрошенных (49%) использовала в 2013 г. лишь один вид действий для улучшения своего материального положения. Два таких способа использовали 33%, три и более — 19%.

При этом *результаты исследования не фиксируют каких-либо значимых различий в активности как между разными группами бедных, так и между бедными и небедными*. Это позволяет утверждать, что не только и не столько патерналистские ожидания бедных или отсутствие у них активности консервируют в России состояние бедности. Скорее речь идет о том, что *в России в настоящее время существуют значительные институциональные ограничения и даже барьеры, не позволяющие формировать на микроуровне эффективные стратегии выхода из бедности и поддержания приемлемого для себя уровня и качества жизни*.

При этом возможности получения бедными поддержки со стороны ближайшего окружения очень ограничены — более трети бедных «по доходу» (37%) и почти половина бедных «по лишениям» (44%) ее вообще не получают (см. таблицу 3.4).

Таблица 3.4

**Динамика получения помощи от соседей, родственников, друзей и знакомых
у бедных и небедных, 2008/2013 гг., %**

Виды помощи	Бедные				Небедные	
	По доходам		По лишениям			
	2008	2013	2008	2013	2008	2013
Помощь по хозяйству (покупка продуктов, стирка, уборка, приготовление еды и т. п.)	17	14	17	14	9	13
Помощь продуктами	23	30	20	23	11	14
Уход за ребенком, включая присмотр, прогулки	12	18	9	13	10	12
Помощь на садово-огородном участке	19	12	15	14	14	12
Помощь в решении материальных проблем	21	20	18	16	15	14
Помощь в организации празднеств или ритуальных обрядов	8	4	6	5	8	6
Пошив одежды, стрижка, ремонт электрики, сантехники и т. п.	10	9	8	8	11	8
Помощь в ремонте или строительстве дачи, дома, квартиры, машины и т. д.	19	11	13	10	16	15
Уход за больными, престарелыми членами Вашей семьи	6	4	6	6	4	4
Принятие кого-то, включая детей, на отдых	6	5	4	6	4	6
Помощь транспортом	17	14	12	12	15	10
Оказание профессиональных консультаций и услуг, включая лечение или обучение на дому	3	4	2	3	3	4
Содействие в доступе к должностным лицам, органам власти, от которых зависит решение Ваших проблем	3	3	1	2	4	4
Помощь в трудоустройстве, поиске дополнительной работы	7	8	5	6	9	6
Оказание психологической поддержки, помощь советом	26	19	23	17	27	21
Помощь не оказывается	35	37	40	44	41	43

Как видно из данных, представленных в таблице 3.4, чаще всего опрошенные во всех группах отмечают, что не получают помощь со стороны. Так, среди небедных доля таковых составляет 43%. Впрочем, это вполне понятно, поскольку большинство из них скорее всего и не нуждаются в такого рода помощи. Однако обращает на себя внимание тот факт, что среди группы бедных «по лишениям» доля таковых также достаточно велика — 44%.

Наиболее распространенная помощь, которую получают представители двух групп бедных — это помощь продуктами питания (30% среди бедных «по доходу» и 23% среди бедных «по лишениям»), помощь в решении материальных проблем (20% среди бедных «по доходу» и 16% среди бедных «по лишениям») и оказание психологической поддержки, помощь советом (19% среди бедных «по доходу» и 17% среди бедных «по лишениям»).

В целом же бедные являются на сегодняшний день в России скорее реципиентами помощи, чем «донорами». Так, хотя они получают помощь со стороны своего ближайшего окружения по крайней мере не реже, чем небедные россияне, но оказывают они помощь другим гораздо реже, чем небедные (см. таблицу 3.5). Если среди последних доля тех, кто не оказывает помощь и поддержку другим составляет чуть более трети опрошенных (36%), то среди бедных «по доходу» доля таковых уже 45%, а среди бедных «по лишениям» она достигает даже 50%. При этом за последние пять лет число таковых во всех исследуемых социальных группах возрастало, и, соответственно, снижалось число тех, кто оказывал другим различного вида помощь.

Таблица 3.5

Динамика оказания помощи у бедных и небедных, 2008/2013 гг., %

Виды помощи	Бедные				Небедные	
	По доходам		По лишениям			
	2008	2013	2008	2013	2008	2013
Помощь по хозяйству (покупка продуктов, стирка, уборка, приготовление еды и т. п.)	15	13	12	9	14	16
Помощь продуктами	16	9	12	10	15	17
Уход за ребенком, включая присмотр, прогулки	15	14	11	13	13	14
Помощь на садово-огородном участке	19	15	13	13	18	17
Помощь в решении материальных проблем	9	6	10	5	19	16
Помощь в организации празднеств или ритуальных обрядов	10	4	5	3	11	7
Пошив одежды, стрижка, ремонт электрики, сантехники и т. п.	9	5	7	5	9	9
Помощь в ремонте или строительстве дачи, дома, квартиры, машины и т. д.	15	9	10	8	17	15
Уход за больными, престарелыми членами Вашей семьи	11	8	8	6	14	12
Принятие кого-то, включая детей, на отдых	9	5	6	6	6	9
Помощь транспортом	11	9	7	8	23	19
Оказание профессиональных консультаций и услуг, включая лечение или обучение на дому	4	2	3	2	5	5

Продолжение таблицы 3.5

Виды помощи	Бедные				Небедные	
	По доходам		По лишениям			
	2008	2013	2008	2013	2008	2013
Содействие в доступе к должностным лицам, органам власти, от которых зависит решение Ваших проблем	1	1	1	0	2	2
Помощь в трудоустройстве, поиске дополнительной работы	3	3	2	3	6	5
Оказание психологической поддержки, помощь советом	23	18	16	17	31	24
Помощь не оказывается	41	45	49	50	32	36

Среди наиболее распространенных видов помощи, которую оказывают представители бедных другим, следует отметить, прежде всего, оказание психологической поддержки, помощи советом (18% среди бедных «по доходу» и 17% среди бедных «по лишениям»), а также помощь на садово-огородном участке (15% и 13% соответственно) и помощь по хозяйству (13% и 9%).

Впрочем, несмотря на значительную часть бедных, которые получают помощь со стороны ближайшего окружения, качество этой помощи, видимо, не очень высоко и социальный капитал бедных относительно низок. Во всяком случае, они не видят в массе своей возможности позитивного решения большинства своих повседневных проблем при обращении к своему ближайшему окружению, причем это касается практически всех предложенных в ходе опроса позиций. Только 25% опрошенных в каждой группе бедных указали, что могут рассчитывать на реальную помощь в случае необходимости взять в долг крупную сумму денег.

Таблица 3.6

Динамика оценок бедными и небедными россиянами возможности получить в случае необходимости помощь от своего ближайшего окружения, 2008/2013 гг., %

Виды помощи	Бедные				Небедные	
	По доходам		По лишениям			
	2008	2013	2008	2013	2008	2013
Устройство на хорошую работу	11	10	9	7	24	17
Поступление в хороший вуз	3	3	2	1	8	8
Продвижение по карьерной лестнице	3	3	1	1	6	4
Устройство детей в хорошую школу	6	5	5	3	9	8
Решение жилищной проблемы	3	7	2	6	6	7
Обращение к хорошим врачам или устройство в хорошую больницу	21	12	18	11	30	28
Возможность взять в долг достаточно крупную сумму денег	30	25	28	25	42	37

И это, пожалуй, единственная позиция, в отношении которой наблюдается достаточно высокий уровень оценок. В отношении позитивного решения большинства других своих важных проблем число опрошенных, рассчитывающих

на реальную помощь и поддержку со стороны своего ближайшего окружения, существенно меньше. Так, лишь 12% в группе бедных «по доходам» и 11% в группе бедных «по лишениям» могут рассчитывать на реальную помощь своего ближайшего окружения в случае необходимости обращения к хорошим врачам или устройства в хорошую больницу, 10% и 7% соответственно — при необходимости устроиться на хорошую работу, 5% и 3% соответственно — в случае необходимости устроить ребенка в хорошую школу (см. таблицу 3.6). *При этом за последние 5 лет социальный капитал бедных, как, впрочем, и небедных, сократился.*

4. О бедных на рынке труда

В пореформенном российском обществе *помимо традиционной бедности (бедность социально «слабых» групп) существует и бедность экономическая (бедность «сильных»)*, жертвами которой становятся работоспособные граждане, не имеющие возможности обеспечить себе социально приемлемый уровень благосостояния. Иными словами, в наши дни *наличие работы не гарантирует россиянам защиту от бедности, и причины российской бедности во многом уходят своими корнями в сферу рынка труда и занятости*. При этом и данные статистики, и оценки экспертов свидетельствуют: *после нескольких кризисных лет российский рынок труда снова стал предъявлять достаточно высокий спрос на работников, а безработица заметно сократилась*.

Такова объективная картина состояния рынка труда пореформенной России. Но какой она представляется она нашим соотечественникам? Для начала обратимся к оценкам изменений, произошедших за последнее «путинское десятилетие» (2003–2013 гг.) в отдельных сферах жизни российского общества, так или иначе связанных с рынком труда и системой трудовых отношений (см. таблицу 4.1).

Таблица 4.1

Динамика оценок россиянами изменений положения дел в отдельных сферах жизни российского общества за время пребывания у власти В. Путина, 2003/2013 гг., %¹

Сферы жизни	Бедные				Небедные	
	По доходам		По лишениям»			
	2003	2013	2003	2013	2003	2013
Положение с безработицей						
Улучшилось	18	15	16	18	20	33
Осталось таким же	47	60	46	59	53	50
Ухудшилось	21	25	24	23	15	16
Своевременность выплат зарплат, пенсий и социальных пособий						
Улучшилось	65	49	60	47	67	58
Осталось таким же	24	43	29	44	24	37
Ухудшилось	6	8	7	9	5	4

¹ В 2003 г. позиция «возможность устроиться на хорошую работу» в опросе отсутствовала.

Продолжение таблицы 4.1

Сферы жизни	Бедные				Небедные	
	По доходам		По лишениям»			
	2003	2013	2003	2013	2003	2013
Возможность устроиться на хорошую работу						
Улучшилось	-	6	-	5	-	14
Осталось таким же	-	52	-	59	-	61
Ухудшилось	-	42	-	36	-	24

Данные, представленные в таблице 4.1., свидетельствуют о неоднозначном, но в целом «умеренно позитивном» характере восприятия россиянами процессов, происходящих на отечественном рынке труда. В настоящее время, как и десять лет назад, подавляющее большинство наших сограждан полагает, что отдельные аспекты функционирования последнего, если и не эволюционируют в лучшую сторону, то, по крайней мере, не претерпевают существенных изменений. При этом выявленные за десятилетие «разночтения» в долях опрошенных, заявляющих об ухудшении положения дел, по россиянам в целом минимальны. Следствием фиксируемой общественным мнением своеобразной «стабильности без развития» становится неравномерное распределение голосов наших соотечественников, главным образом, между двумя вариантами ответа — положение «улучшилось» и «осталось без изменений».

Подмеченная неоднозначность становится тем более очевидной при сопоставлении состояния выделенных показателей в динамике. С одной стороны, на 10% увеличилась доля российских граждан, полагающих, что результатом минувшего десятилетия стало улучшение положения дел с безработицей. С другой — на 8% сократилась доля тех, кто придерживается аналогичной точки зрения, обращаясь к проблеме своевременности выплат зарплат, пенсий и социальных пособий. Однако именно эта позиция — единственная из трех, где доля настаивающих на том, что стало лучше, чем было (причем во всех выделенных группах), превышает долю тех, кто не видит никаких изменений, а доля отмечающих ухудшение оказывается минимальной. Одновременно, в обоих случаях фиксируется большее или меньшее (от +5% до +12%) увеличение числа россиян, отдавших предпочтение ответу «положение осталось таким же».

Сравнение приведенных в таблице 4.1 данных позволяет утверждать, что вектор восприятия процессов, происходящих на рынке труда РФ, достаточно четко опосредуется принадлежностью респондентов к «бедным» либо «небедным» слоям россиян. При этом в обеих временных точках самооощущения вторых в части, касающейся выделенных нами аспектов, куда более оптимистичны и, если и отличаются незначительно от показателей по населению в целом, то, как правило, в лучшую сторону. Если говорить о группах бедных россиян, то (практически независимо от используемых критериев их выделения) текущее состояние и динамика изменений национального рынка труда оцениваются ими с большим пессимизмом.

Об этом свидетельствуют, в частности, оценки положения дел с безработицей, полученные в 2013 г. Из данных, представленных на рис. 4.1, видно, что доля бедных, считающих, что ситуация в этой сфере улучшилась, практически вдвое меньше аналогичной доли в группе небедных. Значительно больше среди них и тех, кто не видит здесь никаких существенных изменений, или полагает, что положение с безработицей ухудшилось.

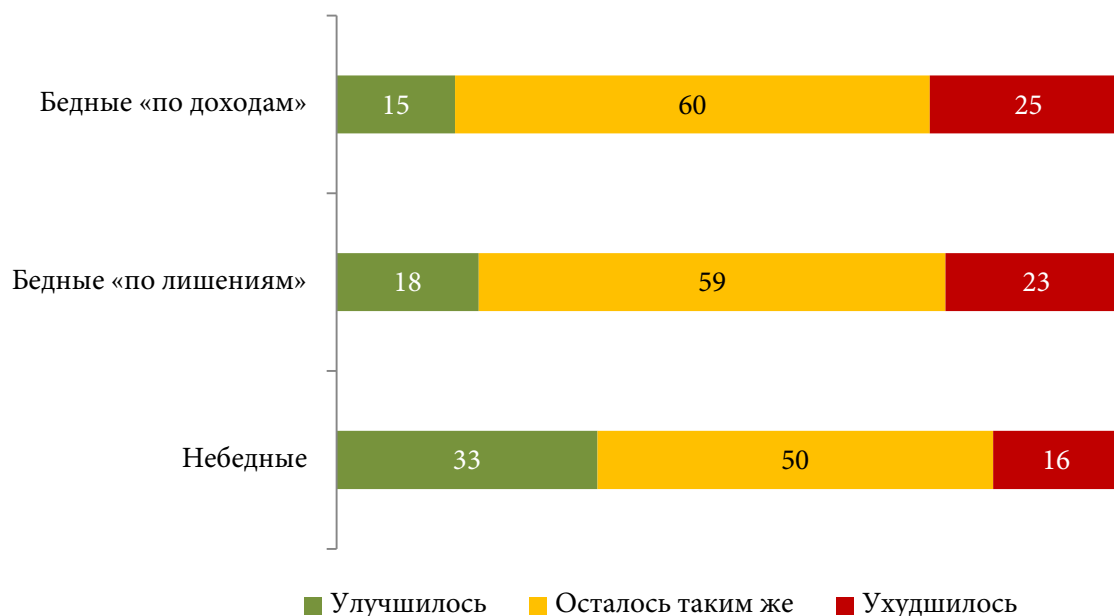

Рис. 4.1. Представления бедных и небедных о положении с безработицей, 2013 г., %

Сопоставительный анализ данных 2003 и 2013 гг. демонстрирует и происходящее на фоне заметного роста доли небедных, подмечающих успехи в деле урегулирования этой проблемы, снижение (пусть и незначительное) числа уверенных в том же бедных. При этом особенно пессимистичными выглядят оценки, выставляемые ситуациями бедными «по доходам» (20% против 33% и 20% против 15% в группах небедных и бедных «по доходам» соответственно). Похожая картина наблюдается и при обращении к показателю своевременности выплат зарплат, пенсий и т. п. (см. рис. 4.2).

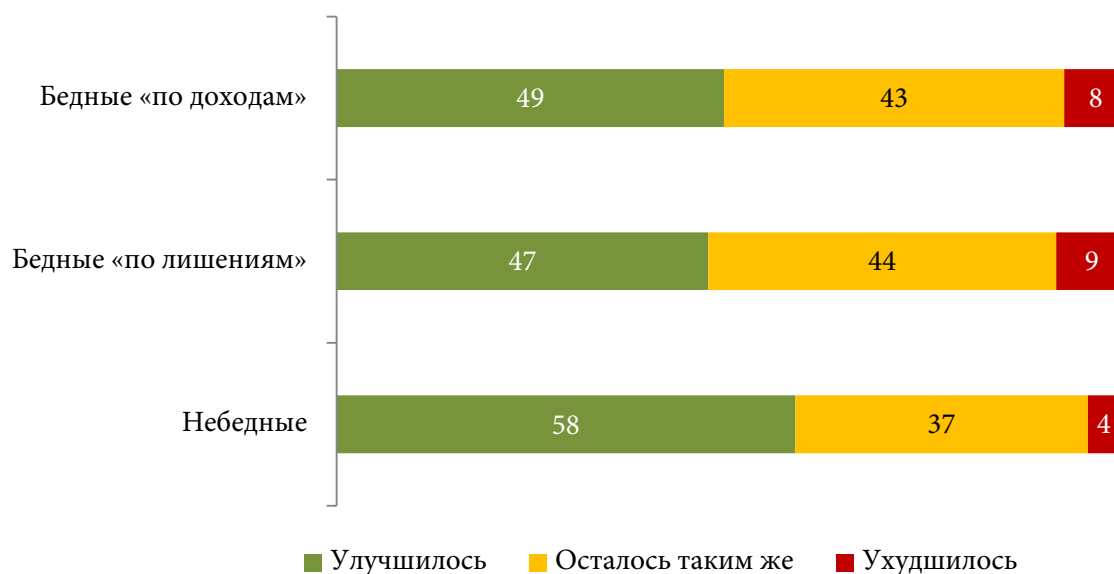

Рис. 4.2. Представления россиян в целом, бедных и небедных о своевременности выплат зарплат, пенсий и социальных пособий, 2013 г., %

Известно, что к разряду надежных и действенных стратегий решения проблемы бедности относятся не только мероприятия финансового характера (нацеленные, например, на повышение минимальных заработных плат), но

и практики создания достойных, в том числе хорошо оплачиваемых, рабочих мест. Разумеется, представления людей о том, какую работу можно считать хорошей, сильно различаются, будучи опосредованы совокупностью факторов микро- и макроуровня. Однако, абстрагируясь от конкретики, все же попробуем понять, как, по мнению россиян, обстоят дела с возможностью устроиться на нее.

Полученная по данным 2013 г. картина не внушает оптимизма: более четверти (27%) российских граждан полагают, что за время пребывания у власти В. Путина возможности хорошего трудоустройства ухудшились. При этом доля заявляющих об их улучшении составляет всего 12%, наиболее популярным вариантом ответа является «остались такими же», а самыми пессимистично настроенными в этом вопросе оказываются, естественно, бедные (см. рис. 4.3).

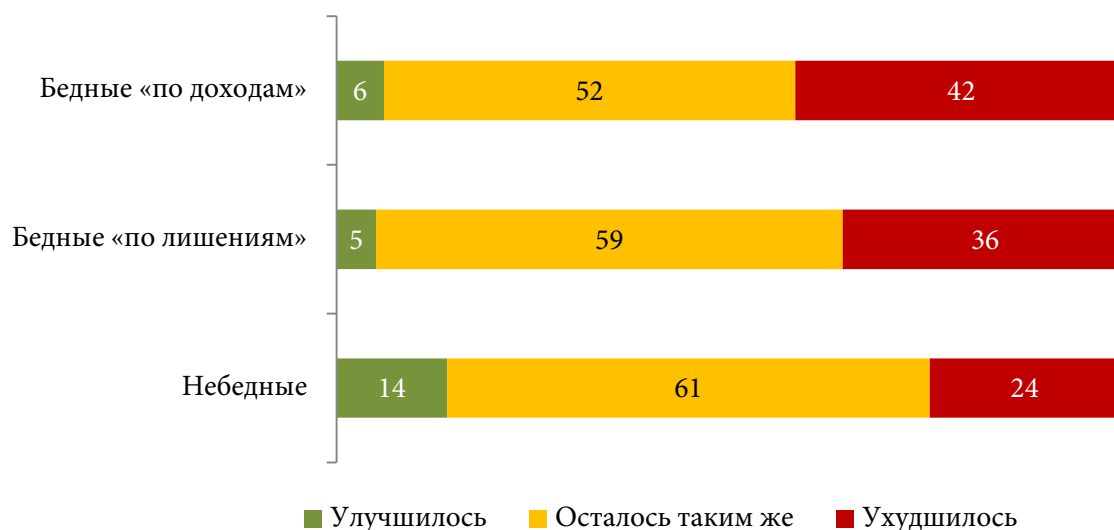

Рис. 4.3. Представления бедных и небедных россиян о возможности устроиться на хорошую работу, 2013 г., %

Многочисленные стратификационные исследования, в том числе проводимые в последние годы, подтверждают успевший стать классическим тезис, согласно которому нахождение в состоянии бедности, «скромный» уровень жизни в целом опосредуются, прежде всего, низкой квалификацией работников и их занятостью преимущественно физическим трудом. Так ли это в современной России? Какие профессионально-должностные позиции занимают и где работают бедные и небедные наши сограждане?

Прежде всего, следует отметить, что профессиональный портрет работающих россиян отличается ярко выраженной «пестротой». Сказанное верно и в отношении бедных и небедных слоев российского населения, работающих представителей которых можно обнаружить на всех профессионально-должностных позициях — правда, в разных пропорциях. Так, среди вовлеченных в систему социально-трудовых отношений бедных гораздо реже, нежели среди небедных, встречаются работники, занятые нефизическим трудом (сегодня их совокупные доли не превышают 40% и 46% работающих бедных «по лишениям» и «по доходам» соответственно). И это не удивительно, поскольку в условиях пореформенного российского общества, как, впрочем, и десятилетие тому назад, большинство всех бедных (56%) — это рабочие разного (преимущественно среднего и низкого (43%)) уровня квалификации.

Таблица 4.2

**Профессионально-должностные позиции и типы предприятий,
на которых работают бедные и небедные россияне, 2013 г.,
% от их работающих представителей**

Позиции и типы предприятий	Небедные	Бедные «по доходам»	Бедные «по лишениям»
Профессионально-должностная позиция			
Предприниматель, имеющий наемных работников	2	0,9	0,7
Руководители разного уровня	6	2	1
Специалист на должности, предполагающей высшее образование, в т. ч. офицеры	30	9	9
«Самозанятый» (индивидуальная трудовая деятельность, частная практика и т. п.) или имеющий бизнес, где работают только члены их семьи	2	1	1
Служащий (включая неофицерский состав силовых ведомств), офисный работник, работник из числа технического персонала (секретарь, лаборант, библиотекарь, охранник)	13	20	17
Рядовой работник торговли или сферы бытовых услуг (продавец, парикмахер и т. д.)	12	13	11
Рабочий, в том числе операторы станков, механизаторы, водители и т. д. от 5 разряда	19	8	14
Рабочий 3-4 разряда	11	18	21
Рабочий 1-2 разряда и без разряда	5	28	26
Тип предприятия			
Государственное	47	43	38
Приватизированное	22	22	28
Вновь созданное частное (включая фермеров)	15	17	17
Коллективное, в том числе кооперативное	5	3	6
Индивидуальная трудовая деятельность	9	12	9
Инофирма, в т. ч. СП	1	0,4	0,5
Иное (в т. ч. общественные организации)	2	4	2

Картина не меняется и при использовании дифференцированного подхода, позволяющего сравнить профессиональные статусы занятых в экономике бедных «по доходам» и бедных «по лишениям» (см. таблицу 4.2). В обоих случаях лидирующей по частоте выбора оказывается позиция «рабочий 1-2 разряда и без разряда». Вместе с тем, профессиональные портреты представителей обеих выделенных групп российских бедных нельзя считать полностью идентичными. Так, среди бедных «по доходам» оказывается несколько больше (нежели среди бедных «по лишениям») тех, кто занимает не слишком статусные и, увы, отнюдь не высокооплачиваемые, но все же связанные с интеллектуальной деятельностью позиции «конторского пролетариата» — служащих, офисных работников, технического персонала (20% против 17% соответственно). В результате эти должностные позиции выходят на второе (по числу упоминающих их представителей указанной группы бедных)

место, тогда как среди бедных «по лишениям» его занимает позиция «рабочий 3-4 разряда» (21% против 18% в группе бедных «по доходам» соответственно). Если говорить о позициях высококвалифицированного физического труда («рабочие от 5 разряда и выше»), то среди занимающих их оказывается несколько (примерно на 6%) больше представителей бедных «по лишениям». В то же время среди бедных «по доходам» чуть больше (на 2%) тех, кто, так или иначе, занят в сфере услуг, в том числе бытовых, и в торговле. Однако, как видно из приведенных в таблице данных, расхождения между профессиональными статусами тех и других весьма незначительны, тогда как их «профессионально-портретное сходство» достаточно высоко.

При этом в сравнении с небедными и бедные «по доходам», и «бедные по лишениям» слабо представлены в группах предпринимателей, имеющих наемных работников, руководителей и, особенно, специалистов на должностях, предполагающих высшее образование (9% против 30% среди бедных («по доходам» и «по лишениям») и небедных соответственно). И это вполне объяснимо, если принять в расчет специфику и уровень имеющегося у них образования (см. рис. 4.4).

Разумеется, причины попадания занимающих те или иные профессиональные позиции работников в категорию бедных или небедных россиян далеко не всегда связаны с уровнем образования. Однако факт остается фактом: *в условиях пореформенного российского общества доли обладающих высшим и превосходящим его образованием оказываются значительно более высокими у тех, кто относится к благополучным (хотя бы по российским меркам) слоям населения.* Тогда как среди бедных преобладают те, кто его наличием «похвастаться» не может.

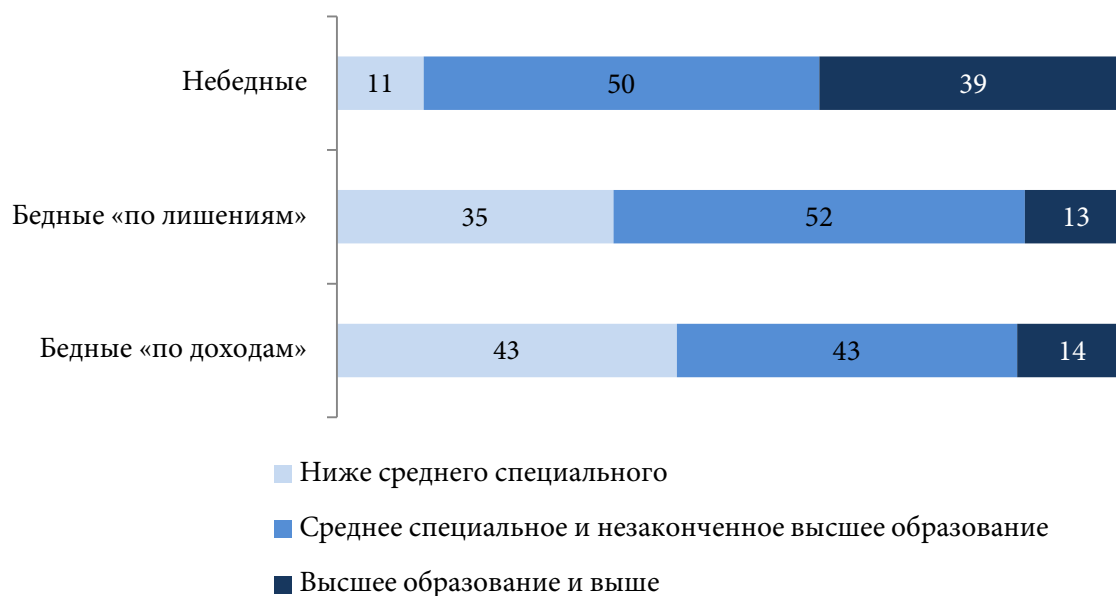

Рис. 4.4. Специфика и уровень образования бедных и небедных, 2013 г., % от их работающих представителей

Обращение к небедным работающим россиянам показывает, что большую часть их (около 60%) составляют «белые воротнички» — работники, занятые преимущественно нефизическим трудом. При этом примерно в половине случаев речь идет о занятости в сферах высококвалифицированной умственной и управленческой деятельности (см. таблицу 4.2).

Следует обратить внимание и на то, что представители относительно благополучных (небедных) слоев российского населения гораздо чаще, нежели те, кто относится к российской бедноте, работают в госсекторе экономики. Несмотря на тот факт, что, по данным исследования 2013 г., государственные структуры (предприятия, организации и т. п.), несомненно, лидируют с точки зрения занятых в них и бедных, и небедных россиян, численность вторых оказывается здесь существенно выше, составляя без малого 50%. Среди бедных «по лишениям» аналогичный показатель составляет чуть более трети опрошенных (38%). При этом именно среди них (а также, отчасти, и бедных «по доходам») оказывается несколько больше тех занятых в экономике, кто заявляет, что работает на приватизированных и вновь созданных частных предприятиях.

Итак, *модели занятости бедных слоев населения современной России в значительной своей части олицетворяют практики классического вторичного рынка труда со свойственными ему большей текучестью кадров и нестабильностью рабочих мест, низким уровнем заработной платы, дефицитом (или даже отсутствием) возможностей карьерного роста и профессионального продвижения работников, повышения ими уровня квалификации и т. п.*

Согласно концепции двойственного рынка труда, основой которой выступает выделение первичного и вторичного сегментов последнего, группы работников, занятых в первичных секторах рынка, имеют немало преимуществ. К таковым относятся, в частности: разнообразные премии, доплаты и формы участия в прибылях; установленные предприятием внепроизводственные льготы (предоставление жилья, продуктов и услуг); удобные часы и дни работы; стопроцентная оплата больничных листов и отпусков; гарантированное пенсионное обеспечение; обучение и переквалификация за счет предприятия; членство в профессиональных союзах и т. п. Непривилегированные же группы, попадающие во вторичный сегмент рынка труда, находятся в совершенно ином положении, зачастую лишаясь многих (а то и всех) перечисленных выше прав. Исходя из сказанного, следует обратиться к данным проведенного исследования с целью определить те возможности, которыми обладают на своих рабочих местах занятые в экономике бедные и небедные россияне. Их принципиальное наличие и степень выраженности позволяет установить распределение ответов респондентов на вопрос «Обеспечивает ли Вам работодатель...?» (см. рис. 4.5).

Как следует из данных, представленных на рисунке, ни одну из выделенных групп работников нельзя назвать полностью лишенной тех прав, которые гарантирует занятым в экономике современный цивилизованный рынок труда. Вместе с тем, положение работающих небедных выглядит куда более благополучным вследствие того, что доли их представителей, заявляющих о соблюдении данных прав, превосходят (и в ряде случаев весьма существенно) аналогичные доли работающих бедных по всем упомянутым в вопросе позициям без исключения. Таким образом, факт концентрации значительного числа работающих бедных преимущественно во вторичном сегменте рынка труда (с присущим ему невысоким уровнем социальной защищенности работников) подтверждается и с этой точки зрения.

Среди факторов, способствующих или препятствующих попаданию работающих россиян в категорию бедных, следует назвать ярко выраженную территориальную дифференциацию показателей состояния и функционирования общенационального рынка труда РФ. Распределение бедных и небедных работающих российских граждан по типам населенных пунктов, в которых они проживают, представлено на рис. 4.6.

Рис. 4.5. Доли бедных и небедных, которым работодатели обеспечивают разного рода социальные гарантии, 2013 г., % от их работающих представителей

Рис. 4.6. Доли бедных и небедных, проживающих в различных типах поселений, 2013 г., % от их работающих представителей

В отличие от Запада, где, согласно результатам исследований, большинство бедных сконцентрировано в крупных городах, специфика российской работающей бедности, как видно из приведенных на рисунке данных, состоит в преимущественной концентрации её представителей в сёлах и в малых городских населенных пунктах. Именно эти местности характеризуются узким и депрессивным рынком труда, резко ограничивающим возможности трудоустройства и нахождения хорошо оплачиваемого рабочего места.

И, наконец, несколько слов о величине собственных доходов работающих бедных России. Результаты проведенного исследования показали, что весной 2013 г. собственный доход как занятых, так и незанятых в экономике россиян фиксировался (в среднем по массиву) на уровне 18,5 тыс. руб.. Обращение к работающим их представителям дает несколько иную, но в целом весьма похожую на приведенную выше картину: в данном случае средняя величина интересующего нас показателя составляет 19,6 тыс. руб. (при медианном его значении — 16 тыс. руб.).

Совсем иная ситуация обнаруживается при использовании дифференцированного подхода к анализу доходов бедных и небедных слоев работающего населения (см. таблицу 4.3).

Таблица 4.3

Ежемесячные собственные доходы бедных и небедных работающих россиян, 2013 г., руб.

Ежемесячный собственный доход	Бедные	Небедные
Средний	13 400	23 000
Медианный	11 000	20 000

Как видно из данных таблицы 4.3, собственные доходы работающих российских бедных существенно отстают от доходов работающих небедных. При этом доходы пятой части работающих российских бедных не превышают 7 тыс. руб., что фактически говорит о неизбежном нахождении их, в случае если им не помогут другие члены семьи, в абсолютной бедности, численным критерием которой выступает прожиточный минимум. На языке социологии это означает, что 20% занятых в экономике бедных россиян практически не способны удовлетворить за счет собственных доходов даже базисные потребности в пище, жилье, одежде и т. п., либо способны удовлетворить лишь минимальные потребности, обеспечивающие биологическую выживаемость.

Исходя из сказанного выше, нельзя не согласиться с тем, что *бедность работающей части наших сограждан порождается сложившейся в РФ системой экономических отношений и текущими экономическими реалиями, предопределяется местом работы и профессией и оказывается зачастую результатом низких доходов от занятости вследствие низкого качества роста экономики.*

Согласно данным исследования, насущной проблемой пореформенной России является *неравенство в доступе к хорошим рабочим местам, уверенно входящее в пятерку самых болезненных для ее граждан типов социальных неравенств*, несомненным лидером которой считается напрямую опосредованное им неравенство доходов. При этом (в среднем по массиву 2013 г.) осознание ее остроты практически не зависит от того, оценивается ли она применительно к обществу в целом (32% голосов респондентов) или «примеряется» лично на себя (28%).

Можно ли утверждать, что отнесение данного неравенства к категории острых предопределяется фактом нахождения в состоянии бедности?

Отчасти, да. На это указывают различия в оценках, которые выставляют ему бедные и небедные, рассуждая о его болезненности для себя лично. Из данных, представленных на рис. 4.7, видно, что болезненным для общества в целом данный вид неравенства считает около трети наших соотечественников независимо от того, к какой группе — бедных либо небедных — они принадлежат. Вместе с тем, сужение контекста оценки до сферы собственного бытия приводит к некоторому изменению картины происходящего, в результате чего доля бедных, ощущающих болезненность неравного доступа к хорошим рабочим местам, примерно на 10% превышает долю таковых среди небедных.

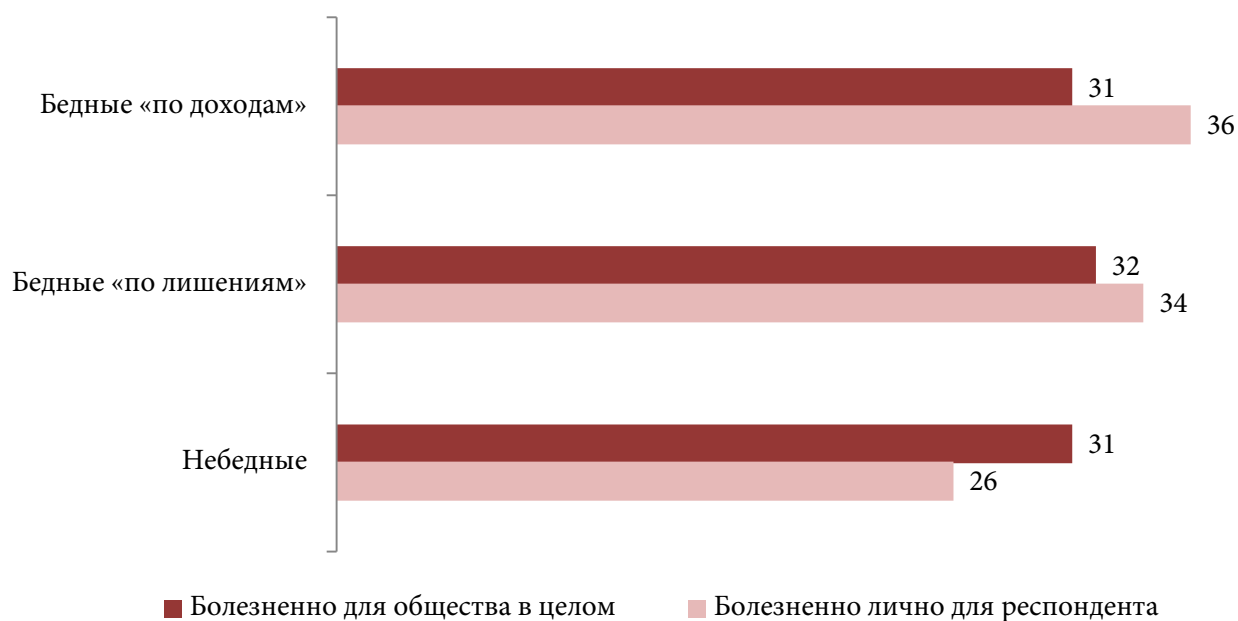

Рис. 4.7. Мнения бедных и небедных о болезненности неравенства в доступе к хорошим рабочим местам для общества в целом и лично для них в современной России, 2013 г., %

Выше уже шла речь о неоднозначности критериев, используемых людьми при определении понятия «хорошее рабочее место». Так, согласно стереотипным представлениям, последнее должно не только обеспечивать работнику (его семье) безбедное существование, но и давать возможность самореализации. Иными словами, предел человеческого счастья — иметь своего рода «рабочее хобби», которое приносит не только моральное удовлетворение, но и достойный заработок. Однако желаемое и действительное нередко расходятся, а реальные жизненные практики заставляют людей делать выбор между работой, сулящей хороший заработок, но не приносящей удовлетворения (а иногда и морально подавляющей), и деятельностью интересной, разноплановой, дающей возможность развиваться и т. п., но низкооплачиваемой.

Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что, вопреки кризисным явлениям в экономике и провоцируемой ими неуверенности в завтрашнем дне, в настоящее время *большинство работающих наших сограждан ориентировано, главным образом, на обретение интересной работы, дающей человеку шанс реализоваться и применить на практике имеющиеся у него способности.* Свидетельством сказанному может служить, в частности, выбор респондентами, вовлеченными в систему экономической занятости, одного из пары ценностных суждений, касающихся критериев предпочтений в сфере труда (см. рис. 4.8).

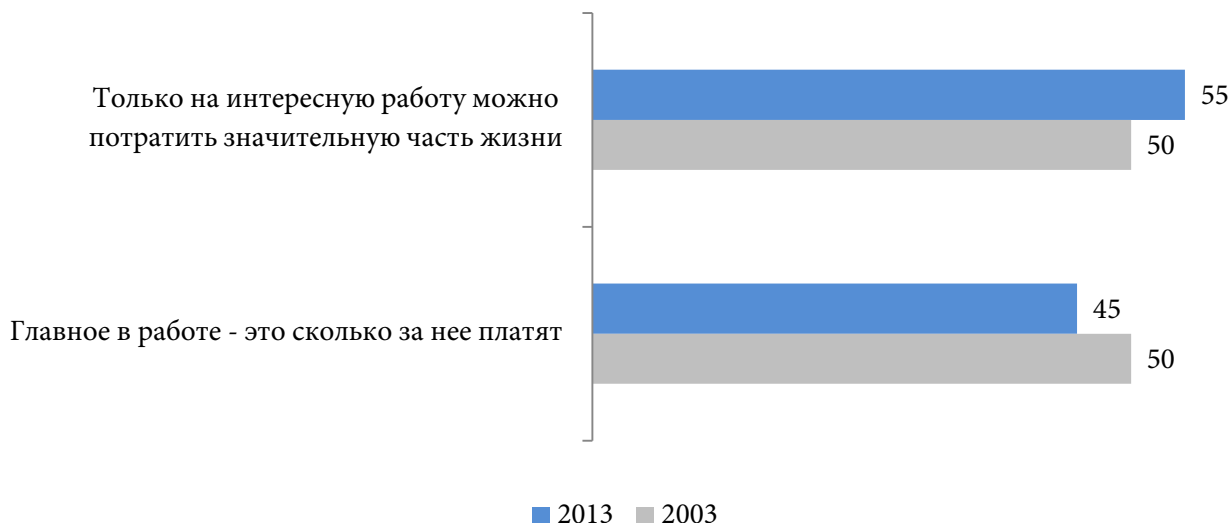

Рис. 4.8. Динамика отношения россиян к критериям предпочтения труда, 2003/2013 гг., % от их работающих представителей

Из данных, представленных на рисунке, видно: в настоящее время большинство опрошенных заявляет, что с их точки зрения жизнь можно потратить только на интересную работу. Более того, за последнее десятилетие доля таковых выросла, а численность сторонников противоположной установки сократилась на 5%. В связи с этим, можно утверждать, что *работа воспринимается россиянами, главным образом, как способ самореализации личности, возможность следовать своим «я хочу» вместо «я должен», как средство получения удовлетворения зачастую без жесткой «привязки» к уровню материального вознаграждения*. Вместе с тем, надо помнить, что речь в данном случае идет о некой норме, идеальной модели жизни, а не о том, как выглядит соответствующая сторона их жизни в реальности.

Заметим, однако, что в пореформенной России роскошь иметь интересную работу доступна далеко не всем. И фактором, опосредующим доступность такого рода возможности, выступает, в большей или меньшей степени, нахождение в состоянии бедности. Так, по данным исследования 2013 г., лишь 16% наших соотечественников убеждены в том, что возможность иметь интересную работу можно считать отличительной чертой жизни российских бедных. Любопытно, что в своих оценках и бедные, и небедные проявляют удивительное единодушие.

Проведенное исследование подтвердило результаты десятилетней давности: *основным «мотором» продвижения вверх значительного большинства небедных чаще всего являются высокие достигательные установки в профессиональной сфере*. А «двигателем» этого «мотора» оказывается несколько большая (нежели у бедных) увлеченность своей работой, ее содержанием. Уделом же бедных остается постоянная «борьба за выживание», вынуждающая их куда чаще обращать внимание на материально-финансовую сторону вопроса — размер оплаты труда и приносимый им доход (см. таблицу 4.4).

Минувшее десятилетие практически не изменило оценок, выставляемых россиянами ситуации на работе. В нынешний период, как и в 2003 г., более половины работающих российских граждан (57% и 59% соответственно) склонны характеризовать ее как «удовлетворительную». При этом за прошедшие десять лет незначительно увеличилась доля тех, кто ставит ей оценку «хорошо» (с 27% до 33%), и сократилась численность тех, кто полагает ее «плохой» (с 14% до 9% в 2003

и 2013 гг. соответственно). Таким образом, данные исследования свидетельствуют о тенденции отсутствия качественных изменений в социально-профессиональной сфере и видимости стабильности ситуации на российском рынке труда, равно как и указывают на потребность в создании привлекательных рабочих мест для различных категорий работников, а также адекватной системы оплаты труда.

Таблица 4.4

Динамика отношения бедных и небедных к критериям предпочтений в сфере труда, 2003/2013 гг., % от их работающих представителей

Альтернативные суждения	Бедные				Небедные	
	По доходам		По лишениям			
	2003	2013	2003	2013	2003	2013
Только на интересную работу можно потратить значительную часть жизни	52	41	39	45	51	57
Главное в работе – это сколько за нее платят	48	58	61	55	49	43

Как же оценивает ситуацию на работе бедная часть работающего населения? (см. рис. 4.9).

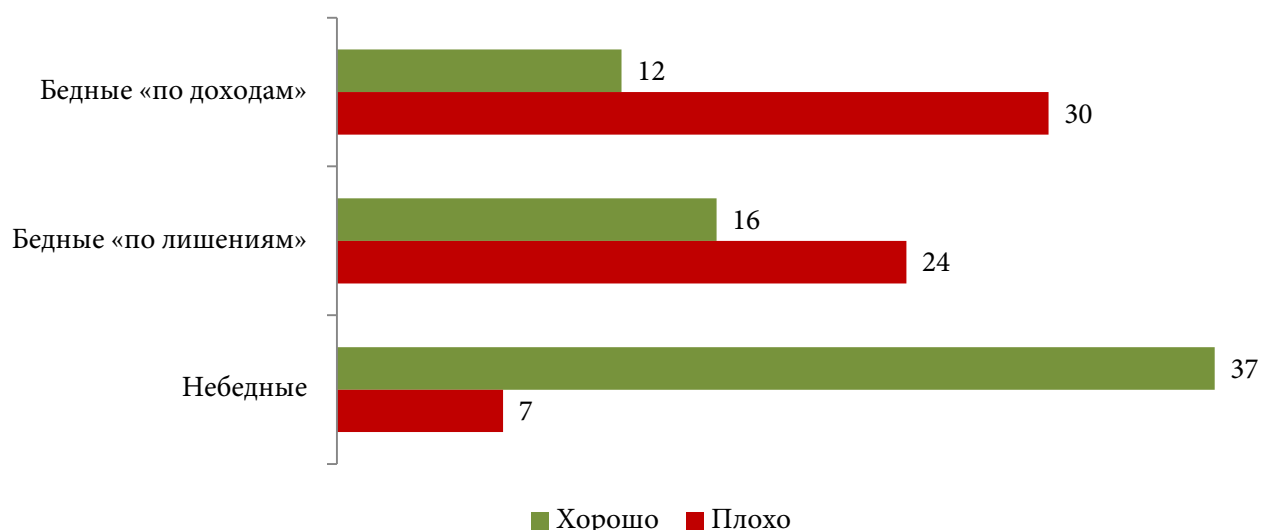

Рис. 4.9. Оценка бедными и небедными ситуации у себя на работе, 2013 г., % от их работающих представителей¹

Несмотря на тот факт, что большинство бедных (как, впрочем, и небедных) россиян склоняется при ответе на данный вопрос к позиции «удовлетворительно», остальные оценки, даваемые ими ситуации, складывающейся на работе, полярны и отличаются у бедных заметно большим пессимизмом. Это проявляется как в существенно меньшей (на фоне небедных) доле их представителей, оценивающих ситуацию у себя на работе как «хорошую», так и в значительно большей доле среди них тех, кто говорит о ней как о «плохой». Анализ же данных в динамике позволяет утверждать, что *минувшее десятилетие лишь ухудшило общую картину происходящего*. Так, в 2003 г. доля работающих бедных «по доходам», полагавших, что дела на работе у них обстоят хорошо, составляла 29% (против 12% в 2013 г.), а численность тех из них, кто расценивал ситуацию как плохую, находилась на уровне 15% (против 30% в 2013 г.).

¹ В вопросе допускался также ответ «удовлетворительно», не представленный на рисунке.

Ситуация на работе тесно связана с возможностями профессиональной самореализации работающих россиян. Тенденции, наблюдаемые здесь, вполне соответствуют тем, что были описаны выше. В нынешний период, как и десять лет назад, половина занятых в экономике расценивает указанные возможности как «удовлетворительные». При этом последнее десятилетие ознаменовалось увеличением доли работающих российских граждан, оценивающих эти возможности как «хорошие» (28% и 35%), и сокращением доли тех, кто считает их плохими (22% и 15% в 2003 и 2013 гг. соответственно).

При этом нет оснований констатировать определенное улучшение в данной области, поскольку сегодня «похвастаться» хорошими возможностями самореализации в профессиональной сфере может позволить себе лишь треть россиян. Заметим при этом, что указанная неоднозначность лишь усиливается при дифференцированном подходе, позволяющем сравнить оценки бедных и небедных работающих российских граждан (см. рис. 4.10).

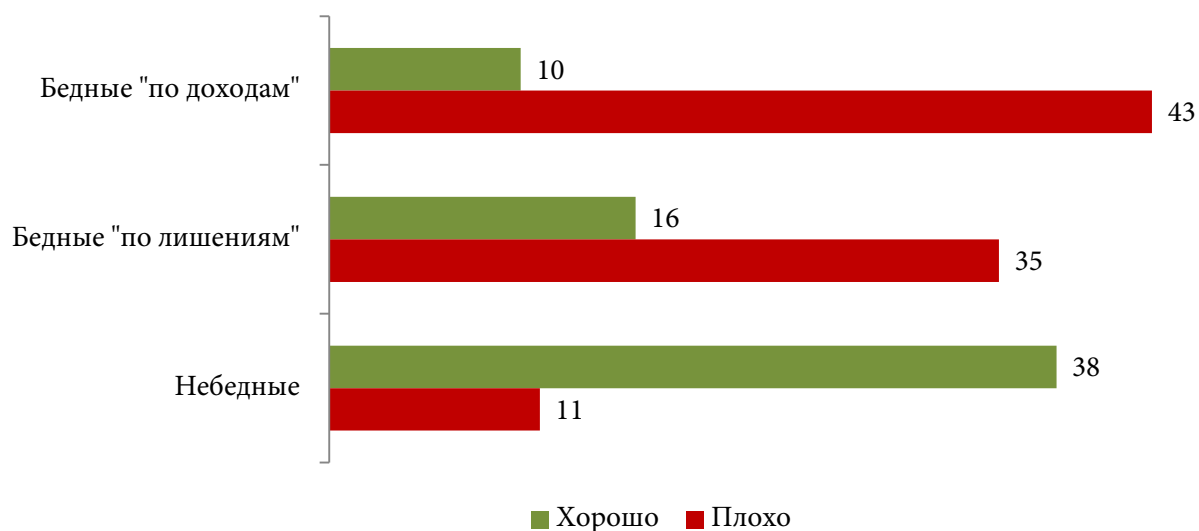

Рис. 4.10. Оценка бедными и небедными возможности реализовать себя в профессии, 2013 г., % от их работающих представителей¹

Не внушает оптимизма и выявленная за десять лет динамика оценок работающими бедными возможностей самореализации в профессиональной сфере. Так, десять лет назад доля расценивающих их как «хорошие» составляла в группе бедных «по доходам» 29% (против 10% в 2013 г.), тогда как доля тех, кто считал их «плохими», не превышала 21% (против 43% в 2013 г.).

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что в условиях современной России возможности бедных в социально-профессиональной сфере оказываются гораздо более скромными, чем у небедных. Добавим к этому, что, по данным проведенного исследования, лишь 6% работающих бедных сумели за последние 3 года получить повышение на работе или найти новую (более подходящую им) работу (против 18% работающих небедных). И совсем мизерное (менее 0,5%) их число смогло открыть собственное дело (против 3% небедных).

Отсутствие сколько-нибудь значимых успехов на рынке труда, помноженное на очевидную ограниченность возможностей в сфере профессионально-трудовой деятельности, так или иначе, опосредуют характер страхов и опасений, испытываемых бедными россиянами. Так, отвечая на вопрос о страхе перед бу-

¹ В вопросе допускался также ответ «удовлетворительно», не представленный на рисунке.

душим из-за ситуации, складывающейся у них на работе, 25% работающих бедных заявили, что испытывают его «часто», 50% выбрали вариант «иногда», а еще менее четверти — «практически никогда». Для сравнения в группе небедного работающего населения аналогичные доли составили 9%, 46% и 44% соответственно. Сопоставление приведенных данных позволяет утверждать, что при несущественных расхождениях в долях бедных и небедных работающих россиян, испытывающих указанный страх время от времени, доля первых, тревожимых им часто, превышает долю вторых без малого в 3 раза. Указанные соотношения нестабильны во времени. Однако, как на сегодняшний день, так и десять лет назад, численность работающих бедных, испытывающих данный страх часто, оказывается больше аналогичной доли среди занятых небедных, а доля последних, не испытывающих его практически никогда, устойчиво превышает показатели, фиксируемые по бедным (см. таблицу 4.5).

Таблица 4.5

Динамика страхов, испытываемых бедными и небедными перед будущим из-за ситуации у них на работе, 2003/2013 гг., % от их работающих представителей

Варианты ответа	Бедные				Небедные	
	По доходам		По лишениям			
	2003	2013	2003	2013	2003	2013
Часто	19	28	30	27	12	9
Иногда	48	49	42	51	45	46
Практически никогда	33	22	28	21	43	44

Аналогичная картина наблюдается и в том случае, когда речь заходит об опасениях, связанных с утратой работы. По данным 2013 г., подобного развития событий опасаются порядка 34% всех работающих россиян (в том числе 41% бедных и 32% небедных).

Имеют ли данные опасения реальные основания — вопрос дискуссионный. И, прежде всего, потому, что около 80% выделяемых по разным критериям работающих бедных заявляют, что за последний год не оказывались в ситуации отсутствия работы, длившейся более трех месяцев подряд. С другой стороны, лишь 11% (против 20% в среднем по массиву) из их числа полностью исключают возможность утраты работы в ближайшем будущем, тогда как большинство считает это мало или даже весьма вероятным (47% и 42% соответственно).

Как утверждают специалисты, распространенный в современной России страх потери работы остается достаточно сильным и явно несоответствующим уровню фактической безработицы. Они же подчеркивают, однако, что при всей иррациональности подобного страха он имеет под собой вполне объективные и веские основания, к числу которых, несомненно, относятся социальная незащищенность россиян и низкая эффективность системы государственной социальной защиты от безработицы, оценки работы которой оставляют желать много лучшего.

Вместе с тем, опасения остаться без работы тревожат наших сограждан и по причинам иного характера. *Во-первых*, данные исследований разных лет демонстрируют, что для подавляющего большинства работающих россиян, представляющих как бедные, так и небедные слои населения, основным источником дохода была и остается заработная плата, получаемая по основному месту работы, лишение которого чуть ли не автоматически оставляет их без средств существования.

Во-вторых, в условиях недостаточной развитости инфраструктуры отечественного рынка труда, состояние которой явно не соответствует требованиям современности, существенным фактором, способствующим эскалации подобных опасений, оказывается дефицит располагаемого россиянами социального капитала, который, так или иначе, мог бы быть использован ими для решения проблем, возникающих на рынке труда. Вопреки заверениям официальной статистики, согласно которым наиболее популярным в России способом поиска работы было и остается обращение к помощи друзей, родственников и знакомых, доля респондентов, упомянувших ее при ответе на соответствующий вопрос, составила (по массиву в целом) 6%. При этом доля опрошенных, указавших, что они сами (или члены их семей) оказывают кому-либо помощь в трудоустройстве и поиске дополнительной работы, не превысила 5%. Примерно аналогичная ситуация обнаруживается и в том случае, если мы дифференцируем бедные и небедные категории россиян (см. таблицу 4.6).

Таблица 4.6

Доли бедных и небедных, получающих помощь и оказывающих ее в деле трудоустройства и поиска дополнительной работы, 2013 г., %

Включенность в оказание данного вида помощи	Бедные		Небедные
	По доходам	По лишениям	
Кто-то помогает Вашей семье	8	6	6
Члены Вашей семьи помогают кому-либо	3	3	5

На недостаточность социального капитала, который мог бы быть использован россиянами и, особенно, российскими бедными в деле преодоления трудностей и решения проблем, возникающих в сфере занятости, указывает и характер распределения ответов респондентов, оценивающих принципиальную возможность обращения и получения реальной помощи по ряду вопросов, имеющих отношение к рынку труда (см. рис. 4.11).

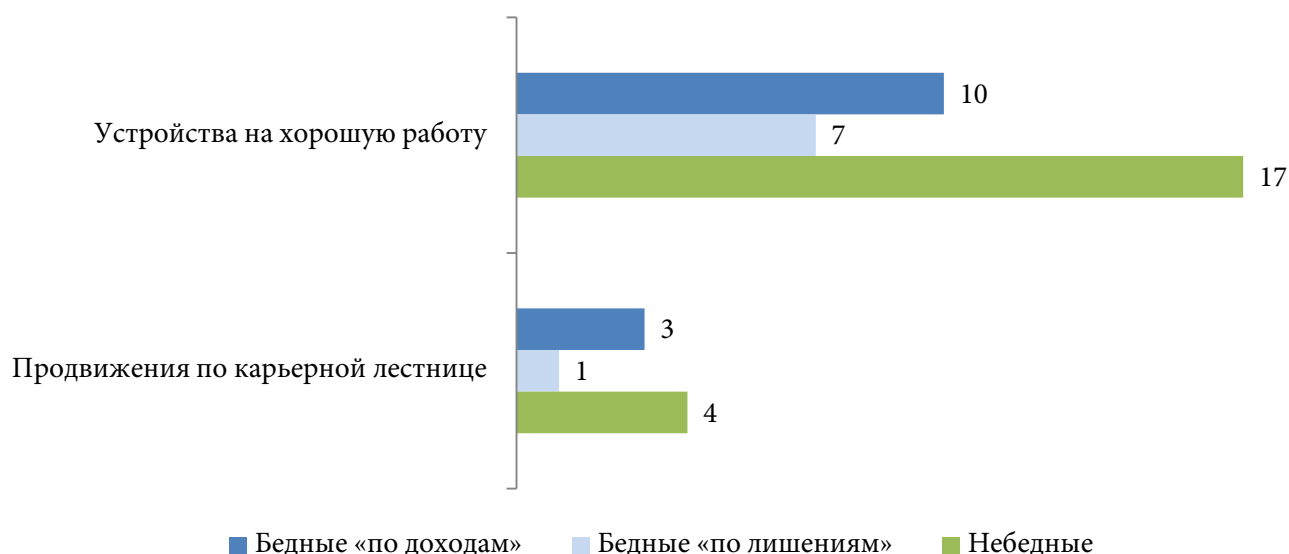

Рис. 4.11. Возможности обращения бедных и небедных к ближайшему окружению и получения от него реальной поддержки в вопросах улучшения ситуации со своей занятостью, 2013 г., %

Исследования последних лет позволяют выявить и другие «нематериальные» составляющие, предопределяющие возможности россиян на рынке труда и способствующие занятию ими более или менее выгодных социально-профессиональных позиций. *Существенными факторами выступают в этом плане активность и инициативность работников в развитии и наращивании индивидуального человеческого капитала и, прежде всего, собственных профессиональных ресурсов.* Они же опосредуют характер восприятия российскими гражданами происходящего в сфере социально-трудовых отношений, становятся причинами эскалации или уменьшения ощущаемых ими опасений и тревог.

Данные проведенного исследования позволяют утверждать, что далеко не все россияне вовлечены в процесс непрерывного образования в равной степени. Более того, активность наших соотечественников в этой сфере может быть охарактеризована как не слишком высокая. При этом минувшее десятилетие, скорее, ухудшило ситуацию, спровоцировав, пусть и не очень значительное, но все-таки заметное ее снижение. Так, по собственному признанию респондентов, за последние три года более половины из них (без малого 55% по массиву в целом) не прибегали ни к одному способу пополнения собственных знаний (для сравнения: в 2003 г. доля таковых фиксировалась на уровне 47%). Еще меньшее число опрошенных (16%) обращалось в этих целях к платным образовательным услугам для взрослых (в 2003 г. — 23%). Весьма незначительна (8% и 13% в 2013 и 2003 гг. соответственно) и доля россиян, использующих для получения образования и повышения квалификации свободное время. В рейтинге досуговых предпочтений российских граждан данная позиция занимает 15-е место, оставляя за собой лишь еще более скромные по числу приверженцев посещение музеев и выставок, участие в работе общественных организаций (собраний, ассоциаций), занятия в различных кружках и клубах по интересам, а также посещение политических организаций, собраний и митингов.

Как выглядит рейтинг наиболее предпочитаемых нашими соотечественниками способов наращивания знаний, навыков и умений? К каким практикам они прибегали и прибегают в этих целях сегодня?

Как видно из данных рис. 4.12, минувшее десятилетие ознаменовалось не только количественными (выразившимися в сокращении числа россиян, практикующих непрерывное образование), но и качественными изменениями, существенно трансформировавшими рейтинг наиболее популярных видов образовательной активности. Так, на 12% сократилась доля пополняющих профессиональные знания самостоятельно, на 7% — совершенствующих имеющиеся у них навыки работы на компьютере, примерно столько же «потеряла в весе» группа приобретающих те или иные новые для себя практические навыки, дающие возможность перейти к новым видам деятельности и направлениям работы. В целом, можно констатировать либо отсутствие динамики по выделенным в качестве вариантов ответа показателям, либо наличие динамики отрицательной. Как следствие, сегодня лидерами в данном вопросе оказываются способы пополнения знаний, несомненно, актуальные и значимые (а также, возможно, эффективные), но не требующие от практикующих их того объема самостоятельного участия и собственных усилий, которыми отличались способы-лидеры в 2003 г.

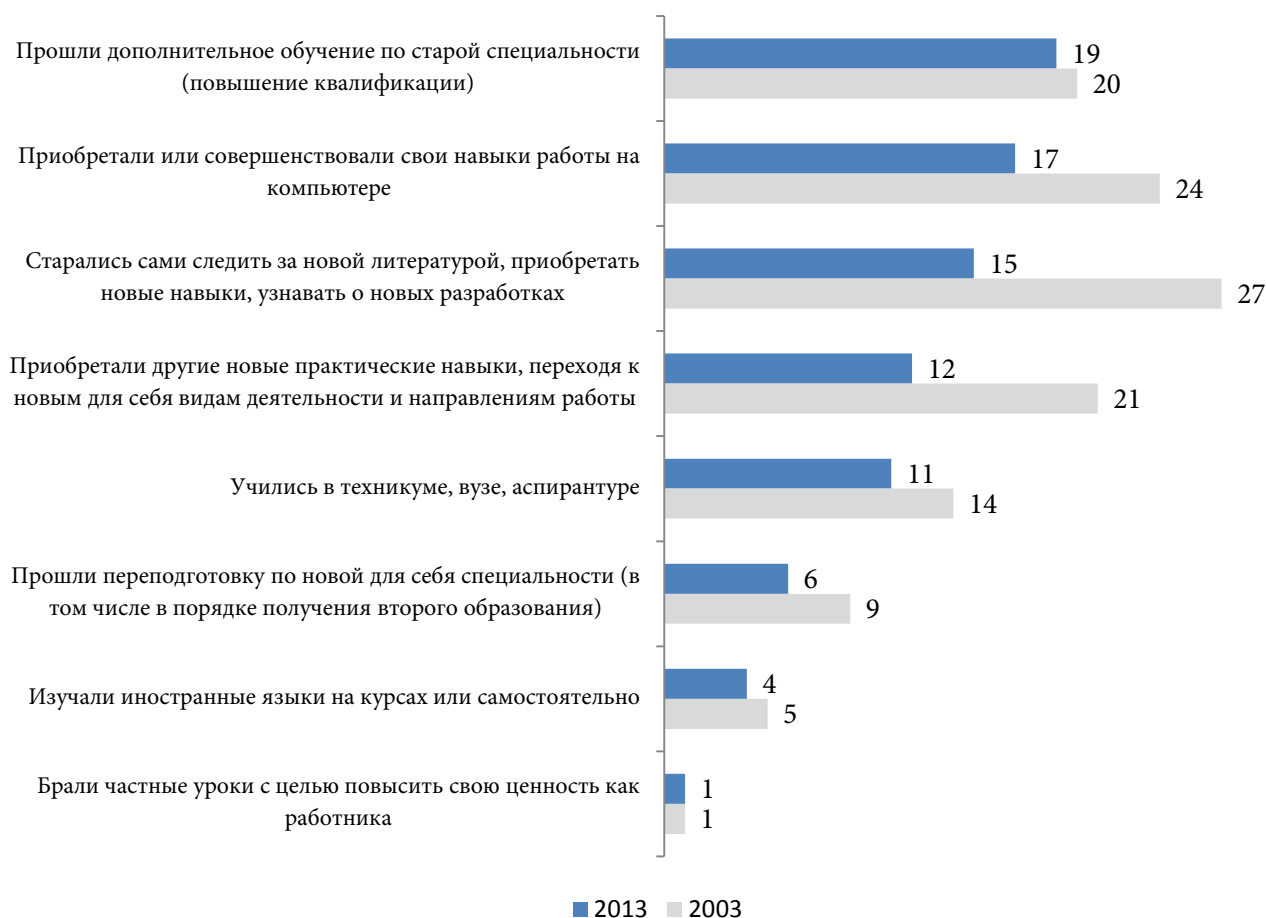

Рис. 4.12. Динамика использования россиянами различных способов пополнения собственных знаний, 2003/2013 гг., % от их работающих представителей (данные отранжированы по частоте упоминаний в 2013 г.)

Анализ данных таблицы 4.7 позволяет говорить об отчетливо выраженной пассивности работающих граждан России в части, касающейся пополнения имеющегося у них профессионального капитала и знаний. Наиболее часто выбираемым ими вариантом ответа (49% в среднем по массиву) оказывается позиция «никак». При этом доля ответивших подобным образом резко (практически в 1,5 раза) возрастает в группах работающих бедных и несколько (на 6%) снижается в группе занятых небедных. В целом небедные более активны в плане использования всех без исключения способов пополнения профессиональных знаний и навыков. Заметно шире распространены в этой группе ориентации на самостоятельность, большую роль собственных усилий в профессиональном совершенствовании.

Возвращаясь к работающим бедным, следует отметить, что, в сравнении с небедными, они существенно (в разы) отстают по всем выделенным нами позициям. Так, для них менее типично обращение к практикам самостоятельного пополнения профессиональных знаний (9% против 18% среди работающих небедных). В данной группе в 2,5 раза реже, чем в группе работающих небедных, и в 2 раза — чем по работающему населению в целом, проходят переподготовку по новой специальности и получают второе образование; куда менее активно прибегают к приобретению новых практических навыков, переходят к новым видам деятельности и направлениям работы. Примерно в три раза реже повышают уже имеющуюся квалификацию и т. п.

Таблица 4.7

**Способы пополнения собственных знаний, используемые бедными и небедными,
2013 г., % от их работающих представителей**

Способ пополнения знаний	Бедные		Небедные
	По доходам	По лишениям	
Учились в техникуме, вузе, аспирантуре	6	5	12
Прошли переподготовку по новой для себя специальности (в том числе – в порядке получения второго образования)	3	3	7
Прошли дополнительное обучение по старой специальности (повышение квалификации)	7	6	23
Старались сами следить за новой литературой, приобретать новые навыки, узнавать о новых разработках)	9	9	18
Приобретали или совершенствовали свои навыки работы на компьютере	12	7	19
Изучали иностранные языки на курсах или самостоятельно	2	1	5
Приобретали другие новые практические навыки, переходя к новым для себя видам деятельности и направлениям работы	6	4	14
Брали частные уроки с целью повысить свою ценность как работника	0,4	0,5	1
Никак	79	77	43

К сказанному выше можно добавить и то, что, согласно данным 2013 г., российские бедные значительно отстают от небедных россиян в части использования платных образовательных услуг для взрослых (см. рис. 4.13), а доля тех из них, кто посвящает свой досуг дополнительным занятиям, нацеленным на получение образования и повышение квалификации, не превышает 3%.

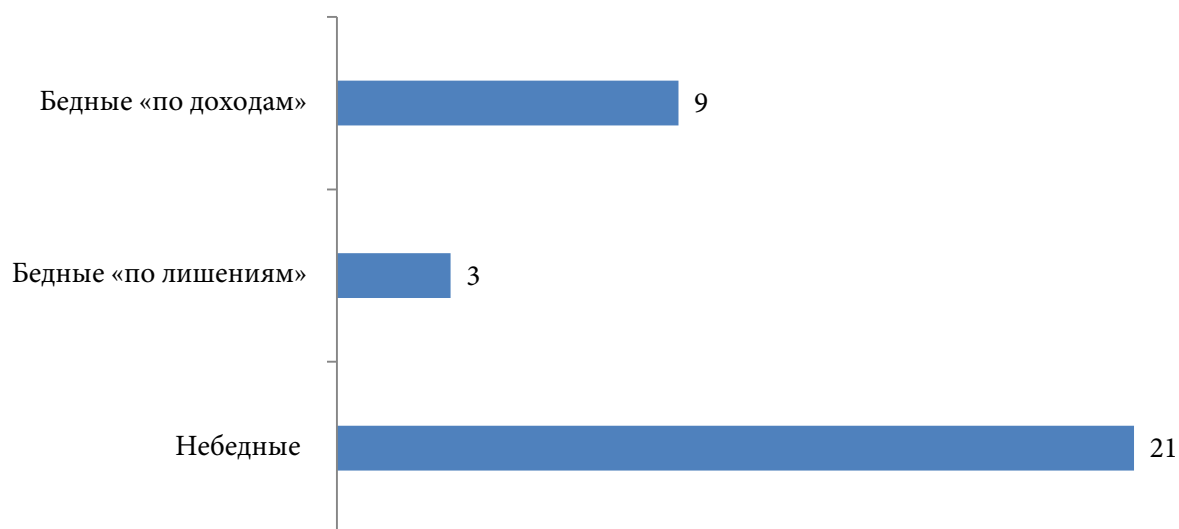

Рис. 4.13. Частота использования бедными и небедными платных образовательных услуг для взрослых, 2013 г., % от их работающих представителей

Пожалуй, единственным способом пополнения знаний, по частоте использования которого бедные «по доходам» работающие россияне хотя бы отчасти приближаются к показателю по массиву работающих в целом, является приобретение или совершенствование навыков работы на компьютере. Однако владение ими вряд ли можно назвать «коньком» бедных слоев занятого в экономике населения России (см. таблицу 4.8).

Таблица 4.8

Распространенность владения определенными навыками среди бедных и небедных, 2013 г., % от их работающих представителей

Навыки	Бедные		Небедные
	По доходам	По лишениям	
Работа на компьютере			
Да	44	44	77
Нет	50	52	20
Учусь	6	4	3
Работа с применением иностранного языка			
Да	7	5	15
Нет	92	94	81
Учусь	1	1	4
Вождение автомобиля			
Да	29	32	56
Нет	67	65	41
Учусь	4	3	3

Таким образом, навыки, необходимые для успешной профессиональной деятельности, распространены сегодня, главным образом, в группе небедных россиян. Бедным же остается довольствоваться малым. Добавим к сказанному, что, по их собственному признанию, лишь от 2% до 4% выделенных по различным критериям бедных сумели за последние три года повысить уровень образования и (или) квалификацию (для сравнения: в группе небедных доля таковых составила 15%). Показательны и оценки, выставляемые российскими бедными тем возможностям, которые имеются у них в части получения необходимого образования и знаний (см. рис. 4.14). Нетрудно заметить, что в группе бедных «по доходам» доля оценивающих их на «хорошо» составляет всего 8% и оказывается в 4 раза меньше доли таковых среди небедных россиян. При обращении к тем, кто оценивает их как «плохие», наблюдается прямо противоположная картина. Неудивительно, что опасения, связанные с невозможностью получить самим или дать детям желаемое образование, испытываются ими чаще (17%), чем небедными россиянами (12%). При этом картина у бедных «по лишениям» вновь очень близка к распределению ответов у бедных «по доходам», но качественно отличается от ситуации у небедных.

Несмотря на то, что, по их собственному признанию, за последние три года ни они сами, ни члены их семей не ощущали никаких нарушений своих прав при получении образования, лишь менее трети представителей российских бедных заявляет, что в условиях пореформенной России жизнь бедных семей отличается от жизни всех остальных возможностями получить (либо дать

собственным детям) хорошее образование, а каждый шестой среди бедных «по доходу» убежден, что причиной его плачевного положения стал низкий уровень образования и квалификации.

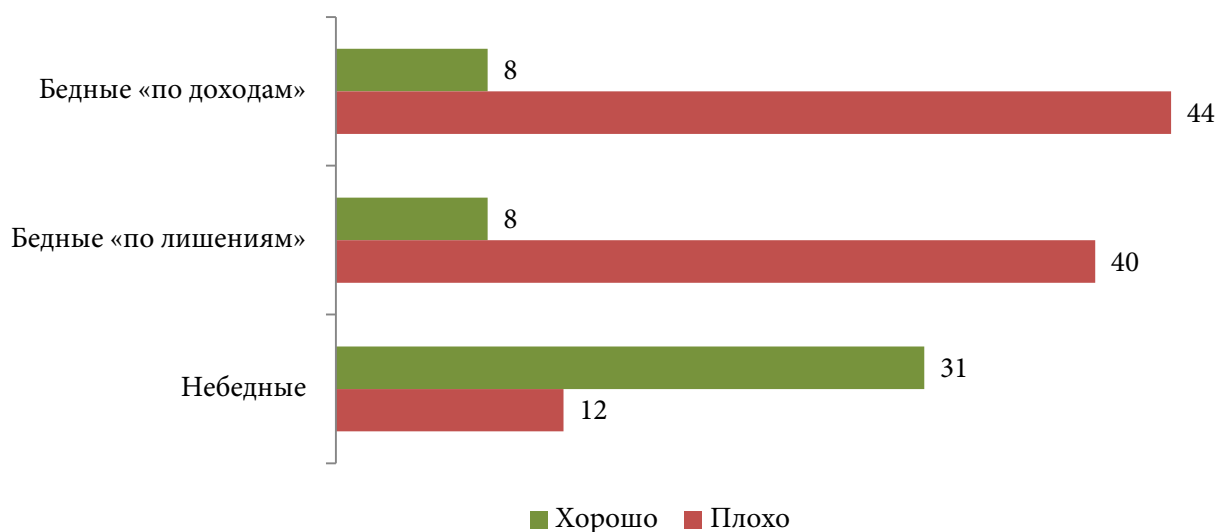

Рис. 4.14. Оценка бедными и небедными возможности получения образования и знаний, которые им необходимы, 2013 г., %¹

Показательно и другое. Среди тех, кто имеет в своем ближайшем окружении людей, живущих в состоянии бедности, доля полагающих, что причиной тому являются плохое образование и низкая квалификация, составляет сегодня 21% (в 2003 г. — 23%). Разумеется, формально выявленную динамику можно назвать положительной, однако, незначительность произошедших изменений не позволяет недоучитывать роль данной составляющей успешной занятости как «виновницы» сложившегося положения дел.

Таким образом, пессимистичные оценки, даваемые бедными россиянами ситуации, складывающейся в сфере их социально-профессиональной деятельности, и характер типичных для них жизненных ценностей и установок в отношении работы, и особенности испытываемых ими страхов и опасений, и даже восприятие ими своих потенциальных возможностей на рынке труда опосредуются не только весьма скромными объемами их собственных профессиональных ресурсов или свойственной им меньшей активностью в развитии и наращивании последних. Огромное значение здесь имеют и те незначительные шансы повысить ценность своего индивидуального человеческого капитала, которые дает этим группам населения современное российское общество.

Ситуация усугубляется тем, что в настоящее время наиболее популярной (упоминаемой 37% россиян) стратегией *продуманных* действий в случае потенциального значительного ухудшения их жизни становится поиск дополнительных источников заработка, в десятки раз «обгоняющий» другие способы реагирования на происходящее. Данный подход к решению возникших жизненных трудностей оказывается востребованным и среди российских бедных (в среднем 30% в группах бедных, выделенных по обоим используемым нами критериям).

¹ В вопросе допускался также ответ «удовлетворительно», не представленный на рисунке.

Нет сомнений, что обращение к практикам распространенной в пореформенной России вторичной занятости разумно и эффективно, да и более доступно для различных категорий населения, нежели, скажем, переезд в другой регион и, тем более, выезд из страны. К слову сказать, как уже отмечалось в разделе 3, «разовые приработки, заработки от случая к случаю» уверенно входят в пятерку наиболее распространенных источников доходов наших соотечественников и живущих с ними членов их семей, уступая лишь зарплате по основному месту работы, пенсиям, стипендиям и т. п., а также доходам от подсобного хозяйства. Однако возникает вопрос: смогут ли «обделенные» качественным человеческим капиталом российские бедные «продать» себя на рынке труда? И, если смогут, то сумеют ли сделать это выгодно? Думается, однозначного ответа на эти вопросы нет.

5. Социально-демографические факторы бедности в современной России

Причины бедности в современной России достаточно разнообразны. Наряду с так называемыми классовыми характеристиками, которые определяют место человека в социальной структуре через его позиции на рынке труда (социально-профессиональный статус, уровень образования и т. д.) на риск попадания в бедность влияют и внеклассовые особенности индивидов, в первую очередь — социально-демографические. Последние, с одной стороны, во многом определяют характер и масштаб расходов семьи (к примеру, иждивенческая нагрузка или плохое здоровье кого-то из членов семьи резко ухудшают ее положение и сокращают возможности в сфере потребления). С другой стороны, они влияют на доступность эффективной занятости, положение на рынке труда (к примеру, предпенсионный возраст, проживание в малых городах и селах или наличие в семье требующего ухода инвалида или маленького ребенка заметно снижают шансы занятия привлекательных социально-профессиональных позиций). В ряде случаев эти эффекты накладываются друг на друга, формируя своего рода синергетическую реакцию.

Так какие же они, современные российские бедные, с точки зрения их социально-демографических особенностей? И какие социально-демографические характеристики выступают сегодня в России основными рисками бедности?

С одной стороны, у российской бедности **«женское лицо»**. **Особенно это заметно на группе бедных «по доходам»**: две трети как этой группы бедных, так и хронических бедных (когда в состоянии нищеты и бедности человек, по его собственным оценкам, проживает более 5 лет) — это женщины, в то время как среди остального населения доля женщин около половины. При этом *увеличение риска бедности для женщин по сравнению с мужчинами произошло именно в последние годы*. Так, например, в 2003 г. бедность «по доходам» среди мужчин и женщин была примерно одинаковой (46-47%), к 2008 г. наметилась тенденция смещения доли бедных в сторону женщин (33 и 39% мужчин и женщин соответственно были бедны), а в настоящий период эта диспропорция носит уже более явный характер и среди женщин бедность «по доходам» встречается в полтора раза чаще, чем среди мужчин.

Если же рассмотреть гендерный состав бедных «по лишениям», то соотношение мужчин и женщин в их составе ближе к общероссийскому гендерному соотношению: 45 и 55% соответственно, хотя и здесь женщин среди

бедных все же больше (55%), чем среди небедной части россиян (где их ровно 50%). При этом риски бедности, как для мужчин, так и для женщин оказываются практически одинаковы. Более того, бедных «по лишениям» в последние 10 лет характеризует выравнивание вероятности попадания в бедность у мужчин и женщин, т. е. налицо обратная по сравнению с ситуацией у бедных «по доходам» динамика. Если в 2003 г. в число бедных «по лишениям» попали 36% мужчин и 42% женщин, то в 2008 г. эти показатели, сблизившись, составили 32 и 34% соответственно, а в 2013 г. они абсолютно сравнялись на уровне 25%. *Это означает, что, несмотря на более низкий, нежели у мужчин, уровень среднедушевых доходов, женщины, при этом, успешнее адаптируются к неблагоприятным экономическим условиям, лучше находят возможности избегания реальных лишений, которые объективно снижают уровень жизни, и характеризуются более рациональной структурой трат.* Причем им лучше удается справляться с возникающими сложностями несмотря на то, что, в силу сложившихся традиций, именно женщины принимают на себя обычно уход за стариками и больными членами домохозяйства, воспитание детей, в том числе и после развода и т. д.

Сам **брачный статус** также существенно влияет на риск бедности, выступая в современных условиях одним из важных ее факторов. Среди бедных более половины (63%) состоят в браке, еще 4% — в так называемом гражданском браке. Для небедного населения эти показатели равны 62 и 3% соответственно. При больших долях вдовых (9 и 6%) и разведенных (10 и 6%) среди бедных по сравнению с небедным населением, доля никогда не состоявших в браке россиян среди них в 1,5 раза ниже — 14% против 22% у небедных. Это, безусловно, свидетельствует о том, что *развод, как и вдовство, оказываются значимыми факторами бедности* — доля бедных среди разведенных и живущих в гражданском браке вдвое выше, чем для остальных россиян.

С учетом этого обстоятельства тем опаснее, что только 44% состоящих в браке бедных «по доходу» говорят о своих отношениях в семье как о хороших. И хотя в большинстве случаев (47%) они оценивают их удовлетворительно, все же 9% этой группы считают отношения в своей семье плохими. Для бедных «по лишениям» эти показатели составляют 44, 48 и 8% соответственно. При этом у состоящего в браке небедного населения семейные отношения оцениваются значительно лучше: существенно выше доля оценок «хорошо» (69%), ниже — «удовлетворительно» (30%), а оценок «плохо» вообще нет. В целом это закономерно, ведь, как показывают предыдущие исследования ИС РАН¹, в семьях россиян с низким уровнем жизни материальные проблемы являются одной из ключевых причин конфликтов, отражающихся и на семейных отношениях в целом.

Отдельно следует отметить и такой фактор бедности как **иждивенческая нагрузка**. И хотя высокая иждивенческая нагрузка воспринимается населением как фактор бедности далеко не в первую очередь (в 2013 г. она была 10-ой из 15 причин бедности, которые называли россияне, имевшие бедных в своем окружении, а в 2003 г. — только 13-ой из 15), в действительности роль ее достаточно велика, особенно для бедных «по доходам» (см. рис. 5.1). Кроме того, сами бедные, отмечая причины бедности в своем окружении, чаще остального населения упоминали ее 10 лет назад и упоминают сейчас (27 и 20% соответственно). Правда, рассуждая о своей собственной бедности, иждивенческую нагрузку в качестве ее причины называют только 8% бедных (в том числе 13% хронических бедных).

¹ Российская повседневность в условиях кризиса / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Альфа-М, 2009.

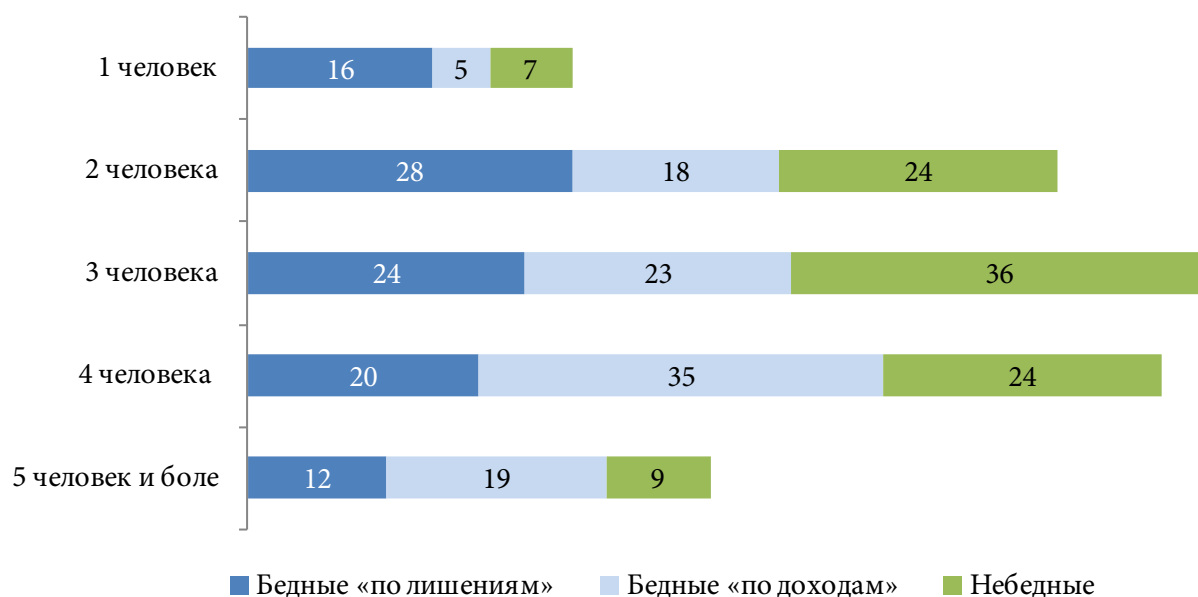

Рис. 5.1. Размер домохозяйств бедных и небедных, 2013 г., %

Как видно из данных рис. 5.1, бедные «по доходам» гораздо чаще проживают в более крупных домохозяйствах, чем остальное население: если среди них более половины (54%) имеют семьи, состоящие не менее чем из 4 человек, то для небедного населения этот показатель равен только трети. При этом домохозяйства хронических бедных, наоборот, отличаются небольшим количеством членов семьи: половина из них состоит из 1-2 человек. И в этом отношении они очень похожи на бедных, выделенных по депривационному подходу, которые также относительно небольшие. Средний размер домохозяйства хронических бедных равен 2,78, бедных «по доходам» — 3,58, «по лишениям» — 2,92, а небедных россиян — 3,08 человека¹. Разница в размере домохозяйств бедных и небедных в основном объясняется наличием и в их составе несовершеннолетних детей (см. рис.5.2). **Количество детей** в семьях бедных «по доходам» максимально и в среднем равно 0,82, в то время как, у бедных «по лишениям» — 0,62, у хронических бедных — 0,52, а у небедного населения — 0,5².

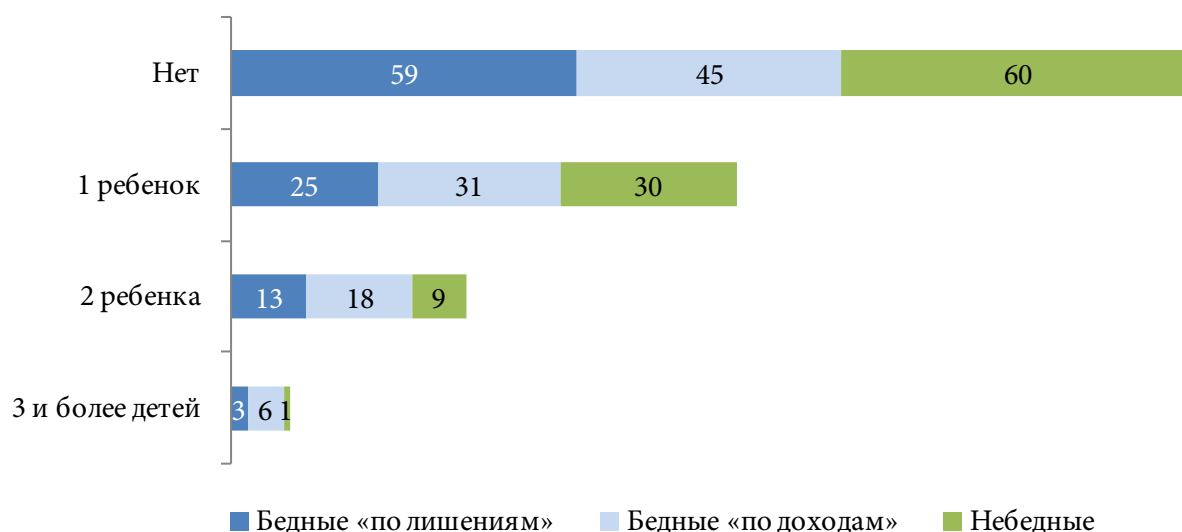

Рис. 5.2. Количество детей в домохозяйствах бедных и небедных, 2013 г., %

¹ Медианные показатели равны 3, 4, 3 и 3 человека соответственно.

² Медианные показатели равны 1, 0, 0 и 0 соответственно.

На основании приведенных данных можно предположить, что чем больше в домохозяйстве несовершеннолетних детей, которые создают иждивенческую нагрузку, тем выше вероятность его попадания в бедность. Так, среди россиян, не имеющих в составе своих домохозяйств несовершеннолетних детей, только 6% вошли в число бедных «по доходам», а для семей с 1 и 2 детьми эти показатели были равны уже 9 и 14% соответственно. Семьи с 3 и более несовершеннолетними детьми имели практически 50%-ую вероятность попадания в число бедных «по доходам». В 2003 г. наличие несовершеннолетних детей в принципе мало сказывалось на риске попадания населения в бедность «по доходам» (входили в состав бедных 45% домохозяйств с детьми и 47% — без детей). В 2008 г. их наличие уже заметно повышало риск бедности (40 и 34% соответственно), хотя и в меньшей степени, чем в настоящее время. *Таким образом, при общем улучшении ситуации с абсолютной бедностью за последние 10 лет вопросам детской бедности и поддержке семей с несовершеннолетними детьми уделялось в этот период явно недостаточное внимание. В итоге их наличие превратилось в важный фактор бедности, особенно — бедности «по доходам».*

Если же рассматривать ситуацию с детьми как фактор риска бедности применительно к бедным «по лишениям», то роль этого фактора также резко ослабевает. Домохозяйства с разным количеством детей примерно в одинаковой степени рискуют попасть в их число: если семьи без детей являются бедными в 26% случаев, то для имеющих детей этот показатель варьируется от 21 до 29% в зависимости от числа детей. *Это свидетельствует о том, что нагрузка детьми компенсируется для них в ряде случаев за счет иных характеристик домохозяйств.* Если учесть жизненный цикл семьи, в которой обычно проживают несовершеннолетние дети, можно предположить, что такими «буферами» выступают относительно высокие доходы их родителей, которые находятся на пике своего трудового пути, накопленные семьей имущественные и финансовые ресурсы, меньшая вероятность наличия других членов семьи, требующих сверхнормативных расходов (инвалиды и т. п.).

Последнее тем более важно, что домохозяйства бедных имеют относительно высокую нагрузку не только несовершеннолетними детьми, но и иждивенческую нагрузку¹ в целом. Соотношение работающих и неработающих членов семьи для бедных, в том числе и для хронических бедных, равно 1:1, в то время как для небедных россиян оно составляет 2:1. Критичным при этом является *уровень иждивенческой нагрузки, когда на троих иждивенцев приходится один работающий*. Именно тогда вероятность попасть в число бедных «по доходу» увеличивается по отношению к среднему ее показателю втрое — с 9 до 24%: такова доля бедных «по доходам» среди россиян, проживающих в домохозяйствах с высокой иждивенческой нагрузкой. Более того, в данном случае в 2 раза увеличивается и вероятность попадания в состав хронических бедных и в полтора — в состав бедных «по лишениям».

Важно при этом не только наличие или отсутствие иждивенцев, но и то, кто они. Так, свыше половины (56%) небедных россиян говорят об отсутствии в составе их домохозяйств неработающих взрослых, в том числе студентов и пенсионеров, инвалидов 1-2 групп или хронически больных с ограниченной трудоспособностью, не являющихся инвалидами 1 и 2 групп. Для бедных этот показатель равен только 45%, в том числе для хронических бедных — 34%, *т. е.*

¹ Показатель иждивенческой нагрузки рассчитывался как отношение количества работающих членов домохозяйства к общему количеству членов домохозяйства. Высокая нагрузка объединяет диапазон значений от 0 до 0,33, скорее высокая — от 0,34 до 0,5, скорее низкая — от 0,5 до 0,75, низкая — от 0,76 до 1.

большая часть бедных проживает в домохозяйствах со взрослыми иждивенцами того или иного типа. При этом в составе домохозяйств небедного населения в 1,5 раза чаще не бывает ни неработающих пенсионеров, включая инвалидов 1 и 2 групп, ни несовершеннолетних детей (см. рис.5.3). Одновременно среди бедных значительно выше по сравнению с остальными доля тех, кто проживает в неполных или многодетных семьях — две трети семей этого типа являются бедными, что еще раз возвращает нас к вопросу о недостаточности проводимой социальной политики в сфере материнства и детства. При этом среди хронических бедных заметно выше доля одиноких пенсионеров и россиян, в составе домохозяйств которых нет детей, но есть пенсионеры (значительная часть из них — домохозяйства пенсионеров).

В целом же, как видно на рис. 5.3, типы домохозяйств бедных достаточно разнообразны: около трети (31%) не имеют ни пожилых, ни несовершеннолетних детей в своем составе, примерно столько же (29%) имеют несовершеннолетних детей, но не более двух, и 38% испытывают нагрузку пенсионерами или пенсионерами и детьми одновременно.

Рис. 5.3. Типы домохозяйств различных групп бедного и небедного населения, 2013 г., %

Важным является тот факт, что в домохозяйствах бедных «по доходам» чаще, чем в домохозяйствах остального населения, представлены такие формы иждивенческой нагрузки как безработные (их доля в 4 раза выше, чем у небедных) и инвалиды

1 и 2 групп (в 2,5 раза). При этом влияние наличия безработных на вероятность попадания в бедность «по доходам» носит прямой характер, т. к. они не имеют или имеют очень низкие доходы (пособие по безработице). Наличие же инвалидов 1 и 2 групп как фактор бедности носит опосредованный характер: иждивенцы такого типа оказывают влияние на возможности в сфере занятости и заработка для остальных членов домохозяйства. Недаром среди домохозяйств с инвалидами 32% имеют очень высокую и еще 45% — высокую иждивенческую нагрузку. Зато нагрузка студентами в большей степени характерна, напротив, для небедного населения (см. таблицу 5.1).

Таблица 5.1

Типы иждивенческой нагрузки в домохозяйствах бедных и небедных, 2013 г., %

Типы иждивенцев	Бедные		Небедные
	По лишениям	По доходам	
Безработные или испытывающие трудности с постоянной работой	17	24	6
Инвалиды 1 и 2 групп инвалидности	12	13	5
Хронически больные с ограниченной трудоспособностью, не являющиеся инвалидами 1 и 2 групп	3	4	2
Неработающие пенсионеры	27	22	23
Неработающие студенты	6	10	15
Таких членов семьи нет	47	41	56

Итак, наличие безработных и инвалидов в составе домохозяйств значительно повышает для россиян вероятность попадания в число бедных, особенно — хронических бедных. При этом разница риска бедности для домохозяйства, измеренного в рамках абсолютного и депривационного подхода, максимальна для тех семей, в составе которых есть неработающие пенсионеры (в 3 раза) и инвалиды (в 2,5 раза) (см. рис. 5.4). Это свидетельствует о том, что для уровня жизни данных групп населения более значимыми оказываются различные виды вынужденных расходов на медицинское обслуживание и лекарства. Такие, по сути, дополнительные расходы не учитываются в России при расчете прожиточного минимума, хотя существенно влияют на реальный уровень жизни домохозяйств.

Рис. 5.4. Вероятность¹ попадания в категорию бедных при наличии разной иждивенческой нагрузки в домохозяйстве, 2013 г., %

¹ В качестве индикатора этой вероятности используется доля тех, кто входит в число бедных по тому или иному подходу.

Напомним в этой связи также, что среди хронических бедных относительно высока доля тех, в чьих домохозяйствах есть инвалиды, хронические больные без инвалидности и неработающие пенсионеры (см. таблицу 5.1). Может ли все это свидетельствовать о том, что плохое состояние здоровья и пенсионный возраст, зачастую связанные друг с другом, являются на сегодняшний день в России факторами бедности, прежде всего — хронической бедности?

Отвечая на этот вопрос, следует отметить, что доля пенсионеров в составе бедных «по доходам» за последние годы колебалась: с 23% в 2003 г. она увеличилась до 43% в 2008 г., но после ряда индексаций пенсий за последние годы в 2013 г. составила только 15%. Соответственно риск для пенсионеров попасть в число бедных «по доходам» сократился с 50–55% в 2003–2008 гг. до 7% в 2013 г.. *Таким образом, статус пенсионера, который еще пять лет назад буквально предопределял попадание в бедность и нес большую угрозу уровню жизни всего домохозяйства, где были пенсионеры¹, сегодня, после проведения активной политики по индексированию пенсий, не является настолько критичным для бедности «по доходам», хотя до сих пор влияет на реальный уровень жизни: среди пенсионеров 36% входят в состав бедных «по лишениям».* Также треть хронических бедных являются пенсионерами и ещё 10% пенсионеров отмечают, что находятся в состоянии бедности не менее 5 лет. Это означает, что, *оценивая свое состояние, пенсионеры обращают внимание не только на доходы, но и на испытываемые ими лишения.*

При этом возрастная структура бедности не претерпела за последние 10 лет сколько-нибудь значительных изменений (см. таблицу 5.2). Однако доля населения старше 60 лет в составе бедных «по доходам» сократилась, и, можно сказать, что в целом *российская бедность «по доходам» «молодеет» и в ее составе увеличивается доля населения трудоспособного возраста, особенно до 30 лет.* Средний возраст бедных, как и остального населения, в 2013 г. составил 40,9 лет. При этом среди бедных «по лишениям» доля населения старших возрастов увеличилась.

Таблица 5.2

Возрастная структура бедных и небедных, 2003/2013 гг., %

Возраст	Бедные				Небедные
	По доходам		По лишениям		
	2003	2013	2003	2013	2013
18-30	25	30	32	23	30
31-40	22	25	24	21	24
41-50	23	22	22	19	19
51-60	16	13	12	16	15
Старше 60	15	11	11	21	12

Кроме того, при частичном улучшении в последние годы положения пенсионеров пока не произошло компенсирования мерами социальной политики рисков, связанных с состоянием **здоровья**. Потеря здоровья, в том числе и близкими, является самым распространенным опасением как бедных (52%), так и небедных (56%) россиян, обгоняя такие фобии как страх остаться без средств к существованию и без работы. Это не удивительно, т. к. именно

¹ Подробнее см. Российская повседневность в условиях кризиса / под ред. М. К. Горшкова, Р. Кrumma, Н. Е. Тихоновой. М.: Альфа-М, 2009.

болезнь и инвалидность называются ими в качестве основной причины бедности их окружения: об этом говорят 40% тех, кто имеет в своем окружении бедных. Правда, следует отметить, что среди самих бедных болезни и инвалидность, хотя и входят в число самых распространенных причин бедности, но следуют за недостаточностью пособий по социальному обеспечению и длительной безработицей. Тем не менее, плохое состояние здоровья имеет серьезные негативные последствия для уровня жизни, что проявилось именно в последние годы, после улучшения общей ситуации с бедностью: в 2003 году риск бедности был практически одинаковым для населения с разным здоровьем — 45-49% представителей всех групп, выделенных по состоянию здоровья, были бедны. В 2008 г. этот фактор уже давал значимый эффект для дифференциации рисков: бедных «по доходам» среди россиян с хорошим здоровьем было 24%, удовлетворительным — 35%, а плохим — 55%. В 2013 г. среди россиян с хорошим состоянием здоровья только 4% попали в число бедных, в то время как среди тех, у кого оно было удовлетворительное или плохое, их было уже в разы больше — 10 и 13% соответственно. Для бедности «по лишениям» ухудшение состояния здоровья также в разы увеличивало риски бедности: среди имеющих хорошее здоровье бедными были 13%, удовлетворительное — 27%, а плохое — уже 50% (см. рис. 5.5).

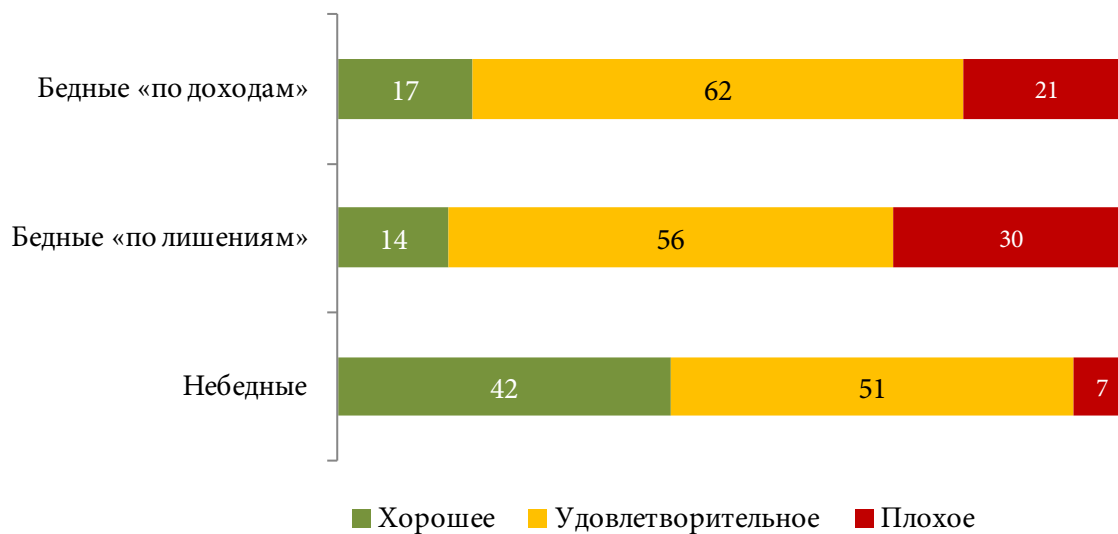

Рис. 5.5. Самооценка состояния здоровья бедного и небедного населения, 2013 г., %

Особенно плохим является состояние здоровья хронических бедных: среди них только 4% оценивают его как хорошее и практически половина (47%) — как плохое. Таким образом, *в условиях общего улучшения ситуации с доходами населения эффект от влияния состояния здоровья на уровень жизни стал проявляться значительно ярче. При этом на бедности «по лишениям» состояние здоровья отражается больше, чем на бедности «по доходам», т. к. в этой группе здоровье сильнее влияет не только на доступ к эффективной занятости, но и на характер расходов.*

Общий спектр социально-демографических факторов бедности дополняет **тип населенного пункта**, в котором проживает индивид. Среди тех, в чьем окружении есть бедные, 17% называют в числе причин бедности своих знакомых проживание в бедном регионе (районе, городе, местности) и для 18% бедных это одна из причин их собственного сегодняшнего неблагополучия. Практически

половина (47%) бедных «по доходам» проживают сегодня в сельской местности, включая поселки городского типа, при этом 37% — в селах. Для небедных эти показатели равны 29 и 23% соответственно. Однако, с другой стороны, более половины (53%) бедных «по доходам» — все-таки жители городов. Хронические бедные, как и бедные «по лишениям», чаще, чем бедные «по доходам» проживают в городах, особенно в мегаполисах, и реже — в сельской местности (см. рис. 5.6).

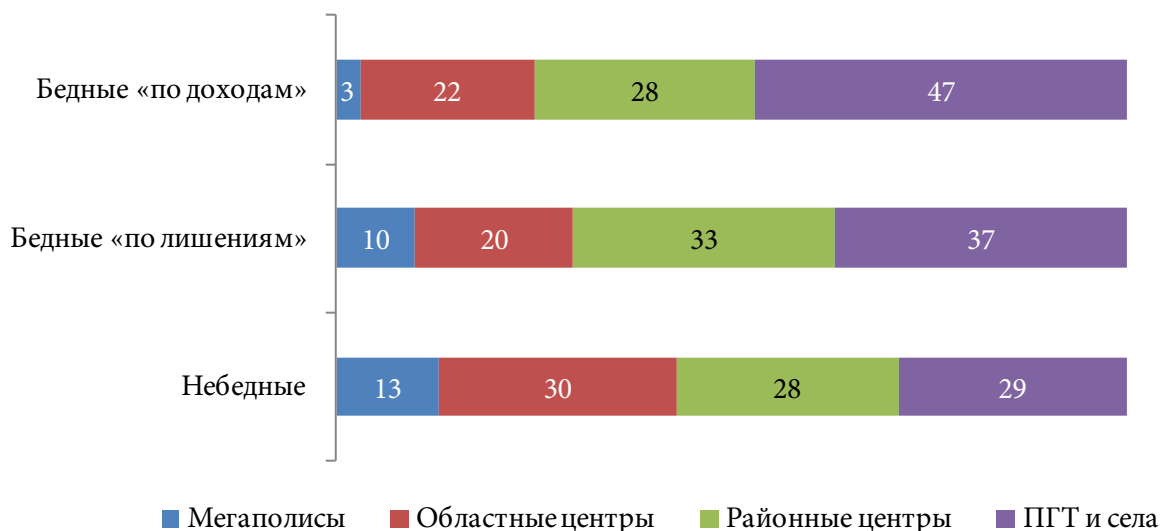

Рис. 5.6. Место проживания разных групп бедного и небедного населения, 2013 г., %

Вероятность попасть в число бедных «по доходам» максимальна именно для жителей сел — 16% из них имеют среднедушевые доходы ниже прожиточного минимума, в то время как для проживающих в ПГТ и районных центрах этот показатель равен 9 и 7,5% соответственно, для жителей областных центров и мегаполисов — 4 и менее 1%. При этом относительно высокие риски попадания в бедность «по лишениям» испытывают жители не только сел, но и ПГТ и районных центров: в них доля бедных по депривации составляет 29-31%, в то время как в более крупных населенных пунктах — 15-20%.

Рассмотрим в этой связи особенности социально-демографического портрета городской и сельской бедности в современной России. У городской бедности чуть в большей степени выражено «женское» лицо: среди бедных, проживающих в городах разного типа (но не в ПГТ), 60% — женщины, в то время как их доля среди бедных из сельской местности хотя и высока, но все же ниже — 57%.

Что касается возраста, то сельские бедные «по доходам» несколько моложе городских: их средний возраст равен 42,8 года (41 по медиане), в то время как у городских бедных — 45,6 года (44,5 по медиане). Пенсионеры являются членами 22% сельских и 26% городских домохозяйств (см. рис. 5.7).

При том, что у сельских и городских бедных одинаковы доли домохозяйств с инвалидами (11% соответственно) и близки — доли домохозяйств с пенсионерами (28 и 27% соответственно), сами они лучше оценивают свое состояние здоровья: среди них 18% говорят о нем как о хорошем и 22% — как о плохом, в то время как для городских бедных эти показатели равны 13 и 28% соответственно. Плохое здоровье в городах сильнее увеличивает риски попадания в число бедных «по доходам», чем в селах: в городах доля бедных среди имеющих удовлетворительное здоровье в 5, а плохое — в 6 раз выше по сравнению с теми, у кого оно хорошее (19, 26 и 4% соответственно). Для сел эти показатели равны 29, 42 и 15%

соответственно. Это означает, что состояние здоровья как фактор бедности в значительной степени связано с ситуацией на локальных рынках труда, и если для сельских бедных доступ к хорошо оплачиваемым рабочим местам вообще затруднен, то в городах, где такого рода рабочих мест больше, это в большей степени характерно для тех из них, кто имеет плохое здоровье.

Рис. 5.7. Типы домохозяйств городских и сельских бедных «по доходам», 2013 г., %

У бедных «по лишениям» подобный эффект также присутствует, но менее ярко выражен: в городах удовлетворительное состояние здоровья увеличивает риски бедности «по лишениям» в 2, а плохое — в 3 раза по сравнению с теми, у кого здоровье хорошее (26, 45 и 11% соответственно), в то время как для сел эти показатели равны 1,5 и 3 (28, 58 и 20% соответственно). Это означает, что риски бедности для данной группы в любом случае генерируются в большей степени расходами, связанными со здоровьем, а не особенностями занятости.

Таким образом, социально-демографические характеристики россиян не просто выступают факторами бедности наряду со структурными характеристиками — их роль крайне высока. Однако они все же являются скорее дополнительными и корректирующими, нежели основными причинами бедности, которые кроются в особенностях места человека на рынке труда. Исключением являются такие случаи как сильная иждивенческая нагрузка и принадлежность семьи к числу неполных или многодетных, которые уже сами по себе оказываются факторами бедности, в разы повышающими вероятность бедности независимо от характера занятости членов домохозяйств.

6. Бедность и социальная мобильность

Изучение проблем бедности и перспектив ее сокращения, в том числе за счет мер государственной социальной политики, нельзя вести без анализа возможностей социальной мобильности бедных в современных условиях. Именно работоспособность и доступность «социальных лифтов» в масштабах общества в целом в значительной степени определяют эффективность мероприятий социальной политики. Насколько же открыто современное российское общество? Каковы возможности и механизмы внутри- и межгенерационной социальной мобильности?

Для начала уместным будет поставить вопрос: как бедные оценивают свое место в обществе? Анализ данных проведенного исследования показывает не только широко распространенное среди бедных чувство приниженности своего социального статуса, но и резкое увеличение за последние годы доли тех, кто относит себя к нижним 4-м «ступенькам социальной лестницы» (из 10 предлагавшихся респондентам для самопозиционирования) и особенно — к двум нижним ее «ступенькам». Если по состоянию перед началом кризиса 2008-2009 гг. на них ретроспективно ставили себя соответственно 54% и 13%, то на весну 2013 г. подобным образом идентифицировали свое место в обществе 71% и 23% соответственно (см. таблицу 6.1). В то же время, для небедных эти показатели составляли 41% и 4% по состоянию на период перед кризисом и всего 33% и 2% по состоянию на весну 2013 г. Таким образом, *поляризация бедных и небедных не просто объективно усиливается, о чем шла речь и в предыдущих разделах, она все ярче осознается ими самими. И если небедные все больше характеризуются самопозиционированием в середине социальной лестницы, то бедные все чаще чувствуют себя представителями «социальных низов».*

Еще более драматично выглядит это противостояние с учетом исходного неравенства стартовых позиций бедных и небедных, т. е. места в социальной структуре общества тех семей, в которых они выросли. Так, 12% бедных поставили свою родительскую семью на две нижние позиции 10-ступенчатой социальной «лестницы», в то время как среди небедных таковых было в 2,5 раза меньше. Таким образом, *небедные — это в подавляющем большинстве выходцы из средних слоев общества. С бедными же картина не так однозначна. С точки зрения изменения их социального статуса на протяжении жизни их можно выделить в две неравные по численности группы. Одна из них, меньшая, насчитывающая примерно 4,5-5 млн человек — представители самовоспроизводящихся «социальных низов». Основная же их часть — либо те, кто, будучи взрослым, попал в число бедных и далее «законсервировался» в этом состоянии, оказавшись в итоге в числе хронических*

бедных, либо находится в состоянии ситуационной, временной бедности. Причем последних среди бедных пока еще большинство — свыше двух третей тех, кто находится в состоянии бедности менее 5 лет, отмечают, что их нынешнее положение хуже, чем положение их родителей.

Таблица 6.1

Самооценка бедными и небедными своего социального статуса
в настоящее время и ретроспективно, самооценки, 2013 г.. %*

«Ступеньки» социальной лестницы (10-балльная шкала)	Бедные:			Небедные:		
	До кризиса (5-6 лет назад)	Год назад	В наст. время	До кризиса (5-6 лет назад)	Год назад	В наст. время
10 (высшая ступенька)	0	0	0	1	1	1
9	1	1	0	1	1	2
8	3	1	1	4	3	5
7	6	3	3	7	7	9
6	13	8	8	18	18	20
5	23	18	17	28	32	30
4	23	27	22	24	24	20
3	18	24	26	13	12	11
2	10	14	17	3	2	2
1 (низшая ступенька)	3	4	6	1	0	0

*Жирным выделены 1-4 позиции, которые бедные выбирали относительно чаще небедных и которые ассоциируются у населения России с пребыванием «внизу» социальной лестницы.

Таким образом, две трети нехронических бедных — «новые бедные», которые раньше к ним не относились, а треть является выходцами из «социальных низов». Это свидетельствует о том, что *вопрос открытости социальных лифтов является чрезвычайно острой проблемой для современной России. Причем значимость ее велика как для выходцев из бедных (которые не могут преодолеть состояние бедности и все чаще «консервируются» в нем), так и из небедных слоев населения (которые характеризуются высокой степенью рисков скатиться в бедность — сначала ситуационную, а затем и хроническую). Значимость этих рисков во многом определяется тем, что среди хронических бедных также немало «новых бедных» — они составляют чуть более половины данной группы. В то же время, практически для половины хронических бедных состояние бедности привычно с детства: во всяком случае, 48% находящихся в бедности не менее 5 лет оценивают свое положение не хуже, чем положение семьи, в которой он выросли. В этом смысле ситуация, сложившаяся с социальной мобильностью бедных (как хронических, так и находящихся в ситуационной или временной бедности) свидетельствует о достаточно массовом межпоколенческом воспроизводстве бедности в современном российском обществе.*

Тем не менее, вне зависимости от типа бедности (хроническая или ситуационная) бесспорным остается одно — все бедные как особая социальная группа характеризуются, в противовес небедным, доминированием нисходящей социальной активности (см. рис. 6.1). Данный факт свидетельствует о том, что в ходе реформ двух последних десятилетий наблюдается не просто количественный рост «ситу-

ационно» бедных, но и значительное увеличение числа тех структурных позиций, которые относятся к низшим «ступенькам социальной лестницы» с неизбежным «сползанием» на них ранее вполне благополучных людей.

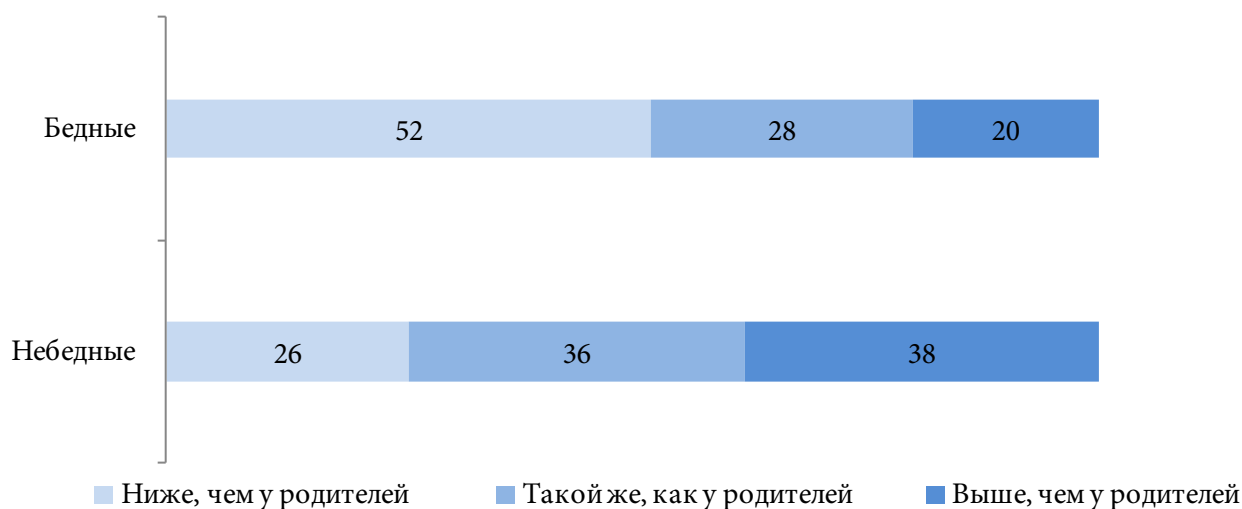

Рис. 6.1. Оценка бедными и небедными своего статуса в обществе по сравнению со статусом семьи, в которой они выросли, 2013 г., %

Однако, несмотря на то, что, свыше половины бедных оказались в состоянии бедности в результате нисходящей мобильности, для каждого пятого из них его нынешнее положение более благополучно, чем было в родительской семье. Однако подобные исключения лишь подтверждают правило — нисходящая мобильность в их среде встречается в разы чаще, чем восходящая. В то же время, соотношение нисходящей и восходящей мобильности среди небедных принципиально иное — доля восходящей мобильности среди них в полтора раза выше, чем нисходящей. Не случайно, поэтому бедные оценивают свое место в обществе в целом хуже по сравнению с положением своих родителей, а небедные — лучше.

Говоря о динамике положения бедных в последние годы, следует отметить, что в целом за последние 5-6 лет наблюдали ухудшение своего положения около 40% бедных. При этом у четверти из них положение стабильно ухудшалось все эти годы: перед кризисом 2008 г. оно было лучше, чем год назад, а год назад — лучше, чем в 2013 г. У остальных же ухудшение ситуации происходило в одном из двух временных интервалов (в трех четвертях случаев оно имело место в последний год). Однако в любом случае для этой части бедных их состояние обусловлено именно динамикой положения за последние годы. В то же время для 60% бедных их сегодняшнее положение воспринимается как не худшее по сравнению с тем, что было у них 5-6 лет назад, что является *еще одним свидетельством гетерогенности российской бедности, её неоднозначности и необходимости дифференцированного подхода к бедным как особой группе российского общества.*

С другой стороны, данный факт выступает наглядным доказательством того, что процессы консервации бедности в российском обществе идут активно и сопровождаются *формированием у российских бедных особого типа идентичности — идентичности «социальных низов»*, приобретающей у многих из них устойчивый характер. В частности, это проявляется в оценках ими динамики своего нынешнего статуса. Так, например, за последний год самооценка своего статуса в обществе у бедных понизилась на 0,18 баллов. В то же время у небедных картина была обратной и большинство из них отмечало скорее приращение своего

статуса, чем его падение (самооценки статуса увеличились у данной группы за год на 0,15 баллов). Если обратиться к данным за последние 5–6 лет, то разрыв будет ещё более заметным: у небедных соответствующая оценка выросла на 0,19 баллов, а у бедных — упала на 0,63 балла. При этом ощутили рост своего статуса за это время 30% небедных и лишь 19% бедных, в то время как в отношении ухудшения его картина была обратной — 40% бедных и лишь 19% небедных зафиксировали свое скатывание вниз по «социальной лестнице» за посткризисный период (см. рис. 6.2). Эти данные свидетельствуют о *диаметрально противоположном характере статусной динамики в двух группах бедных*.

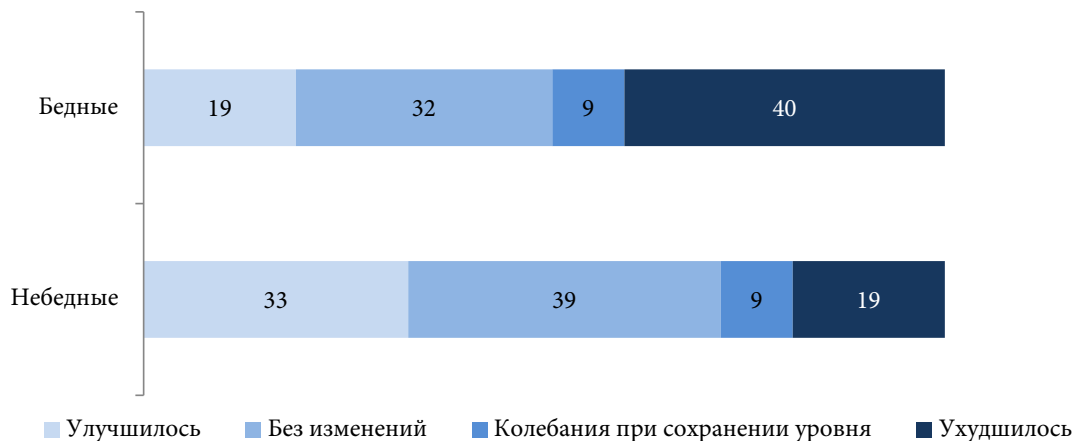

Рис. 6.2. Динамика положения бедных и небедных относительно докризисного периода (5–6 лет назад), по самооценкам, 2013 г., %

Печальный прошлый опыт проецируется бедными и на будущее, что закрепляет у них идентичности «социальных низов». Хотя около половины как бедных, так и небедных россиян (51 и 48% соответственно) уверены, что их материальное положение в ближайший год не изменится, но в остальном картина их мнений о своем будущем существенно различается. Если бедные в четверти случаев ожидают как улучшения, так и ухудшения ситуации (24 и 25% соответственно), то небедные россияне гораздо более оптимистичны: 42% из них ожидают улучшения, и лишь 10% — ухудшения своего положения.

Что же, по мнению россиян, обеспечивает восходящую социальную мобильность и помогает достичь благополучного положения в жизни в современных условиях? По мнению большинства россиян, для того чтобы преуспеть в жизни важно, прежде всего, упорно трудиться (88%). При этом значимость данного фактора как *очень* важного отмечает более половины наших сограждан. В первую тройку наиболее весомых факторов преуспевания входят также хорошее образование и нужные связи (90 и 88% соответственно), т. е. человеческий и социальный капитал. Второй блок важных факторов успеха включает честолюбие, происхождение из богатой семьи, наличие образованных родителей и связи «в верхах» (72, 66, 67 и 56% соответственно). Значимость остальных факторов, помогающих добиться благополучного положения в жизни, россияне оценили заметно ниже (см. рис. 6.3). *Таким образом, помимо упорного труда для преуспевания в современном российском обществе, по мнению наших сограждан, необходимо прежде всего обладать человеческим и социальным капиталом, который формируется за счет как собственных усилий человека, так и ресурсов его семьи, в том числе — родительской.*

Оценки значимости различных факторов благополучия бедными и небедными в целом достаточно схожи. Существенные отличия наблюдаются только в оценке важности неправовых практик (взятки) и нечистоплотного поведения

(неразборчивость в средствах, нахальство). Не менее половины бедных оценивают эти факторы как важные (51 и 50% соответственно), в то время как среди небедных соответствующие показатели равны 42 и 43% соответственно. Если учесть также оценку различных условий как «очень важных», то разница в восприятии факторов успеха бедными и небедными проявится и в отношении роли таких факторов как происхождение из богатой семьи и честолюбие. Бедные выше оценивают значимость происхождения, а небедные — честолюбия.

Рис. 6.3. Оценка россиянами важности условий, необходимые для преуспевания в жизни, 2013 г., %

Можно сказать, что бедные в большей степени склонны перекладывать ответственность за свое неблагополучное положение на то, что они имели менее благоприятные стартовые условия в части возможностей семьи, и склонны обвинять более благополучных сограждан в не порядочности, хотя распространенность подобных установок у них все же не слишком сильно отличается от ситуации с небедными.

В целом факторы успеха при статистическом анализе объединяются в 4 группы¹. В первый блок факторов входят **ресурсы родительской семьи**: образование родителей и наличие у них богатства; второй блок отражает **амбиции и результаты активности самого человека**: хорошее образование, упорный труд, честолюбие; третий — социально-демографические особенности и взгляды человека: национальность, место рождения, пол, вероисповедание и политические

¹ Группировка факторов произведена на основе результатов факторного анализа с вращением методом варимакс.

убеждения; и четвертый — **связи**: наличие нужных знакомств и политических связей и **умение встраиваться в неправовое поле**: давать взятки и быть неразборчивым в средствах. При этом относительно большую роль для россиян (и здесь мнения бедных и небедных совпали) играют такие факторы успеха как «амбиции и результаты активности самого человека» (88%), «ресурсы родительской семьи» (80%), и «связи и неправовые практики» (74%). Социально-демографические характеристики как факторы благополучия отмечали только 20% россиян.

В связи с высокой значимости человеческого и социального капитала как факторов успеха необходимо рассмотреть, насколько ими располагают разные группы населения. Социальный капитал, который в российских условиях эффективно компенсирует нехватку иных ресурсов, у российских бедных представлен в очень ограниченном объеме (см. таблицу 3.6.). Человеческий капитал бедного населения также значительно ниже, хотя роль его как фактора восходящей мобильности, не будучи решающей, все же ощущается достаточно сильно. Так, среди тех, кто оценивает свой статус в обществе не лучше, чем положение семьи, в которой воспитывался, доля имеющих более высокий уровень образования, чем у родителей¹, на 15% ниже, чем у тех, кто оценивает свой статус не менее чем на 2 «ступени» выше, чем статус родительской семьи. Кроме того, навыками работы на компьютере обладают только 45% бедных, в то время как для остальных россиян этот показатель равен 73%. Однако среди небедного населения большая часть (56%) использует его часто, в то время как для бедных этот показатель равен только 43%, что косвенно отражает специфику их рабочих мест, о которой говорилось в разделе 4. Кроме того, среди бедного населения большая часть (57%) не имеет компьютера в доме, в то время как для остальных этот показатель в 2,5 раза ниже — 22%. В течение последних 7 лет компьютер был приобретен 71% небедных и лишь 36% бедных россиян. Соответственно и в производственной, и в непроизводственной сферах освоение новых навыков и в целом Интернет-пространства у бедных происходит менее активно. Так *формируется и закрепляется новая форма социального неравенства бедных и небедных, характерная именно для начала XXI века — цифровое неравенство. При этом, раз возникнув, оно начинает, препятствовать социальной мобильности бедных, поскольку навыки в области информационных технологий являются своего рода «входным билетом» на наиболее привлекательные рабочие места.*

Говоря о человеческом капитале в связи с проблемами социальной мобильности, нельзя не отметить и тот факт, что наращивание человеческого капитала у россиян вообще происходит достаточно пассивно, а пополнение знаний бедными встречается в 1,5 раза реже, чем у остальных россиян: за последние три года среди бедных 73% никак не пополняли свои знания, в то время как для небедных этот показатель был менее половины — 46%. Однако данная ситуация — в значительной степени результат выбора самих бедных, хотя он и происходит под воздействием определенных структурных ограничений, определяющих всю их жизнь. Во всяком случае, с неравенством в доступе к образованию сталкивались, по их словам, 20% бедных и 18% небедных россиян, а с неравенством в возможностях получения необходимого образования детьми — 25 и 29% соответственно. При этом неравенство в доступе к образованию является болезненной проблемой для 29% бедных и 28% небедных, т. е. в данном вопросе между двумя группами нет никакой разницы. Как это ни парадоксально, но та же картина характеризует и их

¹ Для населения старше 22 лет, т. к. именно в этом возрасте заканчивается стандартный цикл обучения в рамках высшего образования.

отношение к неравенству возможностей в области образования для детей: болезненными считают эти неравенства 23% бедных и 21% небедных. Таким образом, *несмотря на разницу в возможностях, бедные озабочены проблемами образования детей практически в той же степени, что и небедные, хотя стоило бы ожидать большей их обеспокоенности в данном отношении. Это ставит вопрос о перспективах социальной мобильности не только нынешнего, но и следующих поколений бедных, возможности для детей из бедных семей выбраться из состояния бедности в условиях, когда их родители не только сами не слишком стремятся войти в образовательный «социальный лифт», но и не пытаются направить туда своих детей.*

В этой связи следует обратить внимание на то, что, рассуждая о перспективах своих детей, бедные в основном теряются в догадках и чаще всего (43%) не могут оценить, будет ли положение их детей лучше или хуже их собственного. Подобные сомнения испытывают менее трети небедных граждан (30%). При этом более половины из них (53%) ожидают, что их дети добьются большего, чем они сами, в то время как для бедных этот показатель намного меньше половины (40%) (см. рис. 6.4).

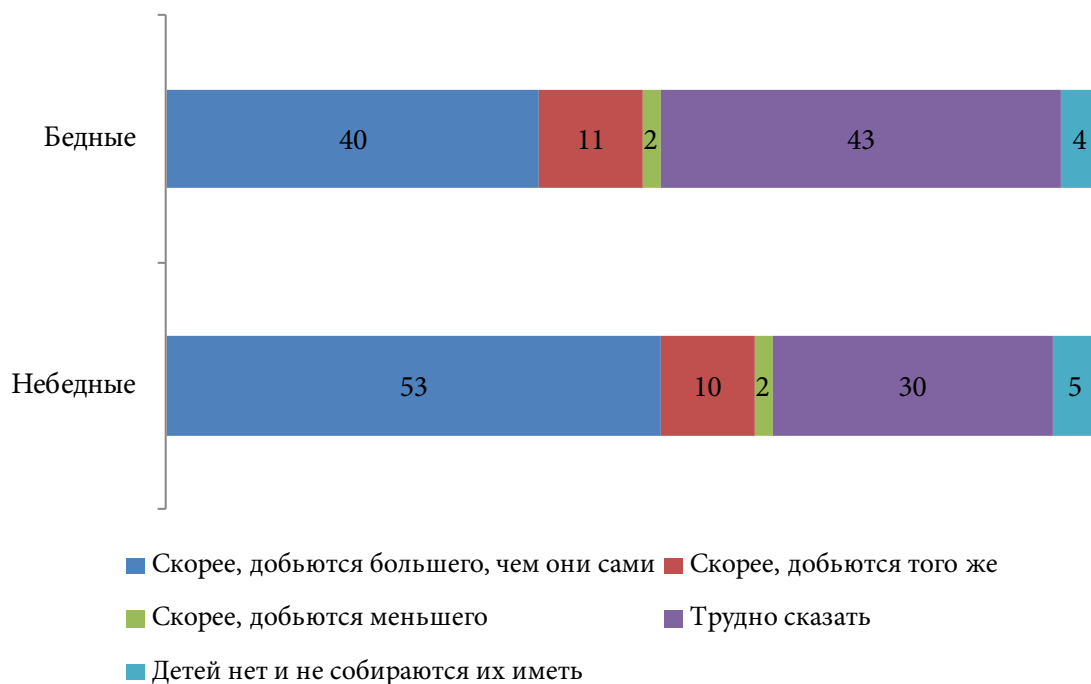

Рис. 6.4. Ожидания бедных и небедных относительно достижений своих детей в будущем, 2013 г., %

Таким образом, несмотря на то, что при относительно благополучном положении родителей детям сложнее демонстрировать восходящую межгенерационную мобильность, небедные россияне более оптимистичны в отношении будущего своих детей, и, судя по характеру восходящей мобильности у бедных и небедных, этот оптимизм в целом оправдан. Это означает, что у детей бедных не только ниже жизненные шансы в целом, т. е. вероятность достичь аналогичных успехов по сравнению с детьми небедных россиян, но и, судя по оценкам самих бедных, весьма умеренные шансы выбраться из состояния бедности. Таким образом, если относительно населения в целом социологами ставится вопрос о закрытии лифтов социальной мобильности, то относительно бедных можно говорить еще и о наличии барьеров на выход из состояния бедности.

При этом, обозначая качества, которые они хотели бы видеть в своих детях, россияне в основном называли те, которые обеспечили бы детям благополучное встраивание в среду и достижение успеха. Из общечеловеческих качеств, не связанных с какими-то достижениями, россияне хотели бы привить детям честность и доброту, однако и о них говорит только около четверти населения (см. рис. 6.5). В целом же, как для бедных, так и для остальных россиян основное, что они хотели бы дать детям — хорошее образование (об этом говорят две трети представителей этих групп). Однако и это скорее декларации, чем реальные действия, т. к. образовательными услугами пользовались семьи всего 7% бедного и 19% небедного населения.

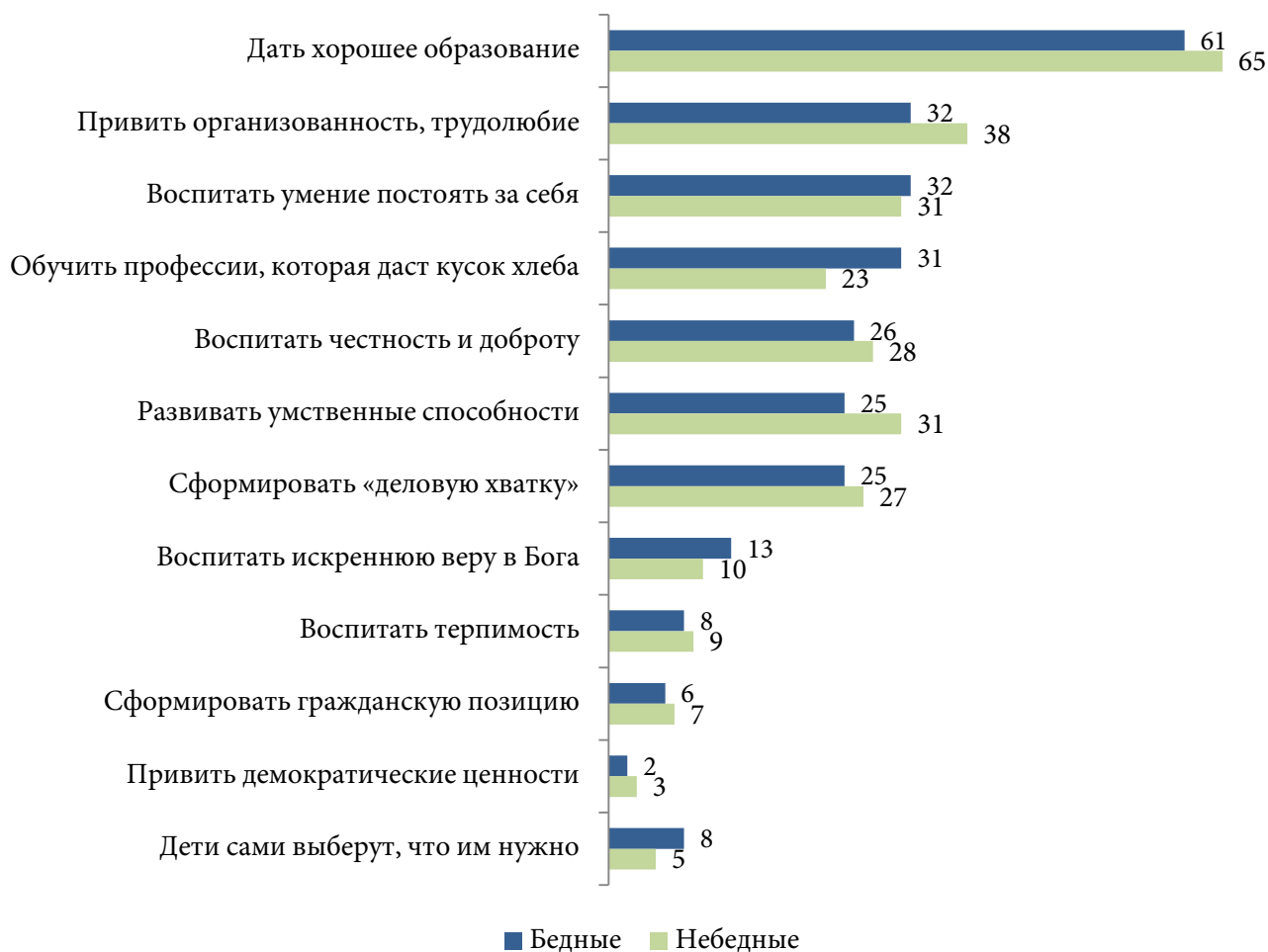

Рис. 6.5. Взгляды россиян на то, что является главным в воспитании детей в современных условиях, 2013 г., %

В тройку наиболее распространенных позиций в части воспитания детей для обеих групп россиян наряду с образованием входят организованность и трудолюбие, а также умение постоять за себя. Четвертой по распространенности чертой, которую россияне хотели бы видеть в детях, для бедных стала профессия, которая смогла бы обеспечить кусок хлеба, а для остальных — развитие умственных способностей. Таким образом, ясно, что небедные россияне в воспитании детей ориентированы на то, что последние займут позиции, связанные с использованием человеческого капитала, и что образование, которое они хотят дать детям, — в первую очередь высшее образование. В то же время, бедное население ориентировано на обеспечение детей возможностями овладения не столько профессией, сколько ремеслом, а под хорошим образованием при этом они имеют в виду не столько высшее, сколько любое профессиональное.

Значимость факторов благополучия, о которых говорят россияне, подтверждается и при статистическом анализе полученных данных. Так, например, россияне, которым удалось, по их самооценке, повысить в последние годы свой социальный статус, являются достаточно высокоресурсной группой: они, как минимум в той же мере, что и небедное население, могут в случае необходимости получить реальную помощь от своих знакомых при решении вопросов устройства на работу, поступления в хороший вуз, продвижения по карьерной лестнице, устройства детей в хорошую школу (см. таблицу 6.2). Это именно те ресурсы, которые способствуют восходящей социальной мобильности, причём как в рамках индивидуальной траектории, так и в межгенерационном разрезе, и которые тем более значимы, что распространённость доступа к ним в российском обществе в целом достаточно низка.

Таблица 6.2

Доступные формы поддержки со стороны родственников, знакомых, друзей у различных групп населения, 2013 г., %

Формы поддержки	Бедные	Небедные	Восходящая статусная мобильность «низов»*
Устройство на хорошую работу	10	17	23
Поступление в хороший вуз	2	8	10
Продвижение по карьерной лестнице	3	4	9
Устройство детей в хорошую школу	5	8	9

*В данной группе объединены те, кто сумел перейти как минимум на средние (5 ступень и выше на 10-ступенчатой лестнице статусов) позиции с низших статусных позиций (1-4 ступени).

Наличие человеческого и культурного капитала также способствует восходящей социальной мобильности. Среди россиян, характеризующихся ею в последние годы, уровень образования как их самих (человеческий капитал), так и их родителей (культурный капитал) выше, чем у бедных и сопоставим с соответствующими ресурсами у тех, кто не находится в состоянии бедности (см. таблицу 6.3). При этом у хронических бедных уровень образования (как собственного, так и родительского) ниже, чем у остальных бедных.

Таблица 6.3

Уровень образования разных групп россиян и их родителей, 2013 г., %

Уровень образования	Хронические бедные	Бедные	Небедные	Восходящая статусная мобильность «низов»*
Свое образование				
Неполное и общее среднее	50	29	14	13
Среднее специальное и незаконченное высшее	40	52	50	50
Высшее или ученая степень	10	19	36	37
Образование отца				
Неполное и общее среднее	65	60	36	33
Среднее специальное и незаконченное высшее	28	31	43	47
Высшее или ученая степень	7	9	21	20

Продолжение таблицы 6.3

Уровень образования	Хронические бедные	Бедные	Небедные	Восходящая статусная мобильность «низов»*
Образование матери				
Неполное и общее среднее	63	57	33	29
Среднее специальное и незаконченное высшее	31	35	42	48
Высшее или ученая степень	6	8	25	23

*В данной группе объединены те, кто сумел перейти как минимум на средние (5 ступень и выше на 10-ступенчатой лестнице статусов) позиции с низших статусных позиций (1-4 ступени).

С другой стороны, уровень владения различными навыками у тех россиян, кто смог за последние годы продемонстрировать примеры восходящей статусной мобильности сопоставим с аналогичными показателями небедного населения: навыками работы на компьютере владеют 78-82% из них (73% среди небедных), иностранным языком – 13-23% (16% среди небедных), 46-57% умеют водить автомобиль (52% среди небедных). При этом более половины из них, как и среди небедных, пополняли в течение последних трех лет уровень своих знаний (51-59 и 54% соответственно). Таким образом, в массе своей это люди, которые даже в момент пребывания на нижних ступенях социальной лестницы с точки зрения их человеческого капитала не были похожи на типичных российских бедных, и их неблагополучие имело ситуационный характер.

7. Неравенства и справедливость в оценках и суждениях бедного населения

Бедность в России тесно связана с еще одной ключевой социально-экономической проблемой — проблемой избыточных социальных неравенств, ситуация с которыми в последние годы в стране, судя по данным официальной статистики и социологических исследований, демонстрирует тенденцию к ухудшению. Согласно данным Росстата, коэффициент Джини по распределению доходов составил для России в 2012 г. 0,42, показав заметный рост за последние 10 лет (в 2002 г. он составлял 0,397) и преодолев критический для экономического роста уровень¹, а децильный коэффициент фондов составил 16,4 (по сравнению с 14,0 в 2002 г.)².

Динамика данных показателей — далеко не академический вопрос, ведь негативные последствия избыточных неравенств (особенно тех, которые воспринимаются обществом как несправедливые) многообразны и варьируются от углубления дифференциации самих бедных и появления среди них массового «социального дна» до утраты обществом социальной стабильности и делегитимизации власти. В связи с этим можно говорить о том, что избыточные социальные неравенства представляют собой даже более опасное по своим последствиям для общества явление, нежели бедность как таковая. В этих условиях особенно важно понимать, какими особенностями характеризуется восприятие различных типов неравенств в современном российском обществе самими бедными и в чем его характерные отличия от восприятия остального населения; какие неравенства воспринимаются ими как справедливые и несправедливые, каким вообще бедные россияне видят справедливое общество и насколько современное российское общество отвечает их представлениями о справедливости.

В первую очередь следует отметить, что мнение населения о социальных неравенствах действительно отражает сложившуюся в российском обществе реальную картину их избыточности — только 2% бедных «по доходам» и 4% бедных

¹ По результатам обширных статистических исследований Мирового банка в разных странах мира было показано, что высокое неравенство — выше 0,4 для коэффициента Джини — отрицательно сказывается на экономической динамике и препятствует экономическому росту (см. World Bank. Equity and Development: World Development Report 2006. — N. Y.: The World Bank and Oxford University Press, 2006).

² Данные Росстата [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_32g.htm (Дата обращения: 10.06.2013).

«по лишениям», как и небедного населения, считают, что острых неравенств в нашем обществе сегодня нет; 5% бедных «по доходу», 8% бедных «по лишениям» и 16% небедного населения считают, что сами они не страдают ни от каких неравенств. Подавляющее же большинство представителей бедного населения (как, впрочем, и небедного) не только фиксируют болезненные неравенства в российском обществе, но и отмечают, что они лично от них страдают.

Какие же из социальных неравенств воспринимаются бедным населением как наиболее болезненные для себя и для общества? Данные проведенного исследования показывают, что на первом месте с большим отрывом оказывается неравенство доходов, от которого, по мнению бедных, в наибольшей степени страдают и они сами, и общество в целом (см. рис. 7.1).

Рис. 7.1. Мнение бедных «по доходам» о наиболее болезненных для общества в целом и лично для них неравенствах в современной России, 2013 г., %

Обращает на себя внимание тот факт, что, говоря практически о всех типах неравенств, даже бедные россияне значительно чаще отмечают болезненность этих неравенств для всего общества, чем для них самих. Так, неравенство по доходам отметили как наиболее болезненное для общества 72% бедных «по доходам», а как наиболее болезненное для себя лично — 61%. Неравенство в доступе к образованию отнесли к наиболее острым для общества 31% бедных, к болезненным лично для себя — 22% и т. д. Вообще не страдают от существующих неравенств, по их самооценкам, 5% бедных «по доходам» и 2% из них считают, что в российском обществе такой проблемы нет; среди бедных «по лишениям» эти доли составляют 4% и 8% соответственно. При этом количественные оценки остроты конкретных неравенств, от которых страдают они сами и общество в целом, практически полностью совпали для групп бедных «по доходам» и бедных «по лишениям», отличаясь не более чем на 2%. Только в двух случаях эти оценки незначительно расходятся: бедные «по доходам» чуть чаще, чем

бедные «по лишениям», отмечают, что они страдают от неравенства доходов (61% и 58%, соответственно) и от неравенства в доступе к образованию (22% и 18%, соответственно).

Рейтинг остроты отдельных неравенств для общества и для них лично в оценках бедных «по доходам» и «по лишениям» в целом также совпадает. После лидирующего неравенства по доходам следуют неравенство в доступе к медицинской помощи и неравенство жилищных условий (причем обе этих характеристики играют достаточно важную роль в представлениях как бедных, так и небедных россиян о ключевых отличиях жизни бедных семей в России). По степени болезненности для самих бедных на одном уровне с неравенствами по жилищным условиям оказывается еще один тип неравенства, связанный с рынком труда — неравенство в доступе к хорошим рабочим местам. Причем значимость данной позиции, в отличие от всех остальных типов неравенств, оказывается для них самих выше, чем для общества в целом, что говорит об особой остроте этой проблемы для бедных в современной России — особенно для тех, кто находится в трудоспособном возрасте (среди таких бедных «по доходам» ее отметили 38%). Это неудивительно, т. к. именно проблемы на рынке труда, связанные с длительной безработицей, являлись, по мнению самих бедных «по доходам», основной причиной, приводящей к бедности их личных знакомых (так считали 42% из них).

Таким образом, наиболее остро воспринимаются бедным населением не только те неравенства, которые связаны с уровнем и качеством жизни, но также и те, которые связаны с их местом на рынке труда. При этом неравенство, связанное с возможностями накопления человеческого капитала посредством доступа к образованию и консервация неравенства жизненных шансов неблагополучного населения в связи с разными возможностями у детей из различных социальных слоев отходят для них на второй план. Важно отметить, что в представлениях бедных «по доходам» общество в целом в равной степени страдает от неравенств в доступе к образованию и к хорошим рабочим местам (31%), однако сами они значительно чаще отмечают, что страдают от второго типа неравенства (36%), нежели от первого (22%). Аналогичными тенденциями характеризуется и мнение бедных «по лишениям».

Показательно, что *ответы бедного и небедного населения относительно наиболее острых неравенств в обществе в целом не показали никаких значимых отличий* — и рейтинг наиболее болезненных неравенств, и доли тех, кто выбирал каждое из них в числе наиболее острых, практически совпадают среди бедного населения и россиян в целом. Что же касается мнения наших сограждан относительно тех неравенств, которые болезненны именно для них, то здесь отличия были более заметными: *бедные россияне чаще говорили о том, что те или иные типы неравенств затрагивают их лично*. Так, страдающими от неравенства доходов посчитали себя 61% бедных «по доходам», 58% бедных «по лишениям» и 44% небедного населения, от неравенств в доступе к медицинской помощи страдали соответственно 44%, 45% и 35%, от неравенства жилищных условий — 36%, 35% и 26%, а от неравенства в доступе к хорошим рабочим местам — 36%, 34% и 26% соответственно. По самооценкам, не страдают ни от каких типов неравенств 16% небедного населения при 5% бедных «по доходу» и 8% бедных «по лишениям».

Сами бедные тоже оказались *неоднородны* в этом вопросе. Так, хронические бедные — те, кто, по их самооценкам, живет за чертой бедности уже более 5 лет, чаще остальных бедных отмечали, что они страдают от неравенств доступа

к медицинским услугам (58%) и неравенства жилищных условий (41%). При этом они реже, чем остальные бедные, были озабочены проблемой различия шансов для детей из разных слоев (16%), сосредоточившись, видимо, на особенно сложной текущей ситуации и реальных проблемах своей повседневной жизни.

Некоторая дифференциация восприятия разных типов неравенств наблюдалась и по типу поселения, хотя общий рейтинг неравенств во всех типах поселений совпадал. Интересно, что бедные «по доходам» жители мелких городов, ПГТ и сел чаще, чем жители мегаполисов и крупных городов, говорили о том, что для общества характерна проблема неравенства доходов,; при этом доля считающих, что это неравенство затрагивает их лично, была, наоборот, выше именно в крупных городах, где глубина эти неравенств гораздо выше. При этом от неравенств в доступе к образованию и к хорошим рабочим местам страдали в большей степени жители небольших городов и сел, а про неравенство шансов для детей из разных слоев чаще упоминали бедные жители крупных городов.

Отдельно следует сказать и про неравенство перед законом, являющееся еще одной важной «болевой точкой» современного российского общества. Именно его обеспечение россияне считают ключевой задачей модернизации страны (41% в 2010 г.)¹; кроме того, равенство перед законом является для населения основным признаком демократии — более половины респондентов, отвечая на вопрос о том, без чего невозможна демократия, называет именно его. При этом на практике, по мнению россиян, равенство всех перед законом в стране не реализуется. Почти три четверти бедных россиян (74% бедных «по доходу» и 72% бедных «по лишениям»), как и 71% небедных считают, что сейчас суды защищают интересы богатых и влиятельных чаще, чем интересы простых людей — не согласны с этим лишь 7% бедных и 9% небедного населения. Таким образом, *правовое неравенство, неравенство перед законом — это еще один тип неравенства, от которого страдает бедное население*. Впрочем, от него страдают и остальные россияне, хотя и в меньшей степени. Отметим, что 29% бедных «по доходам» и 27% бедных «по лишениям» за последние три года сталкивались с теми или иными случаями нарушения своих прав — при 20% среди небедного населения. Чаще всего такие нарушения прав бедных россиян имели место при получении медицинской помощи (10% бедных «по доходам» и «по лишениям»), при оформлении льгот и пенсий (9% и 7%), при установлении заработной платы или увольнении с работы (7% и 6%), а также при контактах с работниками органов правопорядка (7% и 9%). Можно констатировать, что *ощущение неравенства перед законом имеет для бедных вполне реальные, практические основания*.

Итак, социальные неравенства имеют разнообразные проявления в российском обществе, при этом чаще всего в контексте самых болезненных неравенств как на микро, так и на макроуровне и бедными, и небедными россиянами упоминается неравенство по доходам. Означает ли это, что бедные вообще не толерантны к неравенству по доходам и считают его априори несправедливым? Данные исследования показывают, что это не совсем так. Даже при явно избыточных неравенствах в современной России, от которых страдают, прежде всего, именно бедные, они, тем не менее, не являются безусловными противниками существования значительной разницы в доходах, если она обусловлена справедливыми, в их представлениях, причинами: так, с утверждением о том, что большая разница в доходах людей необходима, чтобы отразить разницу в их талантах и усилиях, согласились 35% бедных «по доходам», аналогичная доля выразила свое несогласие,

¹ Данные общероссийского репрезентативного исследования Института социологии РАН «Готово ли российское общество к модернизации?» (март 2010 г., n=1750).

а 30% затруднились дать определенный ответ. Среди бедных «по лишениям» с этим согласились 31%, не согласились 34%, и еще 35% не определились с ответом. Кроме того, 43% бедных «по доходам» считают, что в любом обществе всегда есть и будут неравенства, это естественно и справедливо (при более низкой доле — 27% — несогласных с этим утверждением и 30% не определившихся). Среди бедных «по лишениям» эти доли составили 40% согласных, 29% несогласных и 31% затруднившихся. Наличие сопоставимых по численности групп сторонников того и другого мнения свидетельствует о том, что сама группа бедных не является однородной и объединяет в себе сторонников разных нормативных моделей «справедливого» общества; кроме того, процесс формирования этих моделей еще продолжается (в пользу этого говорит, в частности, высокая доля неопределившихся со своим мнением) — возможно, под воздействием конфликта нормативных представлений и реальности, о чем еще будет сказано ниже. В целом же утверждать, что бедные отрицают любое неравенство доходов как таковое, нельзя.

С другой стороны, в силу того, что большинство бедных, как было показано выше, страдает от целого ряда неравенств, неудивительно, что *две трети (66%) из них считают, что в справедливом обществе различия в уровне жизни людей должны быть небольшими*. Впрочем, это отражает и мнение остального населения — 60% небедных также выразили согласие с этим утверждением. Отсюда логично следует и *запрос бедного населения к правительству на сокращение избыточных неравенств* — 71% бедных считают, что правительство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми (см. рис. 7.2). Среди небедных эта доля составила 63%, а среди населения в целом 64%, что, впрочем, очень близко к показателям по Германии (66% в 2009 г.), Великобритании (66%) или Китая (71%), и в этом отношении россияне отнюдь не уникальны и не склонны к уравнилительности. Особняком стоит в этом вопросе позиция США, где совсем иная культура и менталитет населения — там для сторонников точки зрения, что правительство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми составляет 33%¹.

Рис. 7.2. Представления бедных и небедных россиян о неравенствах доходов и уровня жизни, %

¹ Данные ISSP 2009 года (Официальный сайт International Social Survey Programme, // [Электронный ресурс] URL: <http://www.issp.org/>).

В данном запросе к правительству наблюдаются также некоторые различия между разными группами бедных, хотя качественно тенденции во всех группах совпадают. Молодые россияне и те, кто находится в состоянии бедности сравнительно недавно, демонстрируют относительно большую толерантность к неравенствам, однако *для всех бедных в целом характерно отсутствие категоричного отрицания неравенств как таковых, но вполне определенная позиция по вопросу о том, что в современной российской ситуации государство должно принять меры для снижения разницы в доходах между людьми.*

Таким образом, бедные россияне, страдая от болезненных как для общества, так и лично для них неравенств по доходу, предъявляют запрос на сокращение этих неравенств для того, чтобы современное российское общество в большей степени отвечало их представлениям о справедливости. Однако при этом совсем не все они, даже бедные, являются сторонниками полного равенства. Так, 51% бедных «по доходам» и 58% бедных «по лишениям» в дилемме «равенство доходов, положения, условий жизни важнее, чем равенство возможностей» — «равенство возможностей для проявления способностей каждого важнее, чем равенство положения, доходов и условий жизни» склоняются ко второму варианту, что вновь демонстрирует ценностную гетерогенность группы бедных. Скорее верно другое — они допускают существование в обществе только неравенств, основанных на легитимных, согласно их представлениям, основаниях. Какие же основания неравенств представляются для бедных россиян справедливыми? Прежде всего, это более быстрая и эффективная работа — но только в условиях, когда у всех есть равные возможности доступа к рабочим местам (см. рис. 7.3 и 7.4).

Рис. 7.3. Представления бедных «по доходам» о справедливых основаниях неравенств, 2013 г., %

Рис. 7.4. Представления бедных «по лишениям» о справедливых основаниях неравенств, 2013 г., %

Итак, модель общества, к которой стремятся российские бедные, не сводится к желанию «все отнять и поделить» — она предполагает равные возможности для всех добиваться улучшений своей жизни и допускает существование неравенств, возникших на справедливых, по их оценкам, основаниях. Наиболее высокую толерантность бедное население проявляет к неравенствам по доходу, если они связаны с большей эффективностью работы — лишь чуть менее двух третей бедных (64% бедных «по доходам» и 65% бедных «по лишениям») согласны с тем, что справедливо, что те, кто работают быстрее и эффективнее, должны получать зарплату выше даже при формально той же должности (несогласие с этим выразили 11% и 9% соответственно). Данный показатель свидетельствует об отношении россиян, в том числе и бедных, к справедливости и ее роли в регулировании общественных отношений, главным образом трудовых — эффективность работы оказывается для них важнее, чем формальная иерархия позиций в системе производственных отношений и властный ресурс.

Большинство бедных согласны также с тем, что различия в доходах справедливы, если у людей были равные возможности для их заработка (57% при 18% несогласных среди бедных «по доходам» и 51% / 20%, соответственно, среди бедных «по лишениям»), что вновь подчеркивает преобладающее среди них стремление жить в обществе равных возможностей, а не равных доходов. Наконец, еще одно основание для неравенства доходов, которое также представляется половине бедных россиян скорее справедливым — это различия в доходах между людьми с разным уровнем образования (51% при 19% несогласных бедных «по доходам» и 52% / 18% среди бедных «по лишениям», остальные затруднились дать четкий ответ). Интересно, что это основание для неравенства является более легитимным и справедливым в глазах бедных старших возрастов (58% согласных среди бедных «по доходам» старше 50 лет).

Что же касается различия профессий как основания для дифференциации оплаты труда, то ситуацию, когда людей, имеющих разные профессии, ценят по-разному, назвали справедливой 39% бедных «по доходам», а несправедливой —

31% (37% / 29% среди бедных «по лишениям»). Поддержка бедным населением профессионального фактора как основания для дифференциации доходов оказывается ниже, чем поддержка в данной роли разного уровня образования.

Если сравнить ответы бедных с ответами остального населения, то можно отметить следующее: *несмотря на то, что бедные в целом в меньшей степени согласны с различными основаниями неравенств, качественно их ответы отражают картину, характерную для представлений в этой области всех россиян вообще и небедных в частности.* Иными словами бедные воспринимают неравенства, основанные на более эффективной работе, более высоком уровне образования и возникшие при этом в условиях равенства возможностей хотя и с меньшим энтузиазмом, чем остальное население, но все же положительно (см. таблицу 7.1)

Таблица 7.1

Представления бедных и небедных россиян о справедливых и несправедливых основаниях неравенств, 2013 г., %¹

Суждения	Бедные: согласны / не согласны		Небедные: согласны / не согласны
	По доходам	По лишениям	
Справедливо, что те, кто работают быстрее и эффективнее, получают зарплату больше, чем люди на той же должности, но работающие менее эффективно	64 / 11	65 / 9	77 / 6
Когда у одних людей оказывается больше денег, чем у других, это справедливо, если они имели равные возможности их заработать	57 / 18	51 / 20	68 / 9
Справедливо, что те, кто получил более высокий уровень образования, зарабатывают больше	50 / 19	52 / 18	65 / 9
Справедливо, когда людей, имеющих разные профессии, ценят по-разному	39 / 31	37 / 29	49 / 21

Что же касается таких конкретных проявлений неравенств в современном российском обществе как *лучшее жилье, большая пенсия, доступ к качественной медицине и лучшему образованию, то толерантность к ним оказывается ниже, чем к тем неравенствам, о которых речь шла выше* — причем как среди бедных россиян, так и среди населения в целом. Однако при этом готовых принять как справедливый тот факт, что люди с большими доходами могут покупать себе лучшее жилье, даже среди бедных все же оказывается заметно больше, чем не готовых к этому (40% и 25% соответственно среди бедных «по доходам» и 41% и 28% среди бедных «по лишениям»). Однако в отношении справедливости большей пенсии у тех, кто имеет более высокую зарплату, небольшой перевес уже оказывается на стороне тех бедных, кто считает это скорее несправедливым (34% согласных против 37% несогласных среди «бедных по доходам» и 29% согласных против 37% не согласных среди бедных «по лишениям»).

Наконец, практически неприемлемо для бедных россиян неравенство в доступе к медицинским услугам и к образованию. Тот факт, что люди с высокими доходами могут пользоваться медицинскими услугами более высокого качества, считают несправедливым 71% бедных «по доходам» и 69% бедных «по лишениям». Что же касается возможностей людей с высокими доходами

¹ В таблице не представлены те, кто выбрал ответ «отчасти согласен, отчасти нет», а также те, кто затруднился с ответом.

дать своим детям лучшее образование, то ощущение несправедливости такой ситуации испытывают 74% бедных «по доходам» и 73% бедных «по лишениям». Для небедных россиян эти доли оказываются заметно ниже, свидетельствуя о более высокой их толерантности к этим неравенствам, но они также превышают половину (52% и 57%, соответственно).

Динамика данных показателей за последние 10 лет говорит о том, что *толерантность бедных к конкретным проявлениям неравенств, за некоторыми исключениями, снижается* — по всей видимости, в результате роста ощущения их нелегитимности и избыточности, а также все большего обострения проблемы неравенств разных типов, затрагивающих их лично и общество в целом — прежде всего, проблем образования и здравоохранения. В итоге, все меньшая доля бедных (как «по доходам», так и «по лишениям») согласна с тем, что ситуация, когда более обеспеченные люди могут позволить себе доступ к образовательным и медицинским услугам лучшего качества, справедлива и все выше доля несогласных с этим. Одновременно среди бедных «по доходам» выросла доля считающих несправедливой ситуацию больших пенсий для людей с большими зарплатами, в то время как толерантность к лучшему жилью для людей со средствами осталась на том же уровне, на котором она была 10 лет назад. Для бедных «по лишениям» характерна иная динамика — толерантность к лучшему жилью и большей пенсии для людей с высокими доходами среди них даже возросла (см. рис. 7.5 и 7.6).

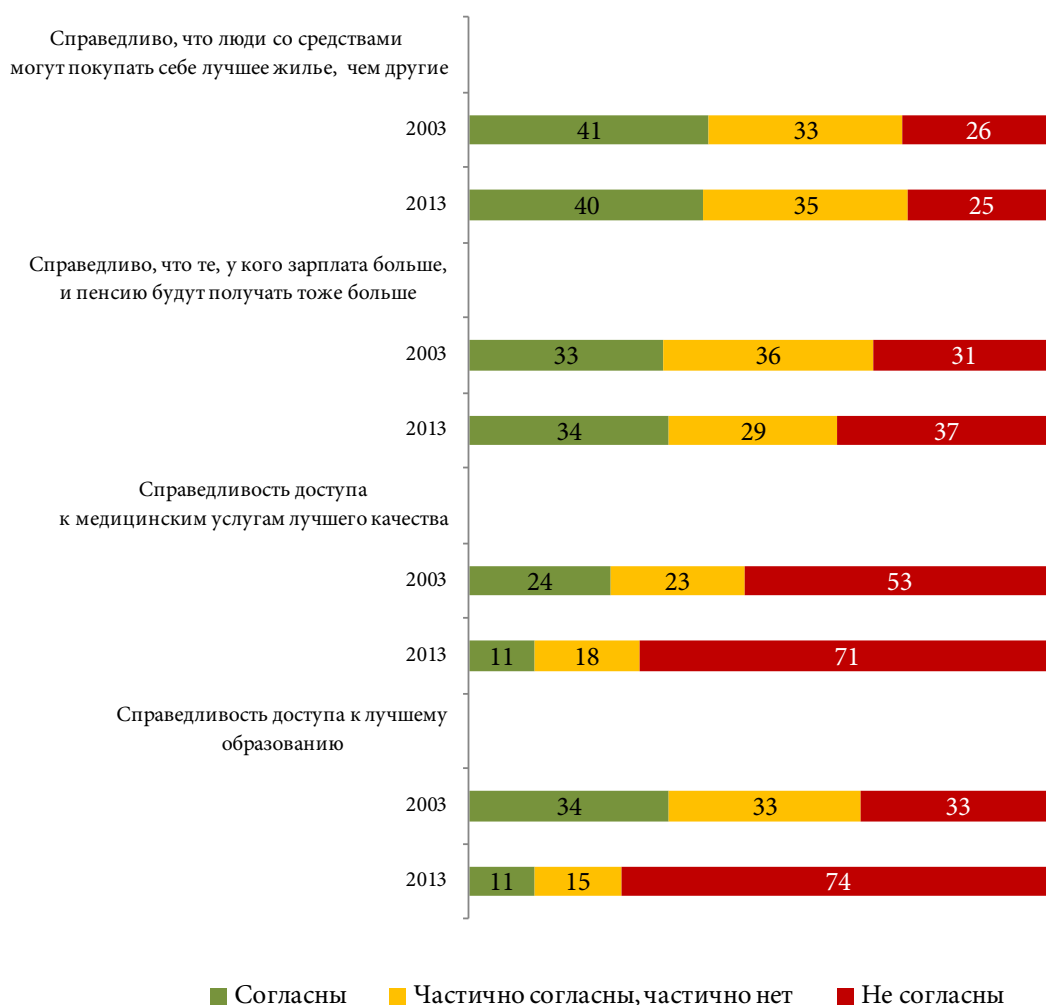

Рис. 7.5. Динамика отношения бедных «по доходам» к конкретным проявлениям неравенств, 2003 / 2013 гг., %

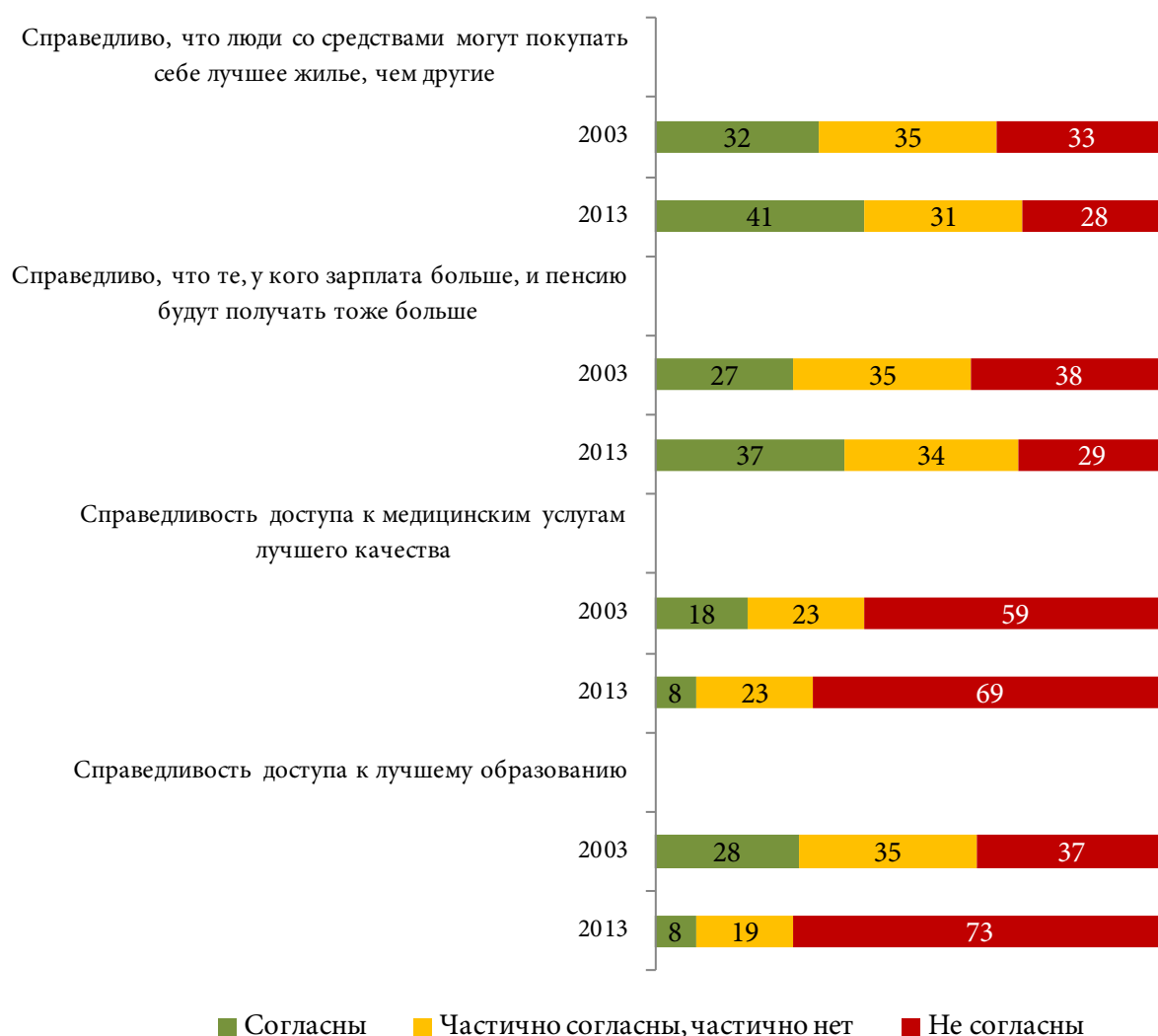

Рис. 7.6. Динамика отношения бедных «по лишениям» к конкретным проявлениям неравенств, 2003 / 2013 гг., %

Следует отметить, что данные предыдущих исследований показали, что вопросы справедливости и несправедливости неравенств в доступе к медицине и образованию оказываются весьма чувствительны к формулировке: при прямом противопоставлении в вопросе людей с высокими и низкими доходами доля считающих такую ситуацию несправедливой значительно больше, чем при более «нейтральной» формулировке вопроса, без упоминания высоких и низких доходов. Это свидетельствует о болезненности проблемы доступа к качественному здравоохранению и образованию для россиян, неоднозначности их отношения к сложившейся здесь ситуации. В наших согражданах как бы сталкиваются толерантность к различным неравенствам как таковым с ценностью равенства жизненных шансов, признание допустимости неравенства доходов с неизбежным влиянием этого неравенства на жизнь людей и отрицание чрезмерной глубины этих неравенств. Частично этот конфликт находит свое отражение и в том, что половина бедных «по доходам» считает, что в наше время трудно судить о том, что справедливо, а что нет (49%), и еще чуть менее трети затрудняются согласиться или не согласиться с этим утверждением (30%); для бедных «по лишениям» эти доли составляют 46% и 28%, соответственно. С учетом общей важности концепции справедливости в ценностной модели россиян, данные цифры свидетельствуют о том, что столкновение нормативных представлений бедных,

как и россиян в целом, с реальным положением дел (причем как в их личной ситуации, так и в обществе в целом) приводит к внутреннему конфликту и трудностям оценки справедливости тех или иных неравенств.

Впрочем, и в вопросе об отношении к правительствам, в доступе к услугам здравоохранения и образования россияне в целом также оказываются неоригинальны. Так, например, в Германии в 2009 г. 13% населения (что несколько меньше, чем в России) сочли неравенства в доступе к медицинским услугам справедливыми, а 72% — несправедливыми, для неравенств в сфере образования эти показатели составили 10% и 75%, соответственно. Еще ниже толерантность к неравенствам в доступе к базовым социальным услугам во Франции (3% и 86% по отношению к медицинским услугам и 8% и 74% по отношению к образованию)¹. Для населения России в целом аналогичные доли составили 15% и 56% для медицинских услуг и 16% и 60% для образования.

Отдельно следует остановиться на возрастных различиях среди бедных россиян с точки зрения восприятия ими неравенств, существующих сегодня в российском обществе и оценки их справедливости. Так, среди бедных старше 50 лет неравенство по доступу к медицинской помощи воспринималось гораздо острее, чем среди более молодых бедных (как болезненное лично для себя его отметили 65% бедных «по доходам» и 58% бедных «по лишениям» в возрасте выше 50 лет). Неудивительно, что и возможность для людей с высокими доходами пользоваться медицинскими услугами более высокого качества бедные из старших возрастных когорт чаще расценивают как несправедливое — для них за этим стоят реальные проблемы, с которыми они сталкиваются в повседневной жизни чаще, чем молодые бедные.

Обратные тенденции были характерны для оценок остроты неравенств в доступе к образованию — они чаще отмечались молодыми представителями бедных слоев (среди тех бедных «по доходам», кто был младше 30 лет, данный тип неравенств отметили как болезненный для себя лично 28% — при 17% среди тех, кто был старше 50; среди бедных «по лишениям» эти доли составили 22% и 16%, соответственно). Тем не менее, говоря о справедливости или несправедливости возможностей людей с высокими доходами дать своим детям лучшее образование, молодые бедные реже считали подобную ситуацию несправедливой, чем бедные в возрасте старше 50 лет, хотя различия здесь оказывались уже меньше, чем в случае с медицинскими услугами. Более остро воспринимается молодыми россиянами в силу большей актуальности для них данного вопроса и неравенство в доступе к хорошим рабочим местам.

Наконец, молодые бедные также чаще страдали от неравенства в досуговых возможностях — этот тип неравенства как болезненный для них лично отметили 19% бедных «по доходам» в возрасте до 30 лет и лишь 3% бедных старше 50 лет (среди бедных «по лишениям» — 16% и 8%), что свидетельствует о том, что за всеми остальными, более насущными для них проблемами, вопрос досуга вообще не воспринимается ими как значимый, и основные их потребности связаны с преодолением неравенств в других сферах жизни — прежде всего, связанных со здоровьем. При этом разнообразный и насыщенный досуг представляет собой не только важную характеристику качества жизни, но и способ инвестиций в человеческий капитал, недоступный для бедных россиян, даже для молодых.

В то же время на нормативном уровне российская молодёжь относится к неравенствам толерантнее старшего поколения, причём даже к тем, от которых сами страдают сильнее, и считают их справедливыми (см. рис. 7.7).

¹ Данные ISSP 2009 года (International Social Survey Programme, URL: <http://www.issp.org/>).

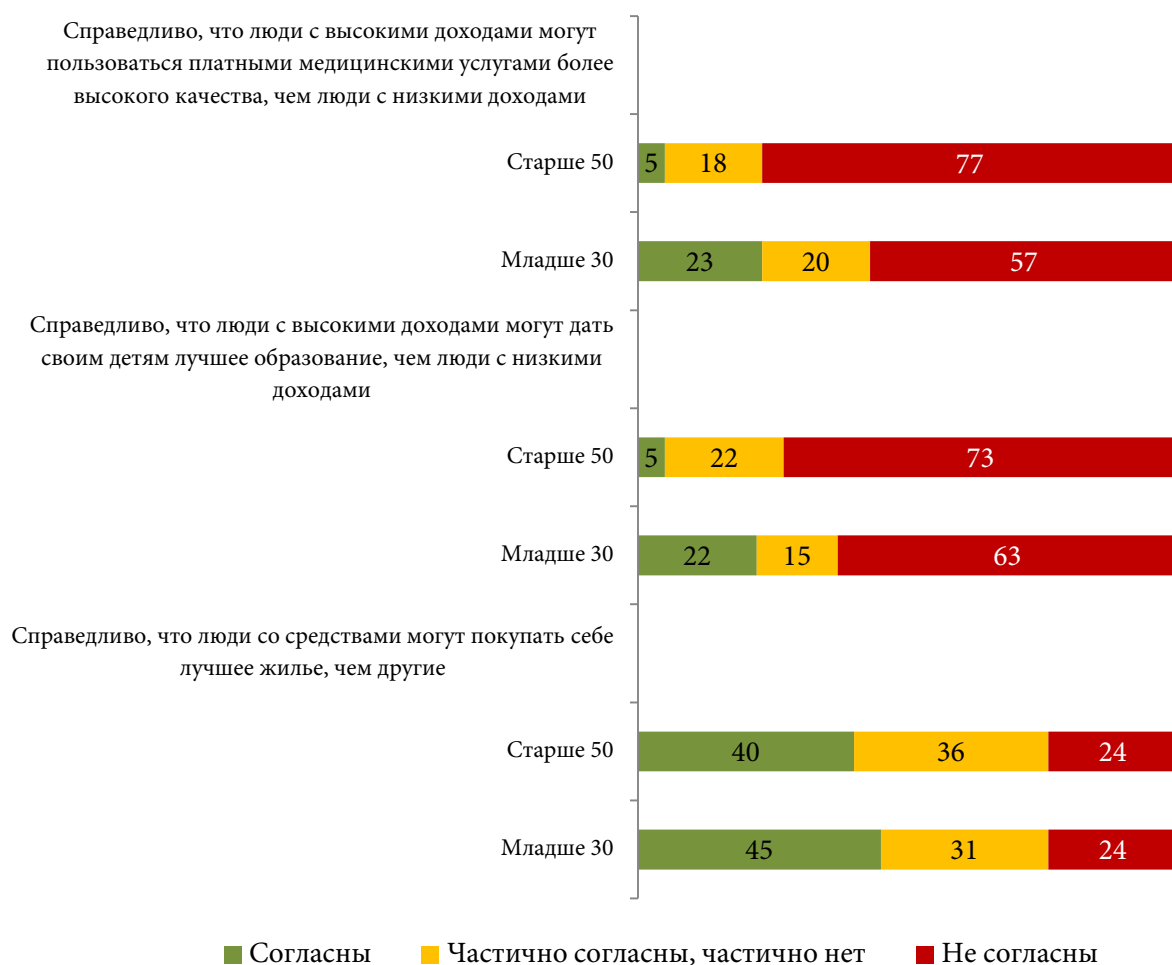

Рис. 7.7. Отношение бедных «по доходу» из разных возрастных групп к конкретным проявлениям неравенств, 2013 г., %

Таким образом, оценивая возрастные особенности восприятия неравенств бедным населением, можно говорить о том, что различные потребности молодых и пожилых бедных приводят к тому, что они по-разному оценивают те типы неравенств, от которых они больше всего страдают. Так, для представителей бедных из старшего поколения более остро, чем для молодежи, стоит вопрос неравенства по доступу к медицинским услугам, а молодежь более болезненно, чем пожилые, воспринимает неравенства по доступу к образованию, досуговым возможностям и хорошим рабочим местам. При этом толерантность к неравенствам как таковым и их различным типам ярче выражена именно среди молодежи. Однако даже среди молодых бедных со значительным перевесом преобладает восприятие такой ситуации, когда люди с высокими доходами имеют доступ к лучшему образованию и здравоохранению, как несправедливой. В связи с этим можно утверждать: межпоколенческая динамика вряд ли качественно изменит картину восприятия неравенств российским населением.

Отдельно следует проанализировать еще одну важную подгруппу — работающих бедных. Данные исследования показывают, что толерантность работающих россиян к неравенствам по доходам, даже возникшим в условиях равенства возможностей для всех, как и согласие с тем, что разница в доходах необходима, чтобы отразить различия в усилиях и талантах, оказывается ниже, чем среди не работающих. Среди них меньше также согласных с тем, что образование или профессия могут являться справедливым основанием для дифференциации дохода. Такие проявления неравенства доходов, как большая

пенсия для людей с более высокими зарплатами или лучшее жилье, доступное для людей с более высокими доходами, также оценивается работающими бедными более критично, чем неработающими (см. таблицу 7.2).

Таблица 7.2

Отношение работающих и не работающих бедных «по доходам» к неравенствам,
2013 г., %*

Суждения	Работающие бедные, доля согласных	Не работающие бедные, доля согласных
Справедливо, что те, кто работают быстрее и эффективнее, получают зарплату больше, чем люди на той же должности, но работающие менее эффективно	63	67
Когда у одних людей оказывается больше денег, чем у других, это справедливо, если они имели равные возможности их заработать	50	68
Справедливо, что те, кто получил более высокий уровень образования, зарабатывают больше	46	58
Справедливо, когда людей, имеющих разные профессии, ценят по-разному	33	48
Большая разница в доходах людей необходима чтобы отразить разницу в их талантах и усилиях	29	46
Справедливо, что люди со средствами могут покупать себе лучшее жилье, чем другие	37	43
Справедливо, что те, у кого зарплата больше, и пенсию будут получать тоже больше	31	40

*Жирным шрифтом выделены позиции, разница ответов работающих и не работающих бедных по которым составляет более 10%.

Позиции, по которым значительных отличий между работающими и не работающими бедными не наблюдается, связаны с несправедливостью в глазах представителей обеих этих групп разного доступа к образованию и здравоохранению в зависимости от дохода, а также с запросом к государству на снижение неравенства по доходу в стране. По всей видимости, именно работающие россияне наиболее остро переживают свое положение, и, не видя связи между упорным трудом, честной работой, прикладываемыми трудовыми усилиями с одной стороны, и улучшением своего положения — с другой, острее воспринимают весь спектр проблем, относящихся к неравенствам вообще, проявляя более низкую толерантность и к неравенствам как таковым, и к различным их основаниям и к конкретным проявлениям. Острое ощущение несправедливости происходящего в среде работающих бедных россиян является негативным индикатором, который не только влияет на их социально-психологическое состояние, но и указывает на процессы разрушения трудовой мотивации и потенциальные источники социальной нестабильности. Кроме того, это означает, что существующие в стране неравенства не принимают именно те, кто оценивает их исходя не только из своей ценностно-нормативной модели (как, например, неработающие пенсионеры), но и из реально существующей в обществе ситуации, которая не воспринимается ими как справедливая. В этом вновь проявляется конфликт между характерной для россиян нормативной моделью общества с существующими в ней разумными по глубине неравенствами, основанными на справедливых основаниях, и ее практической реализацией в современной России, для которой характерны избыточные, не имеющие легитимных оснований в гла-

зах населения неравенства и отсутствие прямой связи между личными усилиями и положением в обществе. И именно работающие россияне, отталкиваясь от этой реальности, *начинают менять характерные для российской национальной культуры в целом нормативно-ценностные представления о справедливости.*

Наконец, нужно отметить и тот факт, насколько бедные вообще верят в возможность создания справедливого общества в России. К сожалению, уровень оптимизма у наших сограждан в этом отношении не очень высок. Так, при ответе на вопрос о том, будут ли нынешние дети, жить в обществе, где на практике реализован лозунг справедливости, 73% бедных (выделенных как «по доходу», так и «по лишениям») ответили, что это маловероятно или совершенно невозможно. Такие низкие оценки вероятности реализации лозунга справедливости на практике связаны с тем, что большинство бедных не верят в реализацию таких необходимых составляющих справедливого общества, как равенство возможностей, равенство всех перед законом, социальная защищенность и др. (см. таблицу 7.3).

Таблица 7.3

**Оценка вероятности реализации в России справедливого общества в целом
и отдельных его элементов по мнению бедных, 2013 г., %**

Характеристики общества	Бедные «по доходам»		Бедные «по лишениям»	
	Да / весьма вероятно	Маловероятно / нет	Да / весьма вероятно	Маловероятно / нет
Свобода	50	50	45	55
Солидарность	32	68	34	66
Социальная защищенность	29	71	28	77
Равенство всех перед законом	28	72	28	72
Справедливость	27	73	27	73
Благополучие для всех	24	76	20	80
Равенство возможностей	23	77	22	78

Как видно из данных таблицы 7.3, в наибольшей степени бедные верят в вероятность того, что в том обществе, в котором будут жить сегодняшние дети, есть возможность реализации принципа свободы — так с определенной долей уверенности считает около половины из них. Что касается остальных принципов справедливого с точки зрения россиян общества, то в осуществление каждого из них верят менее трети бедных. При этом наименее реалистичным в среднесрочной перспективе представляется им реализация такого основополагающего принципа справедливого общества, как равенство возможностей — в его осуществление на практике верят лишь 22-23% бедных россиян.

Следует отметить, что высокий уровень пессимизма в отношении этого вопроса связан отнюдь не только с бедственным положением беднейшей части населения. Среди небедного населения также преобладают ощущения того, что следующее поколение еще не будет жить в обществе, где на практике реализуются лозунги равенства всех перед законом (68% считают это маловероятным или вообще нереальным), справедливости (67%), равенства возможностей (70%). И хотя эти показатели несколько ниже, чем среди бедных, отличия носят лишь количественный, но не качественный характер, и можно говорить о *доминировании во всех слоях российского населения мнения о невозможности реализации в России справедливого общества даже в среднесрочной перспективе.*

Дополнительным индикатором социального пессимизма, преобладающего как в обществе в целом, так и среди бедных категория граждан, служит тот факт, что улучшение ситуации со справедливостью за время пребывания у власти В. В. Путина отмечают только 9% россиян, при этом треть населения (32%) считает, что за последнее время ситуация со справедливостью в российском обществе ухудшилась. Бедные россияне дают качественно схожие, но еще более негативные оценки: так среди бедных «по доходу», улучшения отмечают лишь 5% в то время как 39% говорят об ухудшении ситуации, среди бедных «по лишениям» об улучшении говорят 10%, а об ухудшении — 31%. Таким образом, говоря о динамике ситуации с неравенствами и их восприятием, *приходится констатировать негативные тенденции: снижение толерантности к неравенствам среди населения при одновременном росте пессимизма относительно возможности создать в России справедливое общество и отсутствием каких-либо фиксируемых населением улучшений в этой связи в последнее время.*

8. О ценностных установках и особенностях морали бедных

Общая картина специфики бедности в современном российском обществе будет неполной без изучения особенностей их норм, ценностей и морали. Подобный анализ даст возможность понять, отличаются ли ценностно-нормативные системы бедных от норм и ценностей остального населения, происходит ли формирование в их среде особой культуры бедности и как связаны их нормативно-ценностные системы, с представлениями о морали.

Значимое влияние на распространенность определенных норм и ценностей оказывает религиозная принадлежность. По данной позиции бедные, как и большинство россиян в целом относятся к православным (69% бедных «по доходу» и 70% россиян в целом), остальные являются мусульманами (6% и 5%, соответственно), исповедующие другую религию или верующие, не принадлежащие к определенной конфессии (10% и 9%), безразлично относящиеся к вере или атеисты (15% и 16%). Аналогичное распределение характеризует и бедных «по лишениям». Таким образом, различия в ценностно-нормативных моделях бедных и небедных россиян определяются иными факторами, нежели их религиозной принадлежностью.

Анализ ценностно-нормативных установок бедных следует начать с тех особенностей, которые связаны непосредственно с отношением к бедности и богатству. Часть из них можно проследить по согласию или несогласию бедных с теми или иными пословицами и поговорками, отражающими сложившиеся в российской культуре представления о бедности и богатстве (см. таблицу 8.1).

Таблица 8.1

Согласие бедных и небедных россиян с пословицами о бедности и богатстве, 2013 г., % (отранжировано по ответам бедных)

Пословицы	Бедные		Небедные
	По доходам	По лишениям	
Трудом праведным не наживешь палат каменных	85	85	74
Бедность – не порок, а несчастье	81	82	74
Богатством ума не купишь	80	81	82
Чем беднее, тем щедрее, чем богаче, тем скупее	79	79	68
Богатство – вода, пришла и ушла	68	70	62
Богачи едят калачи, да не спят ни днем, ни в ночи	64	65	57
Не в деньгах счастье	59	61	54

Сразу обращает на себя внимание явное единодушие всех бедных, т. е. практически полностью совпадающие мнения бедных «по доходам» и бедных «по лишениям» (отличия имеются лишь в рамках статистической погрешности). Что касается ценностных представлений бедных и небедных россиян, то качественно они совпадают, но обращают на себя внимание некоторые количественные отличия. Так, для бедных россиян в большей степени характерна уверенность в том, что богатство является отнюдь не результатом честного труда — 85% бедных (эта доля совпадает в группах бедных «по доходам» и «по лишениям») согласны с тем, что «трудом праведным не наживешь палат каменных», в то время как среди небедных эта доля заметно ниже (74%). Вероятно поэтому характерное для бедных отношение к богатству, по крайней мере, на нормативном уровне, является несколько скептическим — его появление и исчезновение не связаны с работой и мало предсказуемы (около 70% бедных соглашались с поговоркой «Богатство — вода, пришла и ушла»). В том случае, если оно есть, то связано не только с высоким уровнем жизни, но и с сопутствующими проблемами, невозможностью спокойной жизни («Богачи едят калачи, да не спят ни днем, ни в ночи» — с этим согласны почти две трети бедных). Кроме того, на уровне декларируемых бедными взглядов богатство ассоциируется у них с негативными качествами — «чем беднее, тем щедрее, чем богаче, тем скупее» (среди небедных доля согласных с этим ниже, чем среди бедных, хотя и первые в массе своей все-таки соглашались с этой пословицей).

Таким образом, *бедные в ещё большей степени, чем остальные россияне, не верят в справедливость оснований богатства в современной России и выражают скептическое отношение к богатым.* Неудивительно в этих условиях, что *бедность воспринимается россиянами скорее не как порок, а как несчастье*, среди бедных согласны с этим более 80%, несколько ниже данный показатель среди небедных (74%).

При этом около 60% бедных на уровне декларируемых ими норм демонстрируют и достаточно спокойное отношение к деньгам и богатству, соглашаясь с тем, что «не в деньгах счастье». Более того, среди них подобное мнение распространено даже в меньшей степени, чем среди небедного населения (54%) — возможно, именно из-за отсутствия денег.

В связи с этим представляется важным проследить динамику возможных изменений в отношении к бедности и богатству среди бедных россиян в течение последних десяти лет (см. рис. 8.1).

Как видно из рис. 8.1, в течение последнего десятилетия представления двух групп бедных о богатстве и бедности практически не изменились. При этом обращают на себя внимание два момента: во-первых, *среди бедных «по доходам» снизилась доля тех, кто считает, что счастье — не в деньгах (с 68% до 59%)*, что, по всей видимости, отражает обострившуюся ситуацию с неравенствами доходов. Во-вторых, бедные россияне все в большей степени уверены, что богатство в России имеет под собой сомнительные основания, не связанные с трудом и эффективностью работы — *за последние 10 лет среди них возросла доля согласных с поговоркой «трудом праведным не наживешь палат каменных» (с 78% до 85%)*. Что же касается бедных «по лишениям», то среди них выросла доля тех, кто согласен с тем, что богатство — временное и неустойчивое состояние, и несколько уменьшился негативизм в адрес богатых.

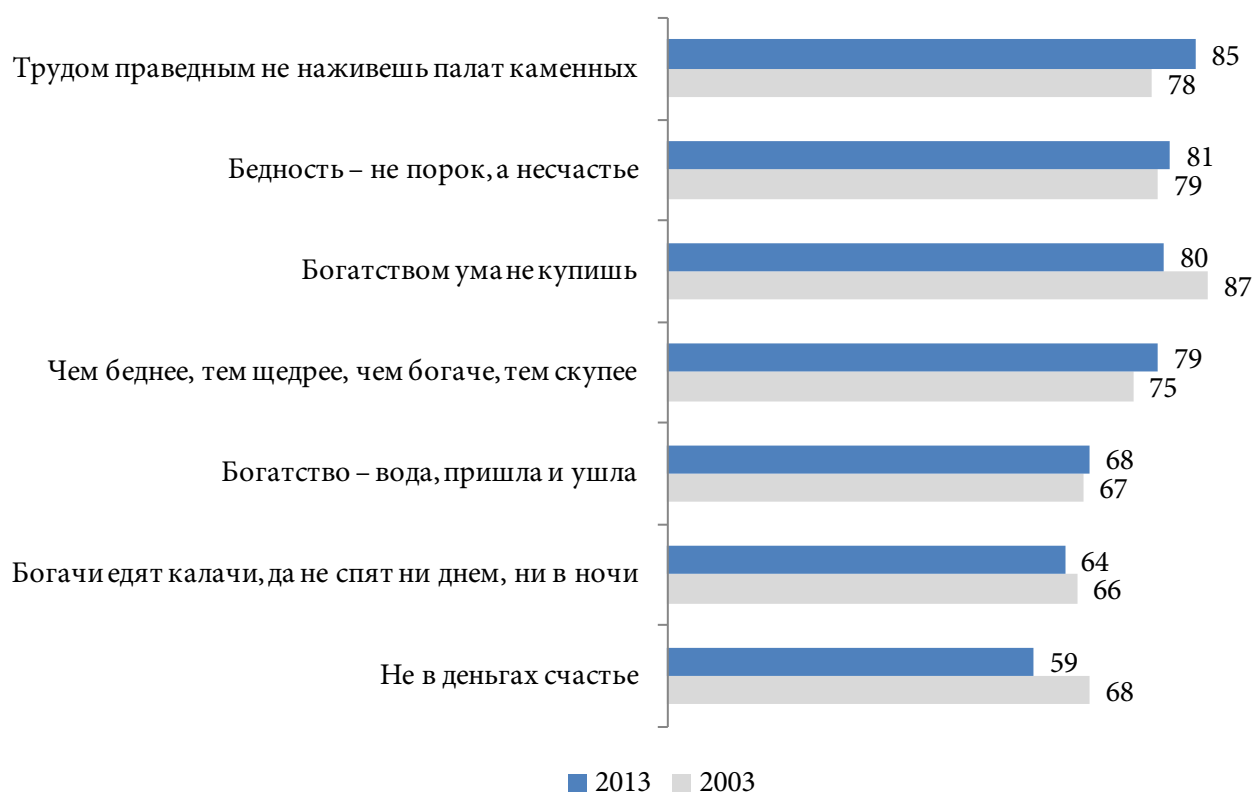

Рис. 8.1а. Бедные «по доходам»

Рис. 8.1б. Бедные «по лишениям»

Рис. 8.1. Динамика отношения бедных к бедности и богатству, 2003 / 2013 гг., %

Однако нормативно-ценностные системы россиян характеризуются не только спецификой их отношения к богатству и бедности. Не менее значимыми их характеристиками выступают ценностные установки, относящиеся к понятию свободы, совести и морали (см. таблицу 8.2).

Таблица 8.2

Некоторые ценностные установки бедных и небедных, 2013 г., %

Альтернативные суждения	Бедные		Небедные
	По доходам	По лишениям	
Свобода – то, без чего жизнь теряет смысл	64	57	64
Главное в жизни – материальное благополучие, а свобода второстепенна	36	43	36
Современный мир жесток, и для того, чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступать через моральные принципы и нормы	48	49	51
Я лучше не добьюсь успеха в жизни, но никогда не переступлю через моральные принципы и нормы	52	51	49
Можно иметь любые доходы, независимо от того, как они получены	35	32	29
Человек должен иметь те доходы, которые заработал честным трудом	65	68	71
В своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы была спокойная совесть и душевная гармония	84	74	77
В своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы у него был доступ к власти, возможность оказывать влияние на других	16	26	23

Данные таблицы 8.2. показывают *отсутствие качественных различий между бедными и небедными по степени распространения тех или иных ценностных установок*. Так, в представлениях 64% бедных «по доходам» и 57% бедных «по лишениям» свобода имеет безусловный приоритет над материальными ценностями, а спокойная совесть и гармония — над властью и влиянием на других (84% и 74%, соответственно). Две трети бедных «по доходам» и «по лишениям» (65% и 68%) считают, что иметь можно только те доходы, которые получены честным трудом, что согласуется с приведенными в предыдущем разделе данными о толерантности бедных россиян к неравенствам, обусловленным справедливыми, в их представлениях, причинами. Однако пути их получения (с этим согласны 35% бедных «по доходам» и 29% небедного населения).

При этом изменения, произошедшие за последние десять лет, оказались достаточно значимыми: в 2003 году соглашались с тем, что можно иметь любые доходы, только 23% бедных «по доходам» и 19% бедных «по депривации», в то время как доля согласных с этим среди небедного населения была такой же, как и в 2013 году — 29%.

Значительный рост доли бедных, поддерживающих эту идею, в условиях отсутствия подобной динамики среди остального населения, может свидетельствовать как об обострении их собственной ситуации с доходами, так и о разочаровании в возможностях улучшить свою жизнь с помощью честного труда. Данное обстоятельство подтверждают приведенные выше данные о снижении уровня толерантности россиян к неравенствам в последние годы, что во многом обусловлено ощущением несправедливости их оснований.

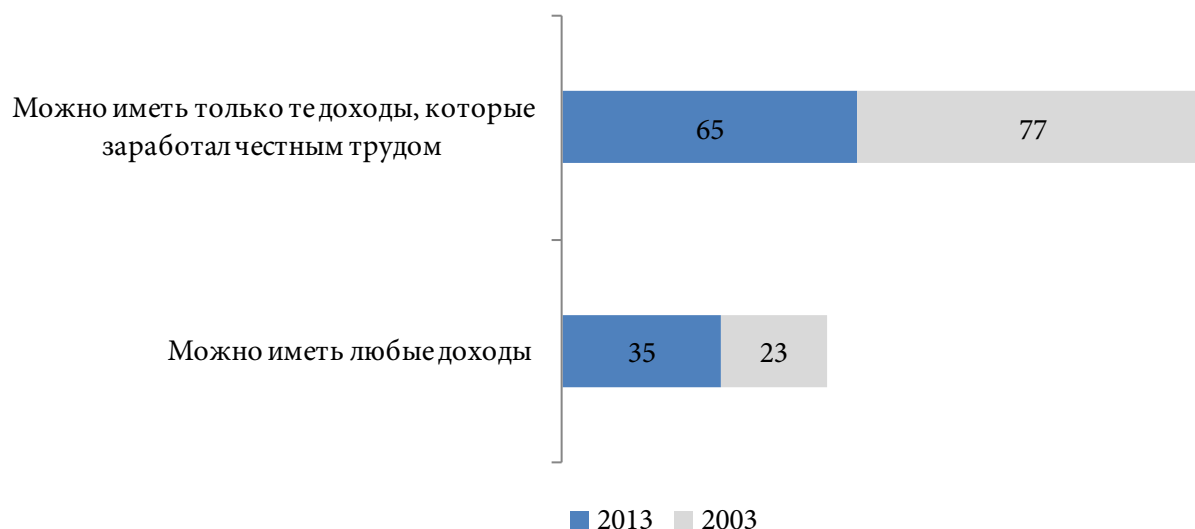

Рис. 8.2а. Бедные «по доходам»

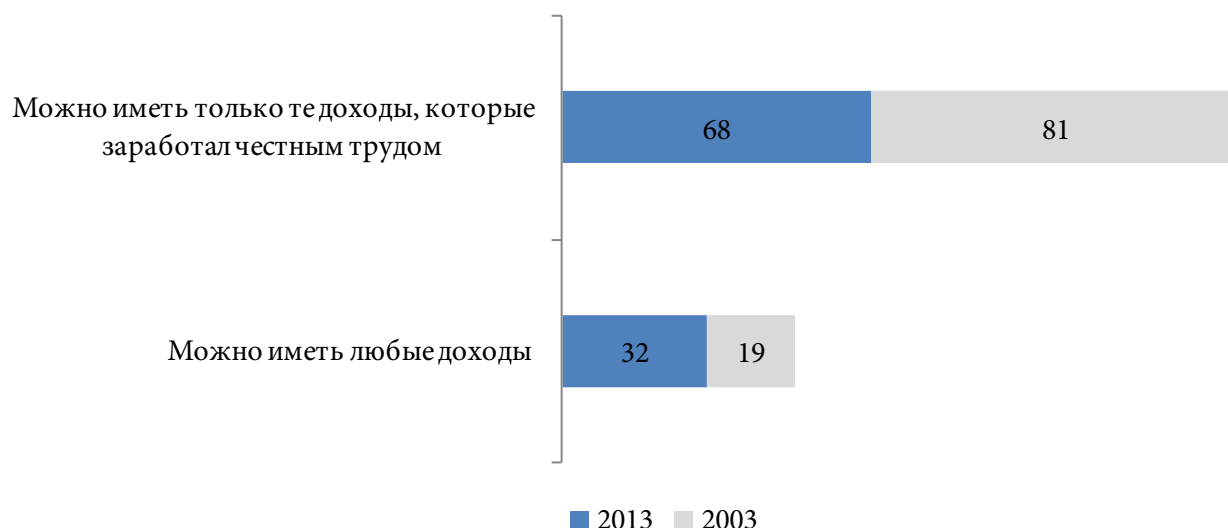

Рис. 8.2б. Бедные «по лишениям»

Рис. 8.2. Динамика отношения бедных к различным путям получения доходов, 2003 / 2013 гг., %

Что касается динамики других ценностных установок, то *отношение к свободе и ее приоритет над материальным благополучием оставались неизменными в течение последних 10 лет в группах как бедных, так и небедных россиян*. В 2003 г. о приоритете свободы над материальным благополучием заявляли 66% бедных «по доходам» (в 2013 г. — 64%), практически столько же бедных «по лишениям», а также 65% небедных россиян (в 2013 году — 64%). Однако при этом *заметный рост показало стремление к власти и возможности оказывать влияние на других — причем как среди бедных, так и среди небедных*. И хотя установка на то, что в своей жизни человек должен стремиться к обретению спокойной совести и душевной гармонии, продолжает доминировать как среди бедных, так и среди небедных россиян, доля сторонников противоположной ценностной установки, связанной со стремлением к власти и возможности оказывать влияние на других выросла по сравнению с 2003 г. с 8% до 16% среди бедных «по доходам» и с 12% до 23% среди небедных россиян.

В отношении трудовых мотиваций различия между бедным и небедным населением носят достаточно выраженный характер, особенно – среди работающей части этих групп (см. рис. 8.3).

Рис. 8.3. Трудовая мотивация россиян из разных социальных групп, %

Как видно из показателей рис. 8.3, среди бедных мотивация, основанная на материальном вознаграждении, распространена в большей степени, чем среди небедного населения, где преобладает трудовая мотивация, основанная на интересе к работе. При этом среди бедных «по доходам» важность оплаты труда несколько выше, чем среди бедных «по депривации».

Динамика трудовой мотивации показывает: за последние 10 лет среди бедных «по доходам», бедных «по лишениям» и небедных вектор изменений оказался различным: для бедных «по доходам» снизилась мотивация, основанная на содержании работы, в то время как для бедных «по лишениям» и небедного населения она, наоборот, возросла (см. таблицу. 8.3).

Таблица 8.3

Динамика трудовых мотиваций работающих представителей
бедного и небедного населения, 2003 / 2013 гг., %

Альтернативные суждения	Бедные				Небедные	
	По доходам		По лишениям			
	2003	2013	2003	2013	2003	2013
Только на интересную работу можно потратить значительную часть жизни	52	42	39	45	51	57
Главное в работе – сколько за нее платят	48	58	61	55	49	43

Таким образом, динамика ценностных установок бедных частично отражает тенденции, характерные для всего общества в целом (рост стремления к власти и возможности оказывать влияние на других), при этом частично демонстрирует изменения, характерные только для бедных (рост согласия с возможностью иметь

любые доходы независимо от способов их получения, рост трудовой мотивации, связанной с материальным вознаграждением и т. п.). По всей видимости, нормативные представления бедных, совпадающие в целом с нормативными представлениями остального населения, быстрее подвергаются корректировке в связи со столкновением их с реальностью, ситуации постоянной нехватки доходов и сложности в поиске работы, позволяющей выбраться из ситуации бедности.

Посмотрим теперь на те нормы и ценности, которые ассоциируются обычно с обществами модерна (индивидуализм, внутренний локус-контроль, выбор общества равенства возможностей в противовес обществу равенства доходов). Можно ли говорить о том, что данные ценности в меньшей степени свойственны российским бедным, чем представителям небедного населения?

Таблица 8.4

Ценностные ориентации бедных и небедных, 2013 г., %

Альтернативные суждения	Бедные		Небедные
	По доходам	По лишениям	
Человек сам кузнец своего счастья, успех и неудачи – все в его руках	46	46	57
Жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, чем его собственными усилиями	54	54	43
Выделяться среди других и быть яркой индивидуальностью лучше, чем жить как все	46	44	57
Жить как все лучше, чем выделяться среди других	54	56	43
Равенство возможностей для проявления способностей каждого важнее, чем равенство положения, доходов и условий жизни	51	58	71
Равенство доходов, положения, условий жизни важнее, чем равенство возможностей	49	42	29

Из данных таблицы 8.4 видно, что внутренний локус-контроль, как и ценности индивидуализма и равенства возможностей, в меньшей степени характерны для обеих подгрупп бедных. Так, только 46% бедных, выделенных по каждому из критериев, согласны с тем, что успех и неудачи находятся в руках самого человека, в то время как среди небедных с этим согласны более половины (57%). Практически идентична и ситуация с индивидуализмом – 44-46% бедных считают, что лучше жить как все, в то время как более половины небедных (57%) придерживаются мнения о том, что лучше быть яркой индивидуальностью, выделяться среди других, чем жить как все. Наконец, еще ярче проявляются различия между группами бедных в вопросе о выборе между обществом равенства возможностей и обществом равенства доходов, положения и условий жизни: для 71% небедных россиян приоритетным вариантом выступает общество равных возможностей, в то время как среди бедных «по лишениям» эта доля сокращается до 58%, а среди бедных «по доходам» едва превышает половину (51%).

Таким образом, ценности и установки, характерные для обществ модерна оказываются в меньшей степени распространены среди бедного населения. Однако следует отметить, что сама группа бедных россиян не является однородной, и по всем этим вопросам в ней выделяются и сторонники модернистских, и сторонники традиционных ценностей.

Если обратиться к динамике ценностных установок, то сравнение с 2003 г. показывает, что во всех группах за это время возросла поддержка индивидуализма, хотя и в разной степени (с 43% до 46% среди бедных «по доходам», с 33% до 44% среди бедных «по лишениям» и с 51% до 57% среди небедных). Что же касается дилеммы «равенство возможностей» — «равенство доходов», то здесь динамика оказалась разнонаправленной не только у бедного и небедного населения, но и у бедных, выделенных по разным подходам к бедности (см. таблицу 8.5).

Таблица 8.5

Динамика ценностных установок бедных и небедных россиян, 2003 / 2013 гг., %

Альтернативные суждения	Бедные				Небедные	
	По доходам		По лишениям			
	2003	2013	2003	2013	2003	2013
Равенство возможностей для проявления способностей каждого важнее, чем равенство положения, доходов и условий жизни	68	51	56	58	70	71
Равенство доходов, положения, условий жизни важнее, чем равенство возможностей	32	49	44	42	30	29

Как видно из данных таблицы 8.5, мнение бедных «по лишениям», как и небедного населения, за последние 10 лет не изменилось. При этом установки бедных «по доходам» за данный период претерпели существенные трансформации и перераспределение их голосов произошло в сторону поддержки общества равных доходов. В этом случае можно говорить о том, что к изменениям ценностных установок бедных слоев населения приводят особенно мучительные столкновения разделяемых ими моральных норм с повседневной реальностью, с пониманием избыточности существующих неравенств доходов и с невозможностью улучшить своё положение в обществе, даже прикладывая к этому значительные усилия.

Как же бедные россияне видят путь развития страны, основываясь на данных ценностных установках?

Важно отметить, что по этому вопросу качественных расхождений между бедным и небедным населением не наблюдается. Две трети бедных «по доходам» и бедных «по депривации» (по 66%) и 62% соответственно) и две трети небедных россиян (62%) уверены, что Россия — это особая цивилизация и в ней никогда не привьется западный образ жизни. При этом около трети каждой из этих групп (34% бедных и 38% небедных) считают, что наша страна должна жить по тем же правилам, что и современные западные общества. Таким образом, *несмотря на различную степень принятия ценностей современных обществ бедными и небедными россиянами, среди всего населения страны существует определенный консенсус относительно «своего пути» России и невозможности скопировать западную модель развития.*

Впрочем, нельзя утверждать, что подобная точка зрения — константа национального самосознания. За последние 10 лет картина распределения мнений по денному вопросу претерпела заметные изменения (см. рис. 8.4), и доля сторонников западного пути развития существенно выросла. При этом, хотя рост поддержки идеи западного пути для России произошел во всех группах, он был характерен для бедных в большей степени, чем для небедного населения.

Рис. 8.4. Мнения россиян из разных социальных групп о пути России, 2003 / 2013 гг., %

Связаны ли подобные изменения со сменой возрастных когорт и не сказывается ли на отношении к западному пути развития социализация в разных исторических условиях? Данные проведенного исследования убедительно показывают, что такой связи нет, и представители всех возрастных когорт выражают практически одинаковое отношение к данному вопросу.

В то же время молодёжь, в том числе молодежь из бедных слоёв характеризуется определённой спецификой иных ценностей и установок. Так, молодые бедные чаще, чем бедные старших возрастов, считают, что без свободы жизнь теряет смысл, а материальное благополучие по сравнению со свободой второстепенно, разделяют ценности индивидуализма и стремление выделяться среди других, чаще характеризуются внутренним локус-контролем и считают, что успех и неудачи — в их собственных руках. Таким образом, *ценности современных обществ свойственны молодым бедным в большей степени, чем бедным из старших возрастных когорт. С другой стороны, молодые бедные одновременно характеризуются и большим стремлением к власти и возможности влиять на других в ущерб чистой совести, поддержкой любых доходов независимо от способа их получения и готовностью при необходимости преступить через нормы морали.* По ряду из этих позиций молодые бедные демонстрируют качественные отличия от бедных более старших возрастов, что свидетельствует о *высокой ценностной гетерогенности группы бедных.* Однако при всех различиях, оценивая возможные пути России, и молодые, и пожилые бедные, несмотря на значительные различия в характерных для них нормативно-ценностных моделях, сходятся во мнении, что западный путь развития России не подходит (см. таблицу 8.6).

Таблица 8.6

**Особенности ценностных установок бедных «по доходам»
из полярных возрастных групп, 2013 г., %**

Альтернативные суждения	Младше 30 лет	Старше 50 лет
Свобода – то, без чего жизнь теряет смысл	75	64
Главное в жизни – материальное благополучие, а свобода второстепенна	25	36
Современный мир жесток, и для того, чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступать через моральные принципы и нормы	63	31
Я лучше не добьюсь успеха в жизни, но никогда не переступлю через моральные принципы и нормы	37	69
Можно иметь любые доходы, независимо от того, как они получены	44	20
Человек должен иметь те доходы, которые заработал честным трудом	56	80
В своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы была спокойная совесть и душевная гармония	79	87
В своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы у него был доступ к власти, возможность оказывать влияние на других	21	13
Только на интересную работу можно потратить значительную часть жизни	48	54
Главное в работе – это сколько за нее платят	52	46
Человек сам кузнец своего счастья, успех и неудачи – все в его руках	53	34
Жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, чем его собственными усилиями	47	66
Выделяться среди других и быть яркой индивидуальностью лучше, чем жить как все	59	33
Жить как все лучше, чем выделяться среди других	41	66
Равенство возможностей для проявления способностей каждого важнее, чем равенство положения, доходов и условий жизни	58	53
Равенство доходов, положения, условий жизни важнее, чем равенство возможностей	42	46
Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны	39	37
Россия – особая цивилизация, в ней никогда не привьется западный образ жизни	61	63

Интересными особенностями характеризуются с точки зрения их ценностных установок *хронические бедные*. Хотя они и не демонстрируют качественных отличий от остальных бедных, существенные количественные отличия все же есть. Так, *они чаще, чем остальные бедные, говорят о важности материального благополучия в ущерб свободе и о том, что главное в работе – материальное вознаграждение, что свидетельствует об особой остроте для них вопроса достатка и специфике трудовых мотиваций*. Они также *реже характеризуются ценностями индивидуализма и внутреннего локус-контроля*, склоняясь к тому, что лучше быть как все и что жизнь человека полностью зависит от внешних обстоятельств. Однако одновременно с этим они чаще, чем остальные бедные, демонстрируют *приверженность нормам морали, приоритет ценности чистой совести над доступом к власти и толерантность только к тем доходам, которые получены честным путем*.

Как не раз отмечалось выше, с ценностными установками тесно связаны и вопросы морали. В связи с этим необходимо выяснить, есть ли какие-то особенности в морали бедных россиян, которые отличали бы их от небедного населения (см. таблицу 8.7).

Таблица 8.7

Особенности морали бедных и небедных, 2013 г., %
(доли тех, кто считает, что те или иные действия никогда не могут быть оправданы)*

Действия	Бедные		Небедные
	По доходам	По лишениям	
Употребление наркотиков	97	97	94
Плохое воспитание собственных детей, невнимание к ним	89	89	90
Жестокое обращение с животными	86	87	83
Проституция	79	82	75
Гомосексуализм	78	85	75
Обогащение за счет других	76	81	70
Пьянство, алкоголизм	74	75	78
Публичное проявление неприязни к представителям других национальностей, вероисповеданий	70	68	71
Супружеская измена	65	64	54
Хамство, грубость, нецензурная брань	63	65	66
Деловая необязательность	62	65	58
Дача/получение взятки	55	59	52
Сопротивление полиции	53	54	48
Уклонение от уплаты налогов	52	55	51
Присвоение найденных вещей, денег	48	50	47
Уклонение от службы в армии	43	46	41
Аборт	41	42	41

*Жирным выделены варианты ответов, по которым ответы небедного населения не менее чем на 5% отличались от ответов обеих групп бедных.

Как видно из данных таблицы 8.7, в данном вопросе различия между бедными «по доходу» и бедными «по лишениям» минимальны и практически по всем позициям находятся в рамках статистической погрешности. Только по двум позициям разница ответов представителей этих групп превысила 5% — в отношении гомосексуализма и обогащения за счет других бедные «по лишениям» проявляли меньшую толерантность, чем бедные «по доходам».

Какие же поступки и действия, по мнению бедных россиян, никогда не могут быть оправданы? Лидерами списка аморальных действий выступает *употребление наркотиков*, которое не принимают ни при каких условиях 97% бедных. На втором месте оказывается *плохое воспитание собственных детей и невнимание к ним* (89% бедных). Затем по степени недопустимости следует *жестокое обращение с животными*. К этим же поступкам проявляет максимальную нетерпимость и небедное население.

Более 70% бедных также считают, что никогда не могут быть оправданы проституция, гомосексуализм, обогащение за счет других, пьянство и алкоголизм и публичное проявление неприязни к представителям других национальностей, вероисповеданий. Менее 70%, но более половины считают неприемлемым супружескую измену, хамство и грубость, деловую необязательность. В эту же группу попадают и неправомерные действия, связанные с процессом взаимодействия с властными структурами, причём по отношению к этим действиям бедные проявляют большую толерантность, чем к поступкам и действиям, перечисленным выше: взяточничество, сопротивление полиции, уклонение от уплаты налогов. Наконец, наибольшая толерантность среди бедного населения наблюдается по отношению к присвоению найденного, уклонению от службы в армии и абортam.

Итак, сравнительный анализ моральных установок бедного и небедного населения позволяет утверждать, что *позиции бедных россиян соответствуют представлениям наших сограждан в целом*. Заметные количественные отличия наблюдались только по следующим позициям: обогащение за счет других (считали, что это никогда не может быть оправдано, 70% небедных и 76-81% бедных), супружеская измена (54% небедного населения и 64-65% бедных) и сопротивление полиции (48% небедного населения и 53-54% бедных). Таким образом, *на уровне нормативных моделей бедные россияне в ряде случаев проявляют даже меньшую толерантность к аморальным поступкам, отражая в вопросах морали и мнение всего населения в целом*.

Что касается возрастных различий, то молодые бедные более спокойно относятся к таким поступкам, как обогащение за счет других, дача или получение взятки, деловая необязательность, уклонение от уплаты налогов, чем бедные старшего возраста. С другой стороны, молодые бедные даже более нетерпимы, чем старшее поколение, к алкоголизму и абортam. При этом все бедные реже, чем небедные, считают пьянство и алкоголизм характерной особенностью поведения именно малоимущих слоев населения, но в 3-4 раза чаще небедных в качестве их характерных особенностей называют хамство, грубость и нецензурную брань.

9. О социально-психологическом состоянии бедных

Социально-психологическое состояние представителей той или иной социальной группы является одним из наиболее ярких показателей положения и самочувствия группы в обществе, своеобразной лакмусовой бумажкой для оценки ее социального благополучия. Оно аккумулирует в себе и отражает совокупность самых разных составляющих жизни — от сугубо материальных до метафизических ее аспектов. В ходе настоящего исследования для оценки социально-психологического состояния группы бедных использовались: а) показатель самооценки респондентами своей жизни в целом, б) характеристика собственного повседневного эмоционально-психологического состояния, в) самооценка часто переживаемых чувств, г) основные испытываемые страхи и опасения.

Говоря об оценке россиянами своей жизни в целом, прежде всего следует отметить, что *большинство населения страны своей жизнью в большей или меньшей степени довольны*— 33% считают, что их жизнь в целом складывается «хорошо», еще 62% дают оценку «удовлетворительно». На противоположной чаше весов — мнения 5% россиян, заявляющих, что их жизнь складывается «плохо». Кроме того, в последние годы наблюдается постепенное повышение самооценки: доля оценок «хорошо» за последнее десятилетие выросла с 20 до 33%, тогда как доля оценок «плохо», наоборот, более чем вдвое сократилась (с 13 до 5%). Причем, эта тенденция имеет устойчивый долгосрочный характер — если до 2001 г. преобладали оценки негативного полюса (с максимальными значениями доли оценок «плохо» в 26-27% и минимальными долями оценок «хорошо» на уровне 11-12% в 1995-1999 гг.), то, начиная с 2001 г. относительное доминирование положительного полюса самооценок закрепилось и постепенно усиливается¹ (см. рис. 9.1).

Таким образом, наблюдается картина постепенного вытеснения социального пессимизма оптимизмом, тенденцию к смене двухполярной системы самооценок на однополярную с отчетливым доминированием знака «плюс». И хотя россияне довольно осторожно осваивают оптимистичный подход к собственной жизни и в своей массе продолжают придерживаться умеренных самооценок, тем не менее, позитивная тенденция очевидна.

¹ Подробнее познакомиться с динамикой самооценок россиянами своей жизни за период с 1994 г. можно в монографии «Готово ли российское общество к модернизации?» / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Издательство «Весь Мир», 2010. – 344 с.

Рис. 9.1. Динамика самооценок россиянами своей жизни в целом, 2003-2013 гг., %

Однако благополучная в целом ситуация по-разному преломляется среди бедных и небедных россиян. Российские бедные отличаются заметно более низким показателем удовлетворенности жизнью, причем можно говорить о разнице в их оценках по сравнению с оценками небедных в разы — доля бедных, оценивающих свою жизнь хорошо, в 4 раза ниже соответствующего показателя небедных (10 и 42%, соответственно), а доля оценивающих ее плохо выше в 9 раз (18 и 2%, см. рис. 9.2).

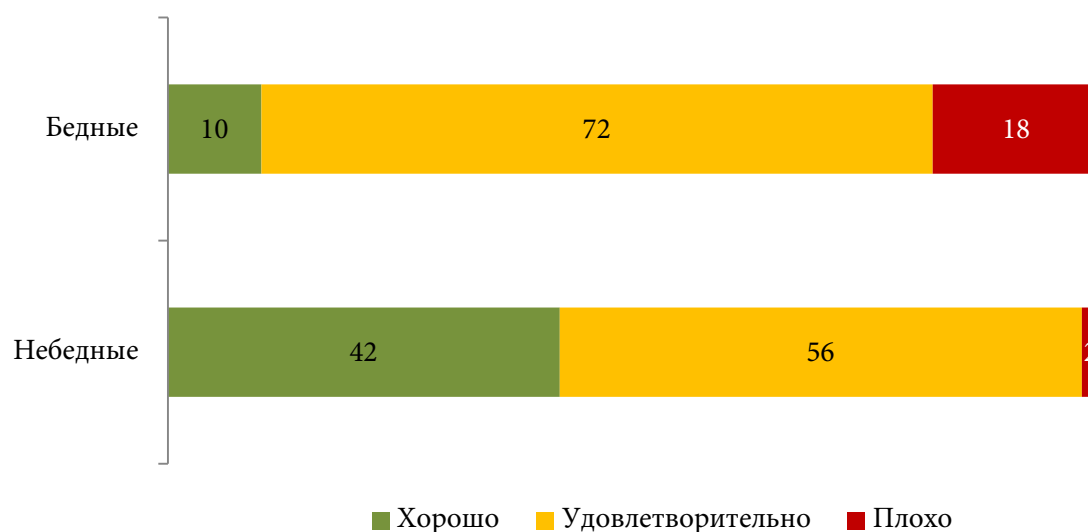

Рис. 9.2. Распределение самооценок своей жизни бедными и небедными, 2013 г., %

Интересно также, что среди бедных, в ближайшем окружении которых бедные отсутствуют, показатели удовлетворенности жизни максимальны — 10% их считают, что их жизнь складывается хорошо. Ниже доля позитивно настроенных бедных среди тех, у кого в ближнем кругу есть одна-две бедных семьи (3%), и совсем мала она (1,5%) среди бедных, живущих именно в бедном окружении. Можно предположить, что инструментом эмоциональной компенсации бедности отчасти служит общение с благополучными близкими людьми и возможности поддержки с их стороны, то есть состояние бедности не вызывает в этом случае ощущение исключенности из «мейнстрима».

Выше мы обратили внимание на то, что среди всего населения самооценка жизни в целом в последние годы имеет тенденцию к улучшению. Как же на этом фоне чувствуют себя бедные слои? Как показал анализ данных проведенного исследования, *социально-психологическое состояние бедных слоев общества имеет обратный тренд*. За последнее десятилетие сократилась доля бедных, которым собственная жизнь представляется хорошей, и выросла доля тех, кто считает, что их жизнь складывается плохо. Поступательное развитие общества, улучшение уровня и качества жизни значительной части населения, по всей видимости, являются для бедных отдельным и довольно значимым фактором ухудшения собственного психологического самочувствия.

Хотя 95% населения в целом считают, что их жизнь складывается в целом неплохо, тем не менее, в повседневной жизни многих из них есть место негативным эмоциям. Действительно, социально-психологическое состояние людей учитывает не только внутренние факторы, связанные с их собственной жизнью, но зависит и от внешних обстоятельств, начиная от поведения других людей и заканчивая погодой. Анализ данных, характеризующих обычное, повседневное эмоционально-психологическое состояние россиян, свидетельствует, что более половины населения (56%) находятся обычно в состоянии эмоционального покоя, ещё 7% отмечают даже эмоциональный подъем. Однако немало и тех, чье повседневное эмоциональное состояние имеет негативный акцент (всего таких 37%). При этом одни обычно находятся в безразлично-апатичном состоянии (10%), другие тревожатся за себя и близких (14%), у третьих негатив активен и направлен на окружающих — они испытывают чувство раздражения (12%) или даже озлобленности, агрессии (3%).

Бедность является важнейшим фактором формирования негативного эмоционального фона повседневной жизни человека. Если среди небедных россиян обычно в состоянии эмоционального покоя пребывают большинство (62%), то среди бедных группа эмоционального спокойствия составляет только 35%. Эмоциональный подъем бедные ощущают втрое реже, чем небедные (3 и 9%, соответственно). Напротив, негативные эмоции приходятся на долю бедных примерно вдвое чаще: чувство тревоги, надвигающейся беды испытывают 22% бедных и 11% небедных, в состоянии безразличия пребывают 15% бедных и 8% небедных, ощущают раздраженность 19% бедных и 9% небедных. Но, самое тревожное, что бедность связана с негативными эмоциями, направленными от человека во внешний мир, на окружающих — в группе бедных 5% постоянно испытывают озлобленность или агрессию (при 1% среди небедных) (см. рис. 9.3).

Какие же группы бедных являются наиболее эмоционально неустойчивыми, уязвимыми для настроений апатии, тревожности, агрессии? Для ответа на этот вопрос был проанализирован социально-демографический профиль групп бедных, отличающихся в своей повседневной жизни позитивно окрашенным эмоциональным состоянием (чувствуют себя спокойно или на подъеме) или, напротив, характеризующихся эмоциональным негативизмом (от состояния апатии до тревожности, раздражения, озлобленности и агрессии). Как показывает анализ данных, существует прямая зависимость между эмоциональным состоянием и возрастом, причем это касается не только группы бедных, но имеет общезначимый для самых разных социальных групп и категорий характер. В группе бедных среди молодежи до 20 лет фиксируется рекордно высокая для бедных в целом доля тех, кто позитивно смотрит на мир, несмотря на своё бедственное положение — 64%. В каждой следующей возрастной группе эта доля снижается,

а эмоциональный негативизм охватывает все большее число людей, вплоть до 75% среди тех, кому «за 50». Единственной возрастной группой, немного выпадающей из данного тренда, являются бедные самой старшей возрастной группы (от 60 лет), среди которых отмечается некоторое увеличение доли позитивно настроенных людей (до 30% по сравнению с 25% среди 51-60-летних). По всей видимости, здесь мы наблюдаем отражение развития эмоционального состояния части бедных респондентов, связанного с разными периодами трудовой деятельности и ее окончания. Чем старше работник, тем больше у него накапливается тревожных ожиданий в связи с сохранением рабочего места и уровня оплаты труда, соответствием изменяющимся ожиданиям со стороны работодателя, конкуренцией со стороны более молодых коллег, перспективами выхода на пенсию. По завершении же карьеры и обретении пенсионного статуса многие из этих тревог теряют свою актуальность, человек приспосабливается к новой для себя ситуации, которая приобретает более высокую степень определенности. Соответственно, стабилизируется и эмоциональное состояние.

Рис. 9.3. Характеристика обычного, повседневного эмоционально-психологического состояния бедными и небедными россиянами, 2013 г., %

Рассматривая эмоциональный профиль группы бедных в поселенческом разрезе, можно отметить существенную разницу в эмоциональном состоянии бедных среди жителей мегаполисов, крупных нестоличных городов и в несколько меньшей степени районных центров, с одной стороны, и бедных жителей сел с другой. Проживание в сельской местности создаёт для бедных эмоционально более комфортную среду, нежели поселения крупной и малой городской провинции или столицы — в селах каждый второй бедный (50%) отличается позитивным мировосприятием, тогда как в Москве и Санкт-Петербурге, например, таких только 28%. Очевидно, что на селе болезненное восприятие бедности существенно смикшировано по сравнению со столицами и городской провинцией — по всей видимости, эмоциональному благополучию бедных здесь способствует спокойный образ жизни, более тесные, нежели в городах, социальные связи, меньшая глубина социального неравенства в непосредственном окружении людей.

Еще один срез, дифференцирующий эмоциональное состояние бедных — их семейное положение. Относительно более комфортно в эмоциональном отношении себя ощущают холостые/незамужние и никогда не состоявшие в браке бедные (43% из них характеризуются позитивным эмоциональным фоном), что, вероятно, связано, с преимущественно молодежным составом этой группы. Почти столько же позитивно настроенных респондентов (42%) среди состоящих в официальном браке. А вот гражданский брак несколько снижает долю оптимистов (до 33%) несмотря на то, что характер ведения домашнего хозяйства в семьях, основанных на официальном и гражданском браке, сегодня очень близок, и незарегистрированные браки встречаются всё чаще, отсутствие официальной регистрации семейных отношений является фактором ухудшения эмоционально-психологического самочувствия. Но наиболее сильный фактор негативного влияния на эмоциональное состояние — вдовство. Бедные с таким семейным положением чаще всего (83%) имеют негативный эмоциональный статус, и только 17% вдовствующих бедных отличаются позитивным мировосприятием своей жизни в целом. Также на эмоциональный «минус» работает и развод — бедные респонденты в состоянии развода относятся к одной из самых неблагоприятных групп с точки зрения эмоционального самочувствия (см. рис. 9.4).

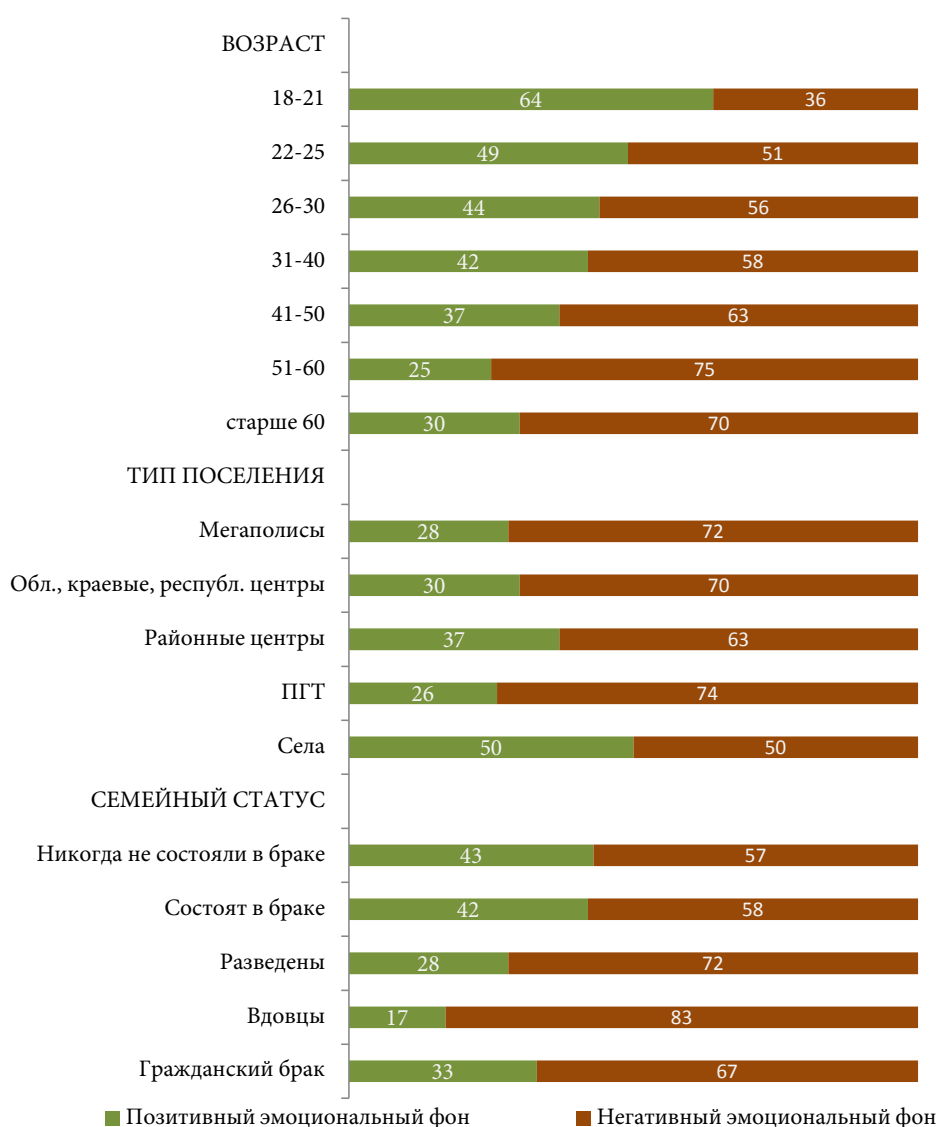

Рис. 9.4. Повседневное эмоционально-психологическое состояние представителей различных социально-демографических групп бедных, 2013 г., %

Таким образом, «чистый семейный лист» либо официальный брак сегодня служат залогом относительного эмоционального благополучия российских бедных, тогда как незарегистрированный брак и, в ещё большей степени, вдовство или развод сильно влияют на ухудшение эмоционально-психологического состояния.

Среди бедных, выделенных по критериям доходов и депривации, никакой разницы в эмоциональном состоянии не наблюдается в противовес небедным слоям населения (см. рис. 9.5), характеризующихся принципиально иной его картиной.

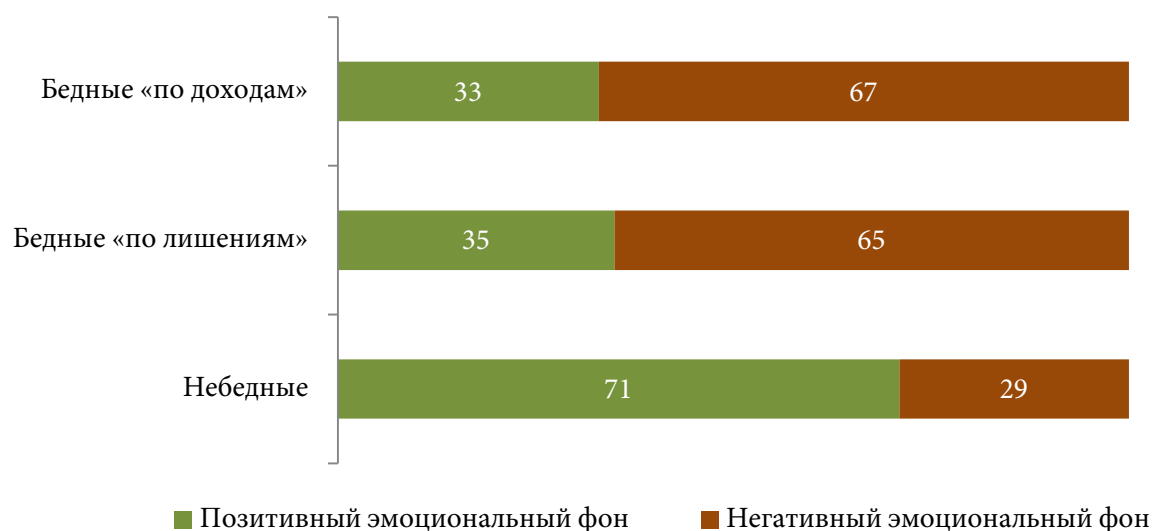

Рис. 9.5. Повседневное эмоционально-психологическое состояние бедных и небедных, 2013 г., %

В ходе исследования, помимо общей оценки повседневного эмоционального состояния россиян, тестировалась также интенсивность переживания ими различных чувств в течение последнего года. Для самооценки респондентам был предложен набор из шести чувств, которые, по данным предыдущих исследований, играют важную роль в общем социально-психологическом самочувствии людей (см. таблицу 9.1).

Таблица 9.1

Распространенность различных чувств, испытываемых россиянами, 2013 г., %
(набор чувств отранжирован по убыванию ответа «часто испытываю»)

Чувства, испытываемые россиянами	Часто	Иногда	Практически никогда	Не ответили
Чувствовали надежную поддержку близких и коллег, знал, что они придут на помощь, если понадобится	38	44	18	0
Чувствовали несправедливость всего происходящего вокруг	29	48	22	1
Чувствовали стыд за нынешнее состояние своей страны	25	48	27	0
Чувствовали собственную беспомощность повлиять на происходящее вокруг	22	48	31	0
Чувствовали, что дальше так жить нельзя	15	42	42	1
Испытывали страх перед будущим из-за ситуации на работе*	12	47	40	1

*Данные приведены по работающим.

В целом, как видно из данных таблицы 9.1, наиболее часто переживаемым чувством за последний год было ощущение поддержки близких и коллег, уверенность в их помощи в случае необходимости — 38% опрошенных испытывали это ощущение часто, еще 44% — иногда. О том, что за последний год им ни разу не пришлось испытать чувство поддержки со стороны близких, заявили только 18% опрошенных.

В качестве негативной доминанты в структуре тестируемых чувств можно отметить чувство несправедливости всего происходящего вокруг — его в течение прошлого года часто испытывали 29% россиян, еще 48% — испытывали его иногда. Чуть ниже была интенсивность чувства стыда в связи с нынешним состоянием страны (25% часто, 48% иногда), ощущения собственной беспомощности повлиять на происходящее (22 и 48% соответственно).

Наконец, наименьшая интенсивность переживаний была за прошедший год связана у россиян с чувством, что так дальше жить нельзя (15 и 42%) и страхом перед будущим из-за ситуации на работе (12 и 47%). Тем не менее, учитывая их значимость в формировании определенного эмоционального состояния человека, наличие данных чувств практически у 60% населения страны — очень высокий показатель.

Сложившаяся на сегодняшний день иерархия негативных чувств, испытываемых россиянами, свидетельствует, что *наибольший негативный «вклад» в эмоциональное состояние наших сограждан вносит общая ситуация в стране. Именно к ней обращены наиболее часто переживаемые негативные чувства — несправедливости всего происходящего вокруг и стыда за нынешнее состояние страны. Переживания личного порядка, связанные с собственным положением и невозможностью повлиять на происходящее, на этом фоне находятся на втором плане.*

Динамика данных с 1995 г. подтверждает ранее отмеченную тенденцию снижения негативизма и улучшение социально-психологического состояния россиян. Начиная с 1999 г., когда наблюдался всплеск негативных переживаний, в целом фиксировалось их ослабление. Заметно улучшилась в этом отношении и ситуация по сравнению в 2011 г., когда общая неудовлетворенность людей выплеснулась после выборов в Государственную Думу «на улицы». Важным позитивным свидетельством этого процесса можно считать ослабление чувства «так дальше жить нельзя», аккумулирующего в себе самые разные негативные эмоции людей. На протяжении последних десяти лет его интенсивность была одной из самых низких (сейчас его испытывает часто лишь 15% граждан), хотя в критическом для социально-психологического состояния россиян 1999 г. это переживание было частым спутником 65% наших сограждан (см. рис. 9.6), а в 2011 г. — 29%.

В иерархии различных чувств обращает на себя внимание еще одно обстоятельство — динамика распространенности чувства стыда за страну. Это чувство вместе с другими негативными переживаниями всё реже является постоянным спутником россиян с конца 1990-х гг. Но наиболее выраженными темпы его ослабления были, как видно из рис. 9.5 до 2008 г. В последние пять лет освобождение россиян от чувства стыда за состояние страны идет уже не так быстро, и сегодня это второе по интенсивности негативное переживание россиян после чувства несправедливости всего происходящего вокруг.

На общем, в целом благоприятном, эмоционально-психологическом фоне группа бедных отличается повышенной интенсивностью негативных и дефицитом положительных переживаний. Если для населения в целом наиболее распространенное чувство — ощущение поддержки близких, то у бедных россиян такие позитивные

переживания по степени распространенности, наоборот, стоят на одном из последних мест. Главные доминанты в испытываемых ими чувствах — это чувство несправедливости всего происходящего вокруг (его испытывают 49% бедных) и чувство собственной беспомощности что-то изменить (40%) (см. рис. 9.7). При этом обе подгруппы бедных вновь демонстрируют свою схожесть.

Рис. 9.6. Динамика распространённости негативных чувств среди россиян, 1995-2013 г., % (приведены доли ответов «часто испытывал»)

Рис. 9.7. Распространенность различных чувств среди бедных и небедных россиян, 2013 г., % (приведены доли ответов «часто испытываю», позиции упорядочены по величине разрыва между ответами бедных и небедных)

Таким образом, очевидно, что с точки зрения их эмоционально-психологического состояния бедные отличаются от остального населения выраженным пессимизмом и негативизмом. И хотя общая тенденция на улучшение психологического климата в обществе не обошла и бедных, однако улучшение ситуации произошло не по всем параметрам. За период с 2003 г. наиболее заметно ослабились негативизм, вызванный стыдом за состояние страны (с 52 до 36%, т. е. на 17%). Также снизилось, хотя заметно слабее (на 6-8% за 10 лет), ощущение, что так жить нельзя (с 39 до 31%), чувство несправедливости происходящего (с 55 до 49%). В то же время, никаких позитивных изменений не произошло в отношении оценки собственных возможностей повлиять на происходящее вокруг, усилился связанный с работой страх перед будущим (с 21 до 25%) и, главное, заметно снизилось ощущение поддержки со стороны близких (с 44 до 30%). Таким образом, *если негативные чувства, относящиеся к стране в целом, за это время (возможно в силу привыкания к ситуации) несколько притупились, то собственная жизненная ситуация стала тревожить бедных гораздо чаще.*

Еще один показатель социально-психологического состояния — набор тех конкретных страхов и опасений, которые господствуют в сознании людей. На сегодняшний день главный из них — это страх остаться без средств к существованию, его разделяют 39% россиян. Лидирование этого страха свидетельствует, что, *несмотря на все позитивные тенденции, которые отмечаются в уровне и качестве жизни россиян и их социальном самочувствии, люди продолжают ощущать себя уязвимыми перед угрозой возможных материально-финансовых затруднений.*

Следующую группу опасений, свойственных 24-29% россиян, возглавляет традиционный для россиян страх перед войной, подкреплённый таким «современным» аспектом этой проблемы как теракты. Высока также распространенность страха одиночества — очень личного переживания, отражающего боязнь оказаться перед лицом тех или иных жизненных трудностей один на один. И здесь же, в группе широко распространенных страхов, эти самые жизненные трудности: остаться без работы, не иметь возможности получить необходимую медпомощь, столкнуться с резким ростом жилищно-коммунальных платежей.

Показательно, что неясность перспектив на будущее для россиян, имеющих весьма ограниченные по времени горизонты планирования, пугает не так сильно — страх перед неопределенностью своего будущего отметили только 20% опрошенных. С другой стороны, этот показатель не так уж низок, он превышает уровень беспокойства россиян перед лицом собственной старости и тревоги за детей (отсутствие перспектив для них, опасность превращения в наркомана, невозможность дать им хорошее образование) (см. рис. 9.8).

В целом профиль страхов бедных совпадает с общей схемой распространения страхов в обществе, однако есть и несколько выраженных отличий. *Две главных доминанты, отличающие повышенные страхи бедных по сравнению с небедными — это опасения остаться без средств к существованию и страх дальнейшего роста жилищно-коммунальных платежей, причём последний страх характеризуется наибольшим разрывом в распространённости его среди бедных и небедных (33% у бедных и 20% у небедных, т. е. имеется разрыв в 13%).* Это яркое свидетельство «пробуксовки» программы жилищных субсидий, предусмотренных для помощи малоимущим в оплате всё возрастающих услуг ЖКХ, — программы, без эффективной реализации которой сама идея увязать бедность с расчётной величиной прожиточного минимума становится абсурдной. Ведь во многих регионах проживающий в однокомнатной квартире одиночка вынужден отдавать за услуги ЖКХ по ней по 5 тыс. руб., составляющих зачастую почти весь его доход. Еще одна болевая точка

бедных — отсутствие жизненных перспектив для детей. При этом среди бедных заметно меньше, чем в группе благополучных россиян, опасения того, что их дети станут наркоманами. Другими словами, бедные чаще боятся того, что их дети не «поднимутся», а богатые того, что дети «упадут». В пользу этого вывода говорит и то, что среди бедных несколько чаще, чем среди богатых, актуализированы опасения невозможности получить самим или не дать детям хорошего образования. Так или иначе, но *все страхи, отличающие бедных от благополучных слоев, завязаны на финансовые мотивы и направлены на экономическое благополучие свое и своей семьи. Страхи же небедных россиян отличаются от страхов бедных своим социальным характером и обращенностью во внешнюю среду (опасения войн и терактов, преступности, втягивания детей в наркоманию)* (см. рис. 9.9).

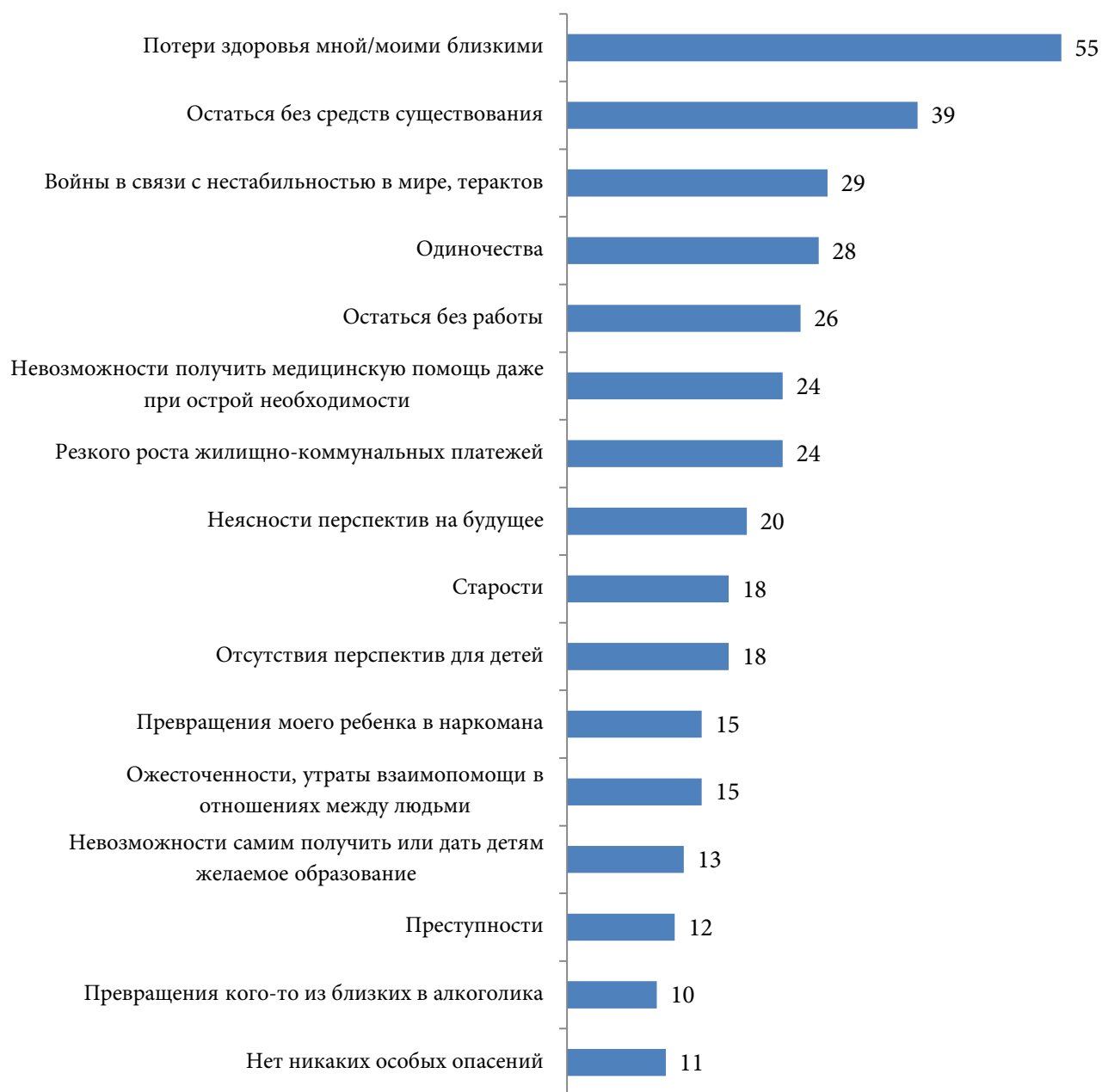

Рис. 9.8. Распространенность различного рода опасений среди россиян, 2013 г., % (допускалось до пяти ответов)

Рис. 9.9. Распространенность различного рода опасений среди бедных и небедных россиян, 2013 г., % (допускалось до пяти ответов, позиции упорядочены по величине разрыва между ответами бедных и небедных)

В последнее десятилетие заметно улучшилось социально-психологическое состояние бедных и с точки зрения распространенности конкретных страхов. Сегодня вдвое реже, чем в 2003 г., бедные россияне боятся войн и терактов (сокращение с 43 до 25%, т. е. на 18%), существенно снизилась актуальность их страхов, связанных со здоровьем (с 66 до 51%, т. е. на 15%), опасностью превращения ребенка в наркомана (с 23 до 13%, т. е. на 10%). На 5-9% снизилась распространенность среди бедных опасений, связанных с преступностью, получением образования для себя и детей, резким ростом жилищно-коммунальных платежей, превращением кого-то из близких в алкоголика. Расширение же числа испытывающих соответствующие страхи, да и то в пределах 4-5%, отмечено лишь в отношении страха остаться без работы и страха старости.

Обратим внимание, что при ответе на вопрос о том, чего они опасаются в жизни, респонденты могли дать до пяти вариантов ответа (выбрав их из предложенного списка). В группе бедных полностью воспользовались возможностью рассказать о своих тревогах 43% их можно отнести к группе «высокотревожных»

респондентов. Еще 32% выбрали по 3-4 вида опасений (группа «тревожных»). Всего 17% бедных ограничились указанием 1-2 вида актуальных для них страхов и угроз («малотревожные»), и лишь 8% не выбрали ни одной позиции, заявив, что никаких особых опасений в жизни у них нет («нетревожные»).

Кто же среди российских бедных составляет группу с высоким уровнем тревожности?

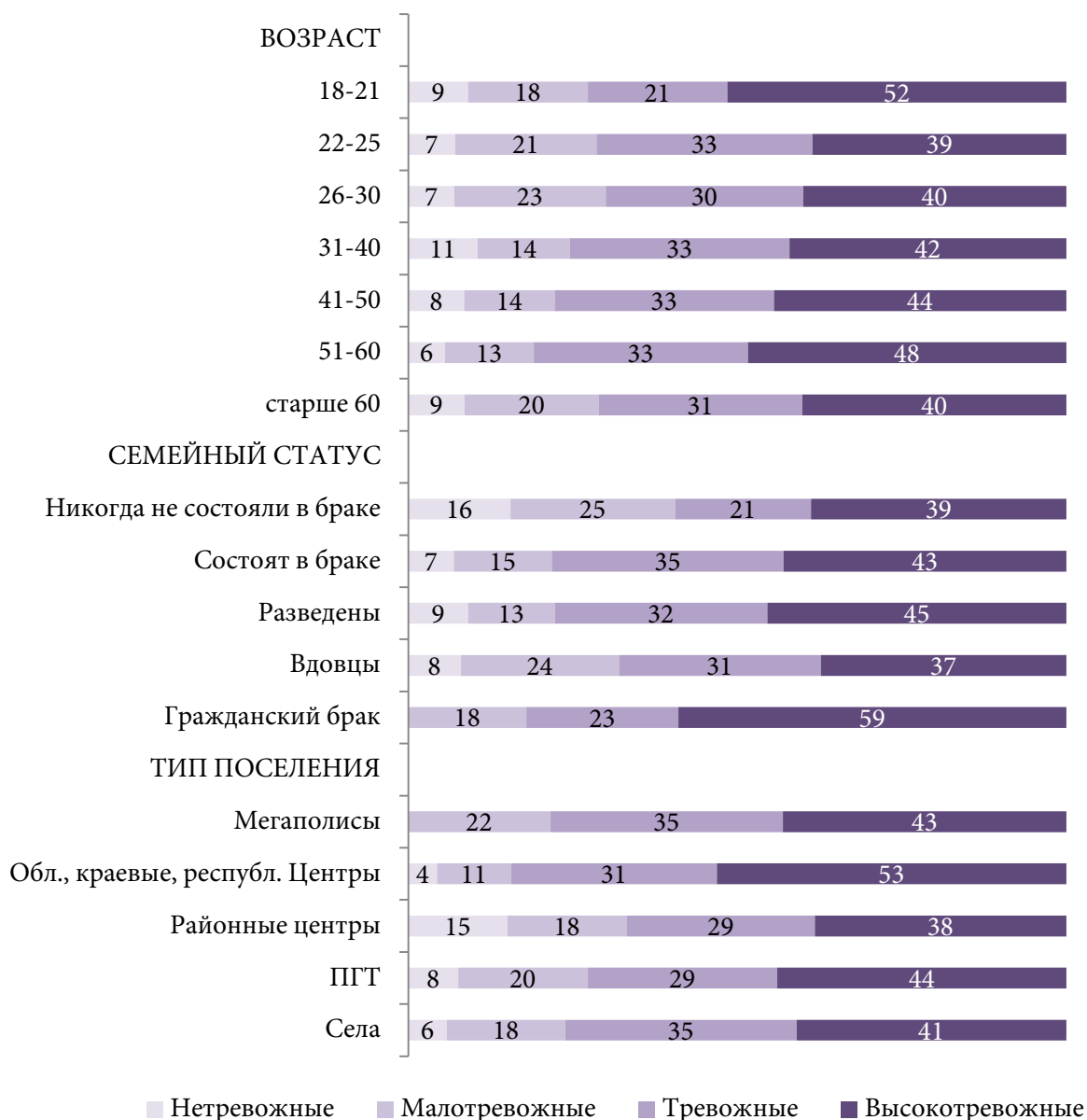

Рис. 9.10. Распределение по уровню тревожности в различных социально-демографических подгруппах бедных, 2013 г., %

Как видно из рис. 9.10 в возрастном отношении наиболее тревожными оказались две полярные группы. Одна из них — молодежь до 21 года, среди которых к группе высокотревожных были отнесены большинство (52%). По всей видимости, у них тревожность связана с одним из самых ответственных жизненных периодов, когда закладывается будущее человека, определяются его профессиональные перспективы. Другая возрастная группа, отличающаяся повышенным уровнем тревожности — люди предпенсионного возраста, т. е. 51-60 лет (48% тревожных). Для них характерны те же страхи, что и для людей самой старшей группы связанные с наступлением периода естественных ограничений их воз-

можностей, старости, высокого риска потери здоровья и невозможности получить необходимую медицинскую помощь. Но помимо этого их жизнь омрачена неустойчивостью положения на работе и ожиданием предстоящего переходом в другой социальный статус, шагом в «пенсионную жизнь», который представители самой пожилой группы уже сделали.

Среди бедных с разным семейным статусом лидеры по части конкретных тревог и опасений — состоящие в гражданском браке. Их страхи связаны, прежде всего, с воспитанием детей — невозможностью дать им образование, опасностью превращения ребенка в наркомана, отсутствием перспектив для детей. Таким образом, для бедных отсутствие официального брачного статуса содержит в себе мощный заряд жизненных опасений по выполнению их семьями одной из своих главных функций — рождение и воспитание детей.

Что касается поселенческого разреза, то здесь главная зона тревожности — крупные города. Как показывает анализ данных, для бедных в крупных нестолических городах чаще, чем для представителей других групп бедных, актуализированы опасения дальнейшего ухудшения собственного материально-финансового положения в связи с ростом жилищно-коммунальных платежей, отсутствия перспектив для детей. Также они испытывают повышенную тревожность в связи с угрозой здоровью (своему и близких) и невозможностью получить необходимую медицинскую помощь даже в случае острой необходимости.

10. О досуге бедных

Одной из важнейших характеристик образа жизни представителей той или иной социальной группы и всего общества, своеобразной визитной карточкой, позволяющей получить яркое и информативное представление о том, чем живут в нём люди, является их свободное время и досуговые предпочтения. Сфера досуга выступает важным показателем уровня, качества, стиля жизни, ценностных и культурных предпочтений, повседневных привычек людей, которые, как известно — их «вторая натура».

Важность досуга в повседневной жизни трудно переоценить. Для современного человека, живущего в мире высоких скоростей, стрессов, быстрых и масштабных социальных перемен, возможность отвлечься от выполнения своих обязанностей трудовых, гражданских, семейных — и погрузиться в свой собственный мир, заниматься тем, чем хочется, а не только тем, что должно, приобретает особое значение. Однако ритм современной жизни и условия достижения в ней успеха таковы, что зачастую заставляют человека пренебрегать таким простым и испытанным временем «рецептом» счастья, как полноценный досуг. И хотя труд и отдых — два необходимых и вполне равноценных компонента здоровой и счастливой жизни человека, тем не менее, личное свободное время сегодня нередко приносится нашими согражданами в жертву работе.

При этом, как показывают данные ранее проведенных исследований¹, важность возможностей для разнообразного проведения досуга является более значимым фактором социального самочувствия россиян, чем наличие (а точнее, отсутствие) свободного времени как такового, т. е. на восприятие человеком своей жизни оказывает влияние не столько его «количество», сколько «качество». Сам по себе факт наличия свободного времени еще не означает, что люди имеют полноценный досуг. Полноценный досуг дает человеку самые широкие возможности: с одной стороны, для восстановления сил и отдыха, а с другой для саморазвития, совершенствования, самореализации. Праздное же «ничегонеделание», лишенное разнообразия, дает лишь видимость отдыха и тормозит развитие человеческой личности. Другой негативной альтернативой качественному досугу является использование свободного от работы времени на «затыкание хозяйственных дыр», ведение хозяйства, а не восстановление сил, саморазвитие, личностный рост.

Что же касается группы бедных, то, казалось бы, для них сфера досуга могла представить возможности разнообразить свою жизнь, наполнить ее позитивными впечатлениями и эмоциями, отключиться от жизненных трудностей

¹ См. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Кrumma, В. В. Петухова. — М.: Весь Мир, 2011. — 328 с.

и лишений, что важно, учитывая особенности их занятости, о которых говорилось выше. Но главное, досуг может стать для бедных эффективным инструментом наращивания собственных ресурсов укрепления здоровья, повышения общего культурного уровня, саморазвития и самообразования, расширения сферы общения, накопления знакомств и связей и т. д. А значит, может способствовать преодолению бедными эксклюзии и появлению шанса вырваться из состояния бедности. При этом досуговые возможности современного общества крайне разнообразны и далеко не всегда требуют больших финансовых затрат, причем это касается и организованного досуга (от бесплатных общественных культурных мероприятий до бесплатных же библиотек). Конечно, многие виды досуга развиваются сегодня как раз в логике тотальной коммерциализации вплоть до элитизации определённых видов времяпрепровождения, однако в целом палитра имеющихся в распоряжении людей досуговых возможностей довольно разнообразна. Насколько же полно российские бедные используют досуговые возможности как один из способов смягчения негативных сторон своей жизни и выхода из своего тяжёлого положения? И как это соотносится с картиной по россиянам в целом?

Сразу подчеркнём — россияне в целом скорее довольны теми досуговыми возможностями, которые у них есть — большинство (51%) оценивают их как «удовлетворительные», еще 30% полностью ими довольны (оценку «плохо» дали 18% опрошенных). За прошедшее с 2003 г. десятилетие удовлетворенность россиян своими возможностями для досуга заметно повысилась, при этом основной рывок произошёл в период 2003-2008 гг., тогда как в последние пять лет серьезных изменений не наблюдалось (см. рис. 10.1). Сходная картина отмечается и в показателях удовлетворенности возможностями отдыха в период отпуска (50% удовлетворенных, 25% полностью довольных и 25% недовольных), с той разницей, что «стартовая позиция» данного показателя на 2003 г. была заметно хуже, а его улучшение шло более плавно. При этом данные мониторинговых исследований Института социологии РАН свидетельствуют, что нынешняя ситуация в оценках досуговых возможностей самая благоприятная за последние двадцать лет и является результатом долгосрочного тренда на улучшение ситуации, который отмечается с 2000 г., ставшего переломным в динамике оценок.

Широкий разброс и высокая временная динамика оценок возможностей для досуга и отдыха в период отпуска свидетельствует, что данные показатели сильно зависят от внешних для человека обстоятельств, прежде всего ситуации в стране в целом. Если сравнить приведенные данные с теми, которые характеризуют возможности людей для общения с друзьями (см. рис. 10.1), то мы увидим совсем другую картину — высокий и практически неизменный на протяжении долгих лет уровень удовлетворенности (51-53% полностью довольных, 39-43% удовлетворённых и 5-8% недовольных), т. е. удовлетворённость россиян своим общением с друзьями — своеобразная социальная константа.

Как же воспринимают свои возможности в сфере досуга на этом в целом вполне благополучном фоне представители беднейших слоев? Полученные данные свидетельствуют, что *самооценки бедными респондентами своих досуговых возможностей радикальным образом отличаются от общих тенденций и носят выраженный негативный характер*. Возможности для проведения досуга в целом и особенно возможности отдыха в период отпуска характеризуются значительным числом бедных как «плохие» (38 и 51%, соответственно), тогда как доля бедных, довольных своим досугом и возможностью проведения отпуска минимальны (11 и 8%). Схожая ситуация прослеживается во всех группах бедных. Так, среди бедных «по доходу» хорошо оценивают свои возможности проведения досуга и от-

пуска соответственно 8 и 6%, удовлетворительно — 46 и 35%, плохо — 46 и 59%. Среди бедных «по лишениям» доли этих групп выглядят как 10 и 6%, 48 и 42%, 42 и 52%, соответственно, и т. д. Таким образом, *собственный досуг воспринимается российскими бедными преимущественно в негативном ключе и вместо того, чтобы компенсировать жизненные трудности, напротив, является дополнительным источником для недовольства и пессимизма.*

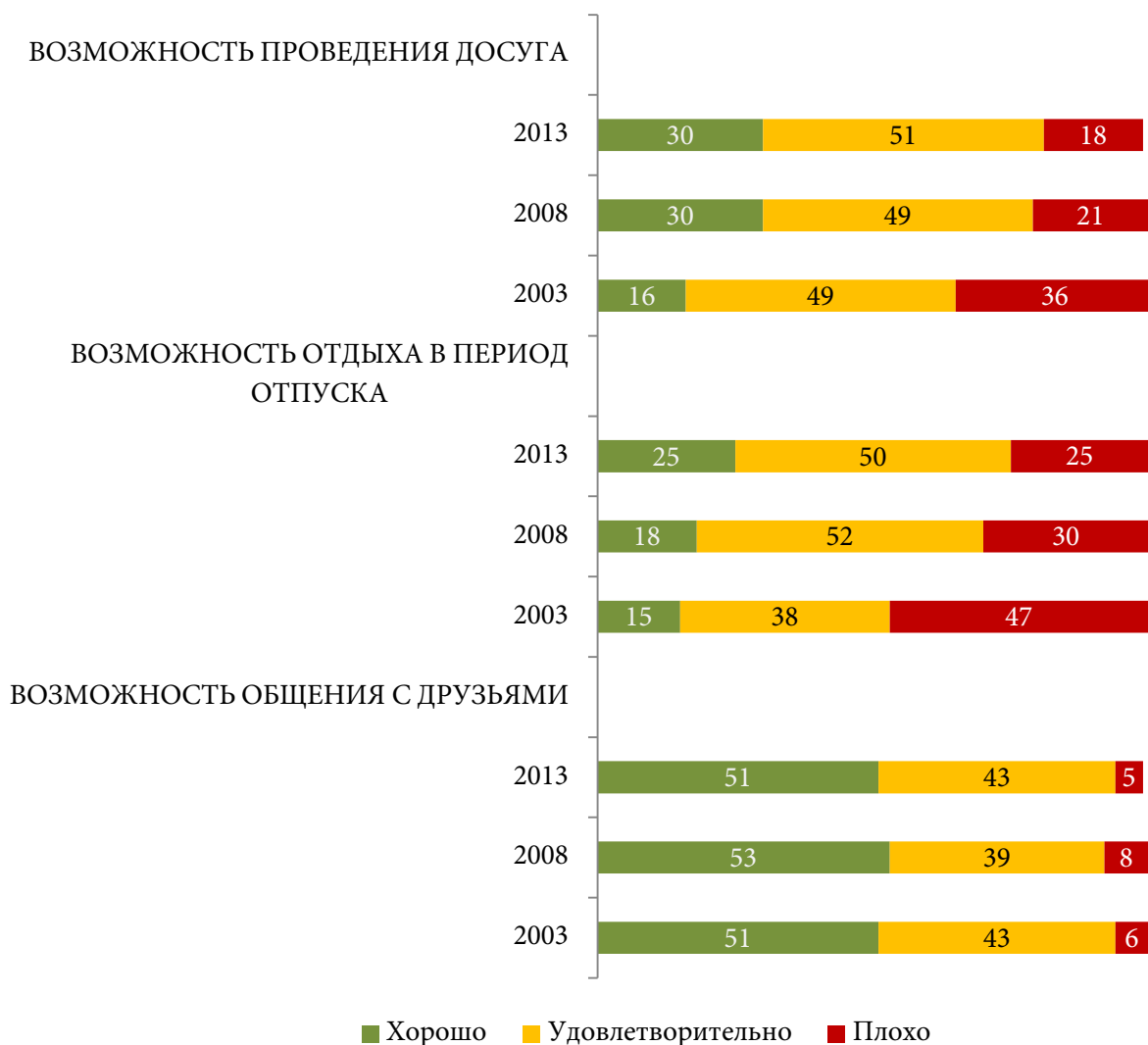

Рис. 10.1. Динамика оценок россиянами своего положения в различных сферах, связанных с досугом, 2003-2013 гг., %

В связи с этим показательно, что даже такой параметр, как возможности для общения с друзьями, который, как было показано выше, высок и стабилен в обществе в целом, существенным образом изменяет свои значения в группе бедных. Господствуют здесь не положительные, а удовлетворительные оценки, доля ответов «плохо» составляет 12%, а доволен возможностью общения с друзьями только каждый третий (см рис. 10.2). То, что бедные ощущают серьезные ограничения в использовании даже такого, казалось бы, вполне демократичного, доступного, не требующего больших финансовых трат досугового инструмента как общение с друзьями, свидетельствует о системном характере досуговой эксклюзии данной социальной группы.

Рис. 10.2. Оценки своего положения в различных сферах, связанных с досугом, бедными и небедными, 2013 г., %

Динамика данных показывает, что *в отношении досуга в целом и возможности отдохнуть во время отпуска нынешние оценки бедных близки к показателям десятилетней давности*. За прошедшие 10 лет в составе бедных лишь несколько уменьшились доли тех, кто оценивает свои возможности в этом отношении хорошо (с 11 до 8%), и тех, кто считает, что у них нет возможности отдохнуть во время отпуска (с 55 до 51%)(см. рис. 10.3).

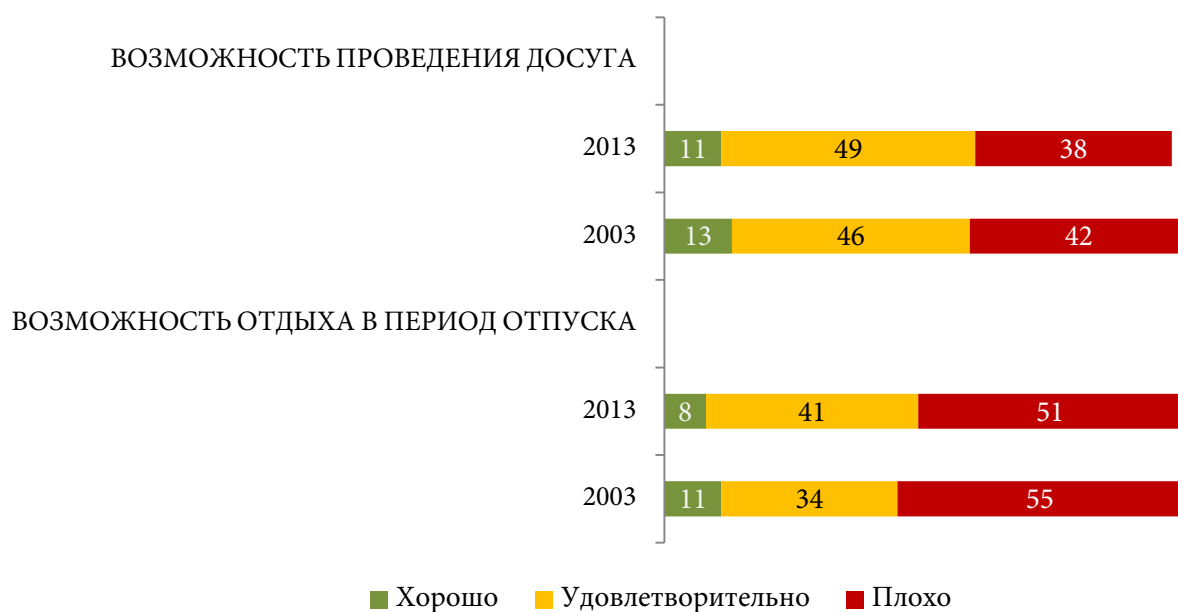

Рис. 10.3. Динамика оценок бедными своего положения в различных сферах, связанных с досугом, 2003-2013 гг., %

Таким образом, отношение бедных к своим досуговым возможностям в последние годы не соответствует общероссийской тенденции на улучшение, отражая высокий уровень недовольства бедных положением дел в этой сфере. В то же время, в ответах на вопрос о том, чем сегодня, по их мнению, жизнь бедных семей в России отличается от жизни всех остальных, позиции, связанные со сферой досуга, занимают далеко не первые места. Возможности проведения досуга и отпуска в качестве важного маркера бедности назвали 27% бедных, доступность культурной жизни (посещение театров, кино, клубов, приобретение книг и т. д.) указывали ещё реже (13%). При том, что позиция-лидер (характер питания) набрала в группе бедных 75%. В результате в общем рейтинге главных отличий жизни бедных и небедных в России, составленном на основе ответов бедных, позиции, связанные со сферой досуга, занимают соответственно 8-е и 11-е места из 13 возможных. Показательно, что благополучные россияне оценивают дифференцирующую значимость сферы досуга для определения отличительных черт жизни бедных заметно выше: 34% из них отметили плохие возможности проведения досуга и отпуска, 17% — недоступность культурной жизни для бедных как отличительные черты их образа жизни. Соответственно, в рейтинге отличий, составленном на базе ответов благополучных россиян, эти позиции заняли 7-е и 9-е место.

Представляется, что подобная недооценка важности досуговой сферы в группе бедных сама по себе является тревожным знаком. Она демотивирует бедных к максимальному использованию имеющихся у них возможностей для эффективного проведения своего свободного времени и получения от этого соответствующих дивидендов в виде культурного роста, саморазвития и самообразования и т. д., а значит, наращивания собственных социальных ресурсов, развития человеческого капитала группы.

Отношение бедных к признакам бедности, связанным с досугом, зависит от многих факторов. Среди представителей различных социально-демографических групп бедных наиболее часто досуг как признак отличия образа жизни бедных семей отмечали: молодежь до 21 года (45%), респонденты 26-40 лет (возраст, характерный для родителей малолетних детей и подростков) и родители, имеющие 1-2 детей. Также несколько выше, чем в других типах поселений, доля упоминаний досуга как одного из важных маркеров бедности, среди жителей областных, краевых и республиканских центров. Вероятнее всего, представители этих групп чаще других имеют неудовлетворенную потребность в досуге (как, например, молодежь или родители малолетних детей и подростков) либо сравнивают свой досуг и досуг людей своего круга с досугом окружающих в условиях особо глубоких социальных неравенств в этой сфере (жители крупных нестоличных городов) (см. рис. 10.4).

Чем же конкретно наполнен досуг наших сограждан, в том числе беднейших слоёв населения, каковы их наиболее распространённые досуговые практики, какое содержание стоит за приведенными трендами изменения «досугового самочувствия» россиян?

Как показывают данные опроса, в целом по населению самым распространенным видом досуга является просмотр телепередач и слушание радио — свободное время посвящают этому 70% опрошенных. Далее с приблизительно одинаковой степенью распространения (50-53%) следуют такие досуговые альтернативы как занятие домашним хозяйством, встречи и общение с друзьями и «просто отдых».

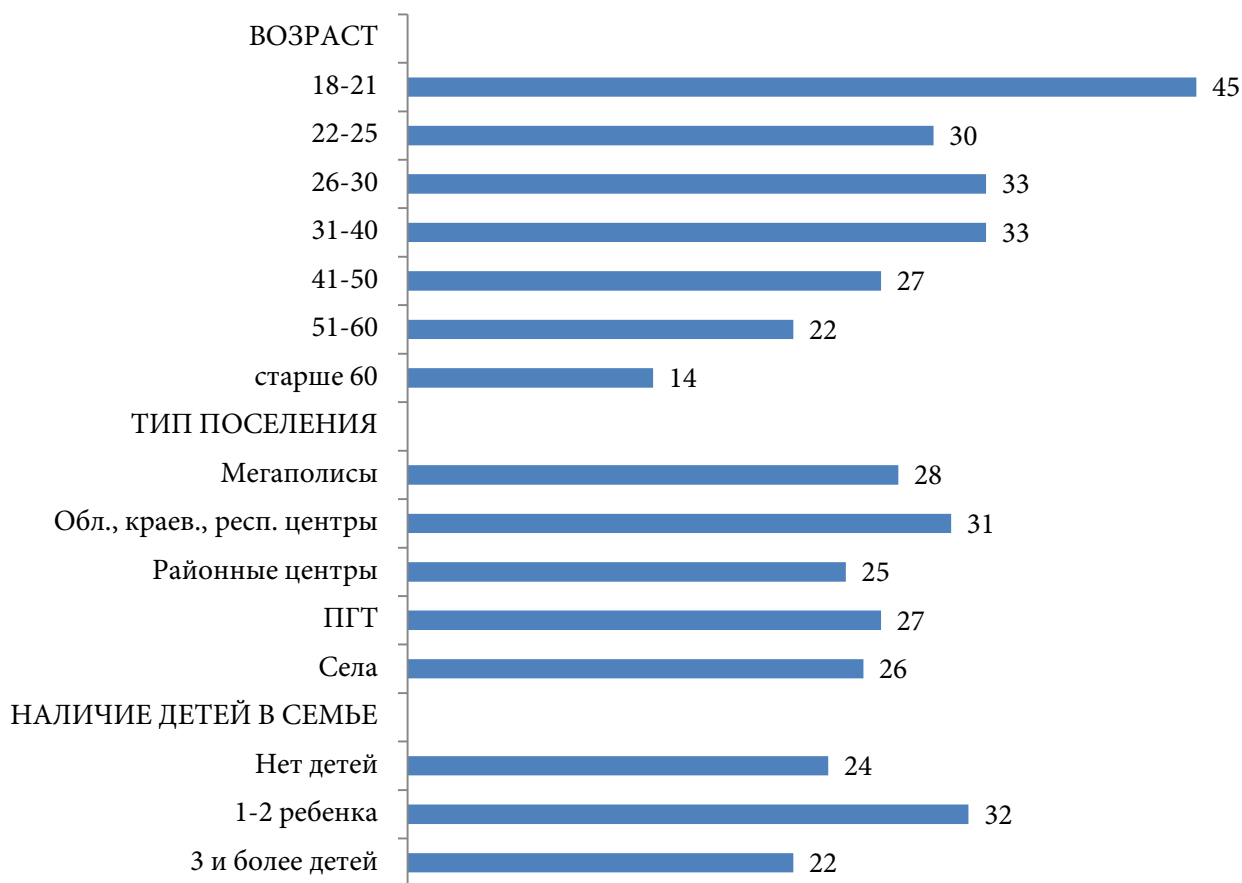

Рис. 10.4. Оценки досуга как признака бедности представителями различных социально-демографических групп бедных, 2013 г., %
(допускалось до пяти ответов)

Россия по-прежнему «читающая страна» — 41% наших сограждан в свободное время читают газеты и журналы, 37% читают книги, слушают музыку и смотрят видео. Столь же популярны среди россиян (37%) такие «простые радости» как прогулки, проведение времени на природе. Значительную роль в досуговых практиках опрошенных играют также занятия с компьютером, в том числе Интернет и компьютерные игры (30%).

Заметно меньшее место в структуре досуга россиян занимают, однако, такие культурные практики как посещения театров и концертов (18%), популярность же проведения свободного времени на выставках и вернисажах, в музеях ещё ниже (8%). Так и не привелось пока в России как массовая форма проведения свободного времени посещение кафе, баров и ресторанов (13%), хотя они сегодня всё же популярнее досуга в ночных клубах, на дискотеках (8%).

Немало россиян отдают свое свободное время различным хобби (16%), а вот ранее популярные занятия в кружках и клубах по интересам сегодня практически полностью растеряли свою аудиторию (3%). Многие наши сограждане на досуге занимаются здоровьем, поддержанием фигуры, посещая спортклубы, секции, тренировки (11%).

Особая тема — посещение церкви, религиозных собраний. Их сегодня практикуют 11% россиян. При этом религиозные собрания в разы популярнее каких бы то ни было кружков, объединений по интересам, политических организаций, молодежных объединений (по 2-4%).

Динамика данных за последние годы показывает, что в досуговой активности населения произошли заметные изменения. Отмечается снижение распространённости многих практик так называемого «домашнего досуга» просмотр

телевидения и слушание радио, занятия домашним хозяйством, чтение периодики и книг, слушание музыки и просмотр видео. При этом, однако, нельзя сказать, что мы наблюдаем откат от индивидуализации и «одомашнивания» досуга. Для многих досуг все также крепко привязан к дому как и раньше, только теперь инструментом, который может заменить многое из вышеперечисленного, становится компьютер и Интернет. Проведение времени за компьютером, в Интернете сегодня является одним из немногих видов досуга, по которым фиксируется заметный рост — за последние пять лет его аудитория выросла более чем вдвое (с 12 до 30%) (см. рис. 10.5).

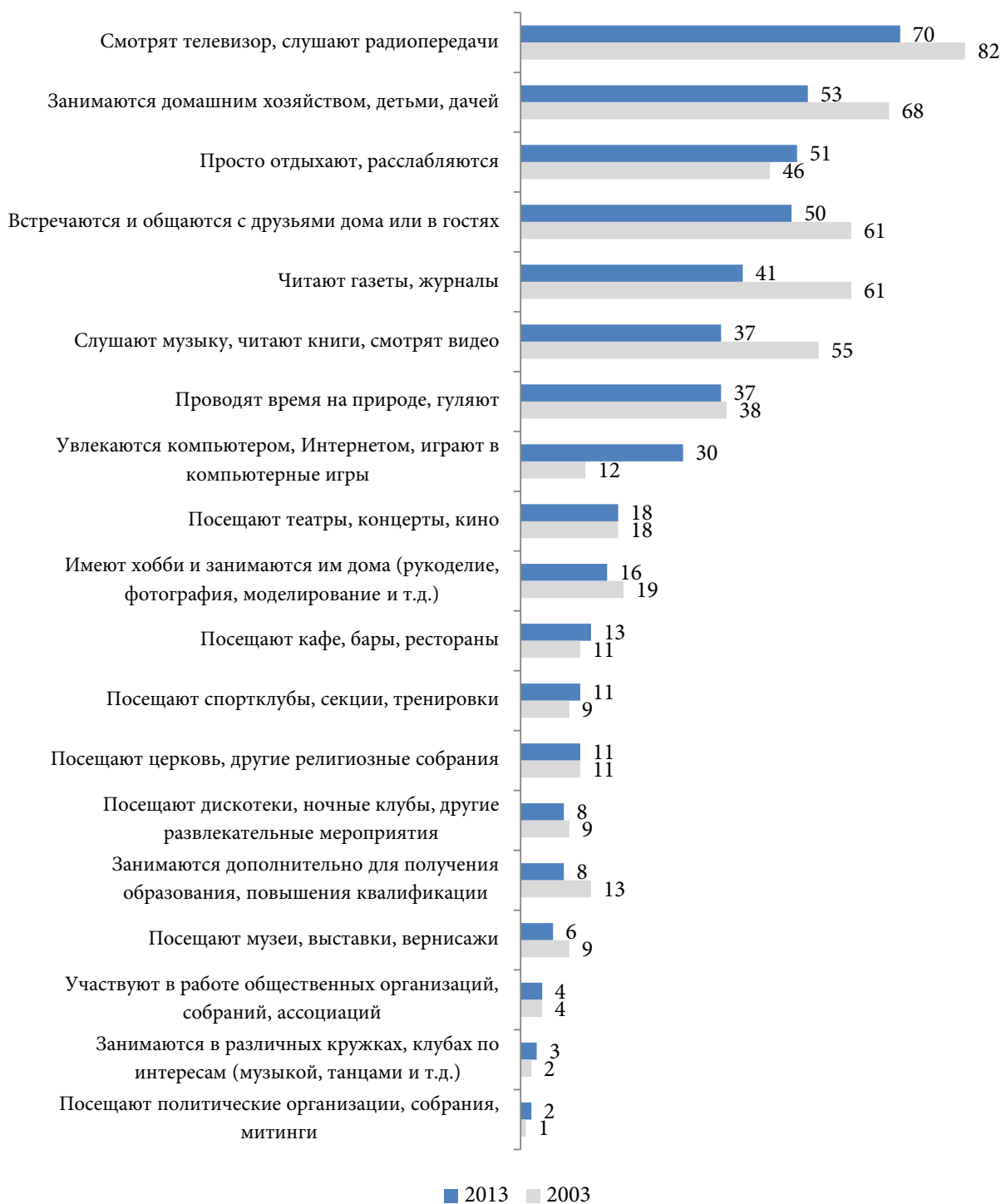

Рис. 10.5. Динамика популярности различных способов проведения россиянами своего досуга, 2003/2013 гг., %
(данные отранжированы по частоте упоминаний в 2013 г.)

Еще один вид досуга, по которому, как видно на рис. 10.5, за последние годы отмечен существенный рост распространенности — это «просто отдых», расслабление. По всей видимости, все большая популярность данного вида отдыха свидетельствует о высокой степени эмоционально-психологической напряженности людей, состоянии усталости и стресса, которые они пытаются преодолевать не путем активной разрядки, а с помощью полного отключения от реальности, физической и психологической релаксации.

С другой стороны, есть некоторая тенденция к распространению досуговых практик, в ходе которых люди проводят свое свободное время вне дома, расширяют среду своего общения. Это касается таких направлений «внедомашнего» досуга как встречи и общение с друзьями, посещение театров и концертов, кафе и ресторанов, спортивных секций. Также в последние годы фиксируется незначительное, но все же увеличение активности участия в работе различных общественных и политических организаций.

На общем фоне досуг бедного населения отличается очень сильно — он намного беднее. По большинству рассматриваемых видов досуга их распространенность в группе бедных ниже, чем в группе благополучных россиян, причем во многих случаях эти отклонения весьма существенны (по 7 позициям они составляют от 12 до 21%). В равной степени с небедными они практикуют только посещение церкви и других религиозных собраний, а также занятия домашним хозяйством и детьми. В результате бедные имеют совсем другой профиль досуговой активности. При безусловном лидерстве в их досуге телевидения (69%), далее с заметным отрывом следуют занятия домашним хозяйством и просто отдых, расслабление (54 и 51%). Следующие по популярности виды досуга — встречи и общение с друзьями, чтение периодики отстают от «лидеров» уже на 14-15% и практикуются лишь примерно третью бедных (36-37%). Далее с 10%-ным отрывом следуют чтение книг и слушание музыки, просмотр видео, прогулки (26-27% упоминаний). Наконец, ещё 10-15% бедных указали, что увлекаются компьютером и Интернетом, посещают церковь и религиозные собрания, имеют хобби. Вторая половина списка возможных видов досуга у бедных практически не задействована. Лишь очень немногие посещают театры, концерты, кино, кафе, бары и рестораны, спортклубы, получают в свободное время дополнительное образование (3-5%). Наконец, распространение среди бедных таких досуговых практик как участие в работе общественных организаций, посещение музеев, выставок и вернисажей, посещение дискотек и ночных клубов, занятия в кружках по интересам, участие в деятельности политических организаций и вовсе сведено к 1-2% (см. рис. 10.6).

Ограниченность досуга бедных связана не только с финансовыми трудностями. Так, различия на 22-24% (одни из самых значимых) отмечены в отношении слушания музыки и чтения книг, чтения периодики, встреч и общения с друзьями, прогулок на природе — т. е. видов досуга, доступных сегодня людям практически любого уровня обеспеченности. Очевидно, что скудость досуга, вызванная отчасти и особенностями их образовательного уровня, приобретает у бедных характер неотъемлемой черты образа жизни, а не просто трудностей, вызванных нехваткой денег. *Постоянная борьба за выживание, сконцентрированность на собственном бедственном положении (что очень ярко подтверждается данными о эмоционально-психологическом состоянии бедных) сужает их жизненный кругозор, ослабляет интерес к разнообразию впечатлений и саморазвитию.*

Рис. 10.6. Распространенность разных способов проведения досуга среди бедных и небедных россиян, 2013 г., %
(данные отранжированы по упоминаниям бедными)

Динамика распространённости среди бедных различных видов досуга свидетельствует, что нынешняя ситуация — результат долгосрочной тенденции на ухудшение досуговой сферы жизни беднейших слоев российского населения. Самое большое сужение аудитории за последние десять лет наблюдаются в отношении таких видов досуга как чтение книг, просмотр видео и слушание музыки (с 52 до 26%), чтение периодики (с 61% в 2003 г. до 36% в 2013 г.). Возможно, те, для кого в большей степени были характерны эти виды досуговой активности, за последнее десятилетие уже вышли из бедности или же просто утратили к ним интерес, приняв новый образ жизни и отказавшись от старых привычек. Существенное сокращение зоны распространённости фиксируется также в отношении встреч и общения с друзьями (с 59 до 37%), просмотра телевидения и слушания радио (с 83 до 69%), занятий домашним хозяйством (с 68 до 54%), прогулок и проведения времени на природе (с 37 до 27%). Обратим внимание, что все вышеперечисленные виды досуга отличаются тем, что не требуют больших финансовых затрат.

При этом данное падение не компенсируется ростом популярности других видов досуга, за исключением довольно скромного расширения среди беднейших слоёв населения простого отдыха, расслабления (с 45 до 51%) и Интернет-практик (с 10 до 15%) (см. рис. 10.7). То, что отказ от различных досуговых практик не связан с материально-финансовыми причинами, т. е. не является вынужденным, подтверждает вышеуказанную тенденцию и свидетельствует, по всей видимости, о развитии у российских бедных состояния апатии и депрессии, когда пропадает интерес и потребность в том, чтобы делать свою жизнь насыщенной и интересной. В результате можно ожидать дальнейшего сужения круга общения бедных, потери ими старых друзей и несоздания новых социальных связей и отношений, замыкания в своем «сером мире», а, в конечном счете — и падения культурного уровня и социальной деградации значительной части населения страны.

Рис. 10.7. Динамика популярности среди бедных различных способов проведения респондентами своего досуга, 2003/2013 г., %
(данные отранжированы по частоте упоминаний в 2013 г.)

Направленность досуговой активности, то есть содержательная сторона наполнения свободного времени, является важным типологизирующим фактором, определяющим специфику и качество свободного времени той или иной социальной группы. Можно выделить три основных типа реальной досуговой активности. Самые распространенные и не требующие никаких дополнительных затрат домашние формы проведения свободного времени (телевизор, радио, хозяйственные заботы или просто ничегонеделание) при отсутствии любой досуговой активности вне дома представляют собой самый простой тип досуговой активности. На сегодняшний день *доля «простых» форм досуга и отдыха составляет в России 13%* именно столько наших сограждан не выходят за рамки этих простейших видов проведения своего свободного времени.

Добавление к этим домашним занятиям тех или иных увлечений, включая чтение периодики, книг, слушание музыки, занятия компьютером и другие хобби, проведение времени на природе, более активное общение, направленное на пребывание вне семьи, встречи с друзьями, посещение церкви, обогащает свободное время и несёт в себе определённый развивающий компонент. Оставаясь домашним по своей сути, такой тип досуга более разнообразный и интересный, чем простое сидение перед телевизором и домашние хлопоты, и в целом наиболее **«традиционный»** для России, поскольку именно его практикует подавляющее большинство населения. В целом сегодня *традиционные формы заполнения свободного времени практикуют относительное большинство россиян — 48%*. Эта часть населения, в свою очередь, распадается на две подгруппы. Во-первых, это те, кто дополняет «простейший досуг» чтением периодики, книгами, музыкой, прогулками на природе, а также такими «домашними хобби», как рукоделие, фотография и т. д. Их досуг остается в целом домашним, но носит более разнообразный и содержательный характер. *Такой «традиционный домашний» досуг предпочитают 14% опрошенных.* Заметно больше тех, кто в свое свободное время не ограничивается рамками дома, а предпочитает те или иные виды общения — Интернет-сообщества, друзья, религиозные сообщества. *Такой традиционный, но направленный на общение досуг свойственен 34% россиян.*

Однако та часть населения, которая использует только простые или традиционные формы заполнения свободного времени, остается не в состоянии проявлять активное социальное, политическое и культурное участие вне дома, являющееся признаком полноценности и разносторонности досуга, важным условием высокого качества жизни. **Активный** досуг, о котором идет речь как о важнейшем показателе качества жизни, начинается только при условии расширения спектра досуговых предпочтений за счёт внедомашних видов культурной, развлекательной, рекреационной, общественной или иной деятельности, дополнительного образования и т. д. Посещение кино, театров, музеев, концертов, клубов, кафе и т. п., включенность в деятельность общественно-политических институтов, любая другая социальная активность вне дома требуют заметных дополнительных затрат (как материального, так и интеллектуального плана). Однако именно это и придает социальной жизни людей наибольшую полноту. Поэтому «активный» тип досуга, венчающий собой иерархическую лестницу типологии досуговой активности, наиболее богат, разнообразен и социально привлекателен¹. Такой «продвинутый», *активный внедомашний* досуг с характерным для него множеством развивающих, развлекających, культурных, рекреационных, общественных компонентов практикуют 39% россиян.

¹ Данный подход к анализу досуговой активности населения был разработан Н. М. Давыдовой.

В группе сторонников активного досуга можно выделить три подгруппы. Для первой характерен досуг, предполагающий дополнение традиционных досуговых «жанров» такими «лёгкими жанрами» как развлечения и спорт — посещение дискотек и ночных клубов, кафе и баров, а также кружков и клубов по интересам, спортивных залов и т. п. Этот активный, направленный на развлечения и спорт, досуг, присущ 13% наших сограждан. Второй тип активного досуга — это активный досуг, ориентированный на саморазвитие человека, его культурное и интеллектуальное самосовершенствование. Являющиеся его приверженцами люди посвящают своё свободное время театрам и концертам, музеям и выставкам, а также дополнительному образованию. Таковых насчитывается 21%. Наконец, третий тип активного досуга — это досуг, в ходе которого человек проявляет себя как активный гражданин, отдающий свое свободное время общественному участию, в том числе в работе различных общественных собраний и ассоциаций или работе политических организаций. Распространенность активного досуга с общественным участием по результатам исследования можно оценить в 5%.

Типологизация досуга как нельзя ярко демонстрирует отличия в досуге бедных российских семей от досуга благополучной части общества. Самый простой, практически «растительный» вид досуга (телевизор, домашнее хозяйство и просто ничегонеделание) распространен среди 25% бедных респондентов, т. е. встречается у них втрое чаще, чем в группе небедных (8%). Традиционный досуг — несколько более разнообразный и содержательный — характерен для большинства бедных (60% при 43% у благополучных). Что же касается активного досуга, то среди бедных его практикуют в целом не более 15%, тогда как среди небедных этот тип досуга, отличающийся направленностью на развитие человека в самых разных сферах, практикует почти половина (49%) (см. рис. 10.8).

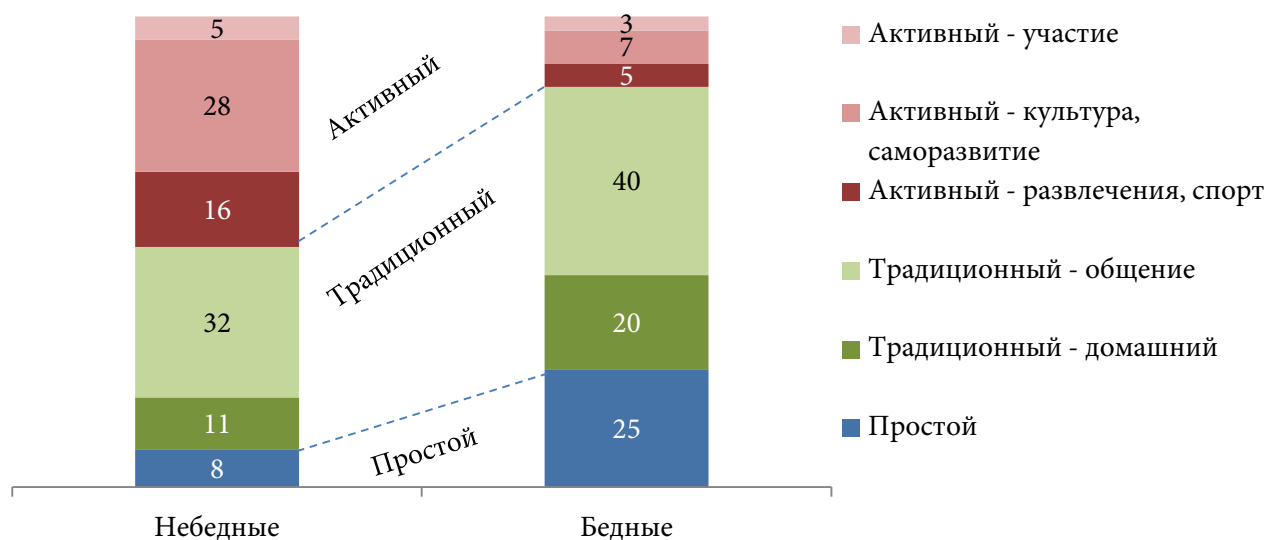

Рис. 10.8. Распространенность основных типов досуга по признаку его содержательной направленности среди бедных и небедных россиян, 2013 г., %

Любопытно, что бедные, выделенные по критерию доходов, отличаются от бедных «по лишениям» несколько более высоким уровнем распространенности активного типа досуга. Если среди бедных «по лишениям» активный досуг зафиксирован только среди 10%, то в группе бедных «по доходам» распространенность активного досуга составляет 15%.

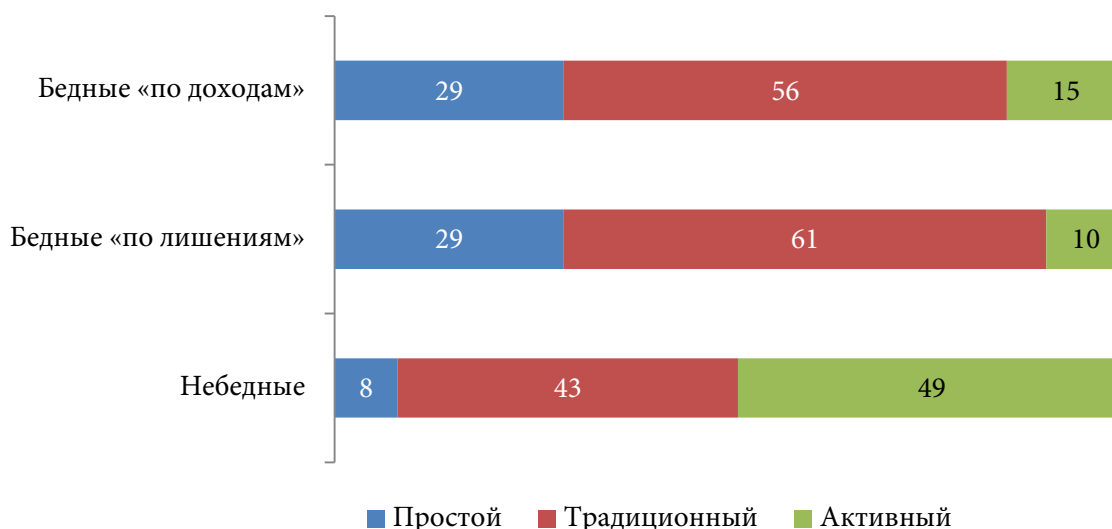

Рис. 10.9. Распространенность основных типов досуга по признаку его содержательной направленности среди бедных, выделенных «по доходам» и «по лишениям», и небедных россиян, 2013 г., %

Необходимо подчеркнуть, что многие виды досуга, входящие в его активный тип, предполагают финансовые затраты (посещение спортивных залов, театров и концертов, музеев и выставок, дискотек и ночных клубов, кафе и баров, а также дополнительное образование). Поэтому невысокая доля активного типа в структуре досуга бедных ожидаема и естественна для этой группы. Другое дело — досуг традиционный, в том числе направленный на общение. Он малозатратен, и отказ от него не является для бедных вынужденной мерой. В то же время, возможности, которые этот тип досуга предоставляет наряду с физической и эмоциональной разрядкой, — поддержание и расширение круга общения, приобретение новых знакомств и связей, повышение интеллектуального и культурного уровня — очень важны для бедных. Это своеобразные капиталовложения людей в самих себя и своих близких, инструмент повышения ресурсной базы группы, ее человеческого капитала. Как уже отмечалось выше, доля приверженцев этого типа досуга среди беднейшей части российских бедных даже выше, чем среди небедных (60% против 43% соответственно). Таким образом, у российских бедных существует определенный потенциал улучшения положения и преодоления/ослабления некоторых эксклюзий с помощью расширения досуговых практик традиционного типа. И все же многие бедные остаются в зоне простого досуга (25%).

Для характеристики досуга как важнейшей сферы повседневной жизни населения важно понимать не только его содержательную направленность, но и степень его насыщенности, видовое разнообразие. Действительно, трудно назвать полноценным досугом сведение всего свободного времени человека только к одному-двум видам деятельности, даже если это посещение театров или участие в деятельности политической организации. Чем разнообразнее досуг, чем шире круг общения и интересов человека, тем эффективнее используется его свободное время, поскольку позволяет ему снять накопившийся стресс, восстановить силы, полноценно отдохнуть. Узконаправленный же досуг не несет в себе подобного рекреационного заряда, превращается в рутину.

Анализ полученных данных показывает, что большинство россиян имеют насыщенный досуг, в котором представлено три и более вида досуговой активности. При этом каждый второй (50%), как правило, отдает свободное время

трем-пяти видам досуга, а еще 32% имеют досуг очень насыщенный, включающий шесть и более видов деятельности. В то же время, существует группа людей, досуг которых беден, мало насыщен — по данным опроса к этой группе относится каждый пятый россиянин. *По сравнению с 2003 г. нынешняя ситуация с точки зрения насыщенности и разнообразия досуга россиян несколько ухудшилась — выросла доля бедного досуга (с 11 до 19%) и, напротив, сократилась доля разнообразного, высоконасыщенного досуга.*

Эта тенденция характерна для всех социальных групп общества, в том числе бедных. Однако процесс обеднения досуга последних идет гораздо более быстрыми темпами, чем у небедного населения. Если в 2003 г. ненасыщенным досугом характеризовались 12% российских бедных, то сейчас он отличает досуг каждого третьего представителя этой группы (33%). Более трети бедных (39%) десять лет назад практиковали высоконасыщенный досуг, тогда как сегодня им могут похвастаться лишь 15% (см. рис. 10.10).

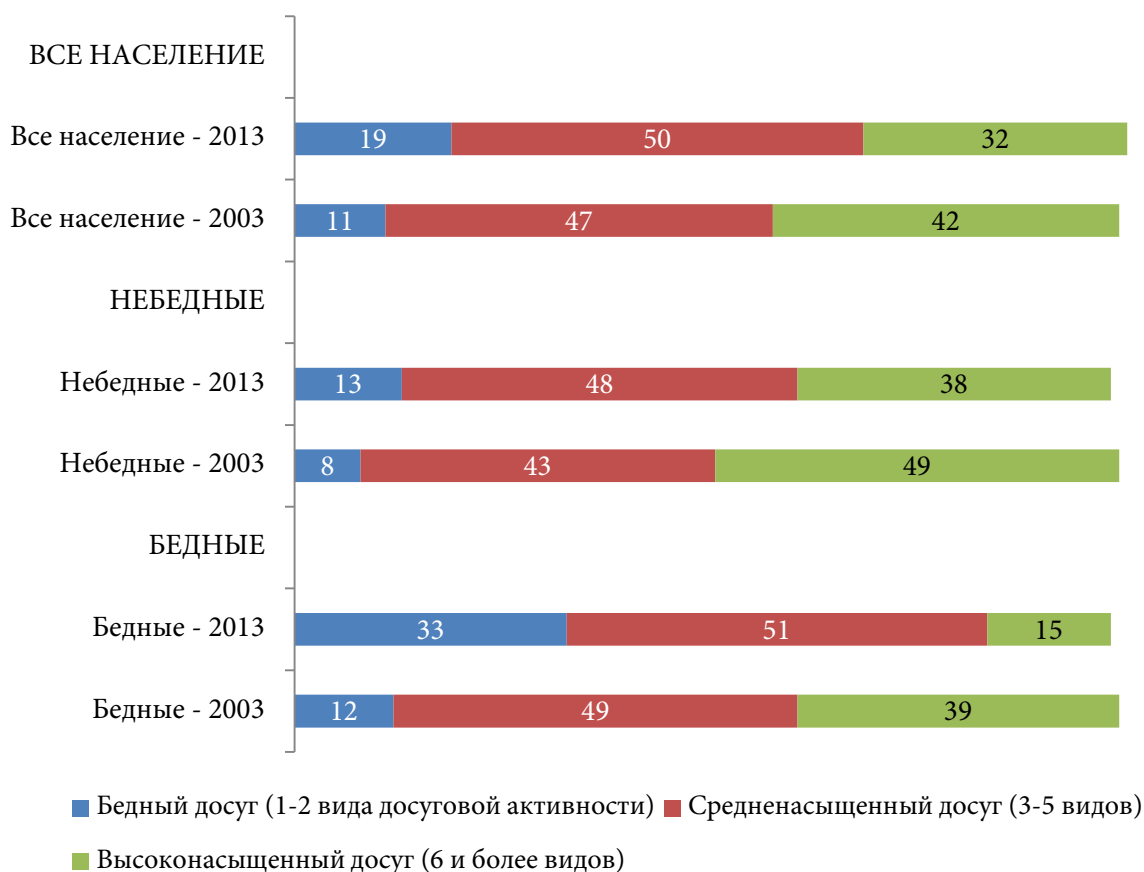

Рис. 10.10. Динамика количества практикуемых видов досуговой активности среди всего населения, бедных и небедных россиян, 2003-2013 гг., %

Узкий спектр видов досуговой активности характерен практически для всех социально-демографических групп бедных. Несколько большей активностью с точки зрения количества практикуемых видов досуга отличаются бедные «по доходам» (см. рис. 10.11).

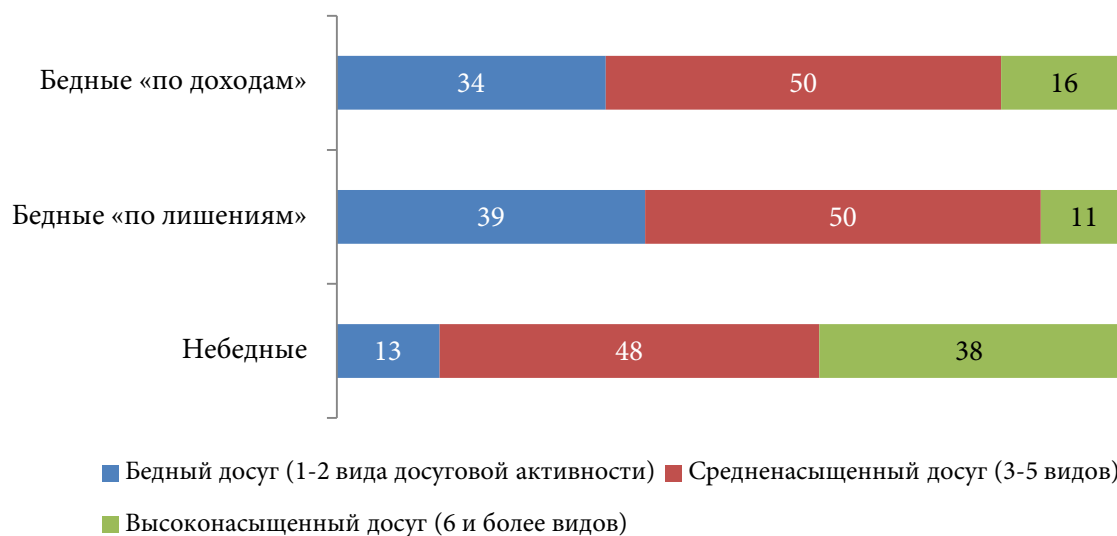

Рис. 10.11. Распространённость количества практикуемых видов досуговой активности среди бедных и небедных, 2013 г., %

Как видно из показателей, среди них 16% практикуют высоконасыщенный досуг, тогда как среди бедных «по лишениям» он встречается только среди 11%. При этом в досуговом «портфеле» бедных «по доходам» чаще встречаются разные виды досуга: как самые простые (занятия домашним хозяйством, просмотр телевидения и слушание радио), так и более «продвинутые» (встречи и общение с друзьями, Интернет, занятия в кружках и клубах по интересам, музыка, книги и видео, посещение кафе, баров и ресторанов). По всей видимости, этот всплеск досуговой активности характерен для «новых бедных», низкие доходы которых еще не успели сформировать новый образ жизни, характеризующийся множественными лишениями, в том числе и в досуговой сфере. Это еще раз доказывает наличие у бедных, даже ограниченных по средствам, возможности разнообразить свой досуг, разумеется, при условии, что к такому разнообразию есть интерес и жизненные силы для его организации и реализации.

11. Бедные в России: отношение к власти, политическое участие, протестный потенциал

Многоликость, гетерогенность российской бедности, о которой было сказано выше, в качестве одного из важных своих следствий имеет то, что *бедные не являются сегодня в России самостоятельным субъектом социально-политической активности, формирующим особую повестку дня*. Тем не менее, жизнь бедных семей в современной России отличается от жизни всех остальных россиян материальными и нематериальными лишениями, что не может не сказываться на их оценке окружающей реальности вообще и тех изменений, которые произошли в стране за последнее «путинское десятилетие» (2003–2013 гг.), в частности.

Как показал опрос, оценки обществом эпохи «нулевых» в целом носят умеренно позитивный характер, хотя, как это следует из сопоставления показателей в динамике, отношение к предварительным итогам ее становится менее однозначным, и респонденты все чаще выбирают позицию «все осталось таким же, как и раньше». Тем не менее, баланс оценок «улучшение — ухудшение», в большинстве случаев — в пользу «улучшения». Так, россияне скорее со знаком плюс оценивают изменения, касающиеся состояния российской экономики, уровня жизни населения, положения с безработицей, своевременной выплатой зарплат, пенсий, пособий и т. п. Также позитивно оценивается международное положение страны, эффективность госуправления, положение в армии. Неоднозначно воспринимается деятельность В. Путина в сферах развития демократии и обеспечения безопасности граждан (и в том и в другом случае голоса разделились: 20% «за», столько же «против» при 60% неопределившихся). Ухудшение ситуации респонденты фиксируют в трех сферах — это морально-психологический климат в стране, ситуация в правоохранительных органах и борьба с коррупцией (см. таблицу 11.1).

Если же сравнивать показатели 2013 г. с оценками респондентов десятилетней давности, то здесь опрос зафиксировал разнонаправленность оценок состояния российской экономики и уровня жизни населения. В первом случае отмечается ухудшение баланса позитива и негатива (снижение с отметки +27 до +13), а во втором, напротив, заметное улучшение — (с -5 до +21). Именно опережающий рост доходов граждан страны на фоне депрессивной экономики тревожит сегодня не только население, но и многих экономистов.

Таблица 11.1

Динамика оценок россиянами изменений положения дел в различных сферах жизни общества за период нахождения В. Путина у власти, %

Направления	Среди всех опрошенных		Бедные		Небедные	
	2003	2013	2003	2013	2003	2013
Общее состояние российской экономики						
Улучшилось	41	30	32	19	49	33
Осталось таким же	45	53	45	61	43	53
Ухудшилось	14	17	23	20	8	14
Уровень жизни населения						
Улучшилось	23	37	13	19	27	42
Осталось таким же	49	47	48	54	54	45
Ухудшилось	28	16	39	27	18	13
Своевременность выплат зарплат, пенсий и социальных пособий						
Улучшилось	67	56	63	44	70	58
Осталось таким же	27	38	28	47	25	37
Ухудшилось	6	5	9	9	5	4
Положение с безработицей						
Улучшилось	22	29	18	15	23	33
Осталось таким же	56	53	52	59	61	50
Ухудшилось	22	18	29	26	17	17
Безопасность граждан						
Улучшилось	7	20	6	13	8	23
Осталось таким же	57	60	50	64	61	60
Ухудшилось	36	20	44	23	31	17
Международное положение страны						
Улучшилось	52	38	46	31	56	41
Осталось таким же	33	51	36	62	31	49
Ухудшилось	15	10	18	7	13	10
Общий психологический климат в стране						
Улучшилось	28	21	19	10	31	23
Осталось таким же	45	53	45	60	48	52
Ухудшилось	27	26	36	30	21	25
Права и свободы граждан, развитие демократии в стране						
Улучшилось	17	20	15	12	19	22
Осталось таким же	64	60	65	70	61	58
Ухудшилось	20	20	20	18	20	20

Продолжение таблицы 11.1

Направления	Среди всех опрошенных		Бедные		Небедные	
	2003	2013	2003	2013	2003	2013
Эффективность государственного правления страной						
Улучшилось	33	28	26	17	35	31
Осталось таким же	51	55	55	66	53	54
Ухудшилось	16	16	19	17	12	15
Ситуация на Северном Кавказе						
Улучшилось	23	35	22	33	23	37
Осталось таким же	58	51	57	52	59	51
Ухудшилось	19	13	21	14	18	12
Положение в армии						
Улучшилось	11	31	9	23	11	31
Осталось таким же	54	50	50	55	56	50
Ухудшилось	36	19	41	22	32	18
Положение в правоохранительных органах (суды, МВД, прокуратура)						
Улучшилось	9	23	6	15	11	25
Осталось таким же	56	52	50	55	60	50
Ухудшилось	35	25	45	30	29	24
Борьба с коррупцией						
Улучшилось	9	23	7	17	10	23
Осталось таким же	57	48	50	57	59	48
Ухудшилось	35	29	43	26	31	28

Что же касается группы наиболее бедных россиян, то их взгляд на «путинскую эпоху» носит, как и следовало ожидать, значительно более негативный характер, чем в обществе в целом. В первую очередь, это касается оценок экономической ситуации и социальной сферы. Бедные россияне скорее негативно оценивают перемены в уровне жизни (-8), в общем состоянии российской экономики (-1), в сфере занятости, безработицы (-11), безопасности (-10), общего психологического климата в стране (-17), состояния демократии и прав человека (-5), положения дел в правоохранительных органах (-15), борьбы с коррупцией (-9), и резко негативно оценивают результаты борьбы с бедностью (-40) и восстановление социальной справедливости в стране (-32). Пожалуй, безусловно, позитивных оценок со стороны группы бедных удостоилась лишь международная политика страны (+27), перемены в ситуации в Чечне (+19), своевременность выплат зарплат и пенсий (+35).

Отдавая должное тем позитивным изменениям, которые произошли за последнее десятилетие, большинство россиян, причем, как бедных, так и небедных, полагают, что В. Путину не удалось сделать главное — реализовать принцип «общего блага». С тем, что В. Путин смог победить бедность, согласились лишь 13% опрошенных (7% бедных и 16% небедных). Всего 9% всех опрошенных (5 и 10% соответственно) согласились, что Президент смог обеспечить социальную справедливость, включая возможности социальной мобильности, особенно

для молодых россиян (последнее признали лишь 11% всех опрошенных, среди которых 6% бедных и 14% небедных соответственно). Полученные данные позволяют сделать вывод, что общество, существующее в России — «капитализм для немногих», когда некоторый рост уровня материального благосостояния населения сопровождается сужением «коридора возможностей» для очень многих. Настоящее исследование это еще раз подтвердило (см. рис. 11.1).

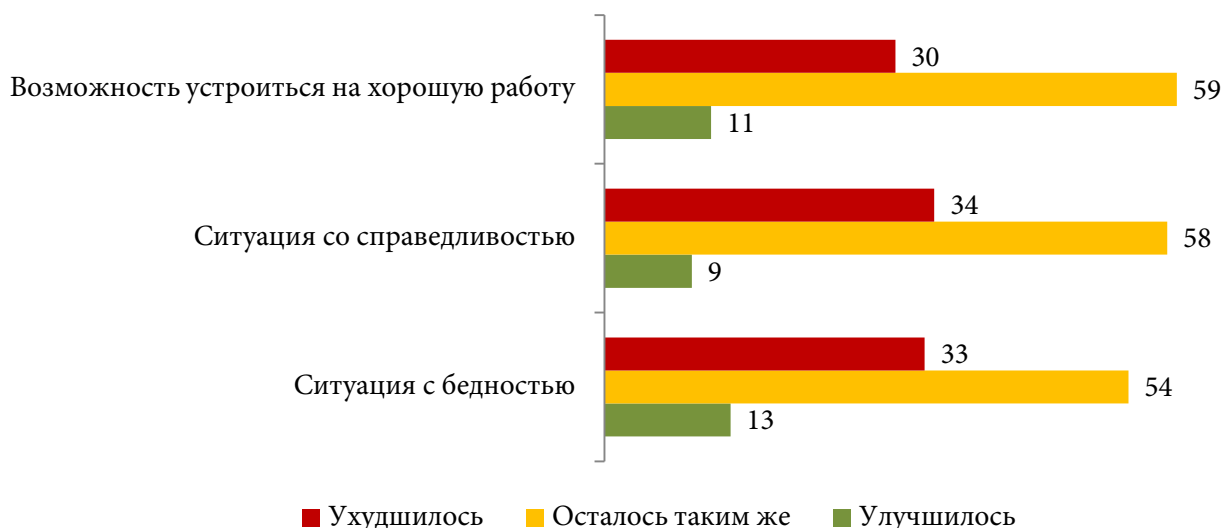

Рис. 11.1. Распределение ответов на вопрос: «Как изменилось положение дел в стране за время пребывания В. Путина у власти?», 2013 г., %

Тот факт, что бедность и несправедливость в первую очередь обусловлены политикой государства в социальной и экономической сферах, подтверждают и данные о существующих в обществе противоречиях. Выше уже отмечалось, что отношение россиян к разного рода неравенствам, определяющимся различиями трудовых усилий, образования, квалификации и т. п., спокойное и даже, в большинстве случаев, позитивное. В то же время, при всей справедливости различий в материальном положении россиян с различной квалификацией и трудовой мотивацией, данные различия, по мнению опрошенных, не должны носить чрезмерного характера, влиять на правовую и судебную защищенность граждан, а правительство должно целенаправленно работать над снижением неоправданно высокой дифференциации доходов, которая сегодня столь высока, что стала угрожать целостности общества.

Однако проблема общественных неравенств, разрывов и противоречий между бедными и богатыми со временем не только не смягчается, но становится все более острой, нетерпимой. Если десять лет назад ее отмечали в числе трех самых острых 44% опрошенных, пять лет назад — 43%, то в нынешнем, 2013 г. — уже 53%. По своей остроте она на 17 пунктов опережает еще одну острейшую проблему нашего времени — национальную, проблему противоречий между русским большинством и нерусскими диаспорами. Значительно уступает в этом списке по своей значимости проблема противоречий между чиновниками и гражданами (30%) или между олигархами и остальным обществом. Конечно, интерпретируя значимость противоречий между богатыми и бедными, нельзя не учитывать того обстоятельства, что опрошенные могли иметь ввиду не только собственно бедных, но и всю многомиллионную массу не дотягивающих до стандартов среднего класса малоимущих россиян, которые, естественно, также являются «бедными» на фоне видимых признаков роскоши, навязчиво демонстрируемой верхами общественной пирамиды. При этом положение собственно бедных становится

объективно все более затруднительным, так как реалии нашего общества становятся все менее приспособленными для них. Это безудержный рост тарифов, значительно опережающий средние показатели инфляции, это вымывание из ассортиментов магазинов дешевых товаров, это фактическое исчезновение бесплатной медицины и частично — бесплатного образования.

При всей остроте переживаний по поводу несправедливости происходящего, современные российские бедные не демонстрируют стремления что-либо менять в окружающей их реальности. Бедные отнюдь не жаждут перемен, предпочитая стабильность (по 71% и среди бедных «по доходам» и среди бедных «по лишениям» против 28% и 29% соответственно). Сторонников перемен среди них даже меньше, чем среди вполне благополучных граждан. Большая их часть (70% среди бедных «по доходам» и 67% среди бедных «по лишениям») традиционно связывают надежды на лучшую жизнь с сильным лидером, «твердой рукой» а не с собственными усилиями, в том числе и посредством политического волеизъявления. Они ценят свободу, прежде всего, как свободу частной жизни (возможность быть самому себе хозяином), чем как набор политических прав и свобод, реализуемых в политическом участии. На этом фоне отнюдь не случайной выглядит поддержка большей частью бедных нынешней власти — по 63% и среди бедных «по доходам» и среди бедных «по лишениям» против 34% соответственно, несмотря на то, что власть им нравится далеко не во всех ее проявлениях. Необходимо отметить, что практически по всем позициям, за исключением ориентации на «твердую руку», мнение рассматриваемых групп населения мало чем отличается от мнения небедных и общества в целом (см. таблицу 11.2).

Таблица 11.2

Политические установки различных групп россиян в отношении политических свобод, необходимости перемен и поддержки власти, %

Альтернативные суждения, из которых осуществлялся выбор	Среди всех опрошенных	Бедные		Небедные
		По доходам	По лишениям	
России необходима «твердая рука», которая наведет в стране порядок	63	70	67	60
Политические свободы, демократия – это то, от чего нельзя отказаться ни при каких обстоятельствах	37	29	33	39
Затруднились ответить	0	1	0	1
Страна нуждается в стабильности, это важнее чем перемены	69	71	71	67
Страна нуждается в переменах, новых реформах, даже если эти перемены связаны с риском утраты стабильности	31	28	29	33
Затруднились ответить	0	1	0	0
При всех своих недостатках нынешняя власть все-таки заслуживает поддержки	69	63	63	73
Нынешняя власть должна быть заменена, во что бы то ни стало	29	34	34	25
Затруднились ответить	2	3	3	2

Многие исследователи объясняют подобного рода оценки отсутствием устойчивой демократической традиции в России. Другие обращают внимание на многолетнюю кампанию развенчания либерализма, считая апологию самовласти чуть ли не высшей ценностью особой русской цивилизации. Но главная причина поддержки населением власти, на наш взгляд, состоит в том, что значительная часть россиян в какой-то момент потеряла веру и в эффективность демократических институтов, и в собственную способность оказывать влияние на происходящие в стране процессы. Это касается возможности влиять и на институт выборов, и на партии и профсоюзы, медиа, судебную систему и т. д. В целом подобный скепсис до сих пор не преодолен. В результате политика все больше начинает восприниматься как отчужденная от общества сфера деятельности «политического класса» и его непосредственного окружения (активистов и волонтеров политических партий, работников СМИ, аналитиков, имиджмейкеров и т. д.). Особенно это касается бедных, для которых приоритетным остается поддержание более-менее достойного уровня и качества жизни, тем более, что возможности здесь, если и увеличились, то отнюдь не для всех. В рамках данной точки зрения можно констатировать, что политика, полноценный досуг, общественная самодеятельность, путешествия и т. п. в современной России — привилегия меньшинства. Удел же всех остальных — работа и дом, а дома — телевизор. И нельзя сказать, что такое положение дел для всех неприемлемо. В России впервые за многие десятилетия, если не столетия, появилась частная жизнь, а граждане страны получили свободу выбора между участием и не участием. Судя по нынешнему уровню политической и прочей активности, многие «правом на неучастие» воспользовались в полной мере.

Доля тех, кто лично участвует в политической жизни, не изменилась за минувшее десятилетие, оставшись на отметке 2%. Причем эта цифра идентична и для бедной, и для небедной части населения. Количество респондентов, внимательно следящих за политикой, за это же время снизилось с 31% до 24%, в том числе среди бедных — с 29% до 12%. А число тех, кто совсем не интересуется политикой, выросло с 34% до 46%, среди бедных — с 37% до 61%. Данные факты, наряду с уже обозначенными выше результатами исследования, свидетельствуют о *нарастающем отчуждении большей части россиян, особенно представителей средней и нижней части общественной пирамиды, и от политики, и от общественной жизни в целом* (см. таблицу 11.3).

Таблица 11.3

Динамика интереса к политике различных групп общества, 2003–2013 гг., %

«Скажите, пожалуйста, интересуетесь ли Вы политикой?»	Среди всех опрошенных			Бедные			Небедные		
	2003	2008	2013	2003	2008	2013	2003	2008	2013
Варианты ответа									
Лично участвовал(а) в течение последнего года в политической деятельности (в работе политических партий, митингах, демонстрациях, забастовках)	2	1	2	2	1	2	1	2	2
Внимательно слежу за информацией о политических событиях в стран	31	26	24	29	22	12	31	30	26
Внимательно за информацией о политических событиях не слежу, но изредка обсуждаю их с друзьями, родственниками	34	35	28	32	26	24	37	37	30
Политикой не интересуюсь	34	38	46	37	51	61	31	31	42

Присущая в настоящее время российскому обществу политическая пассивность и социальная инертность проявляется даже в гипотетических форс-мажорных обстоятельствах. В случае существенного ухудшения социально-экономической ситуации в стране практически каждый второй россиянин либо никак не отреагирует на это, либо даже не задумывается, что ему в таком случае предпринять. При этом стратегии бедных в целом не слишком значительно отличаются от аналогичных стратегий россиян в целом, хотя и более пассивны. Так, 37% россиян в случае ухудшения своей жизни намерены искать дополнительные заработки, а для бедных аналогичный показатель составляет лишь 26%. Впрочем, учитывая ограниченный спектр возможностей, которые им предлагает в этом отношении современное российское общество, это неудивительно. Времена, когда бедняки, безработные и пенсионеры массово перепродавали батоны из булочной, остатки семейных сервизов и картошку со своего огорода — прошли. Многие виды приработка, популярные в 1990-е годы, либо запрещены, либо сильно ограничены, либо «оккупированы» членами нерусских диаспор. Отсюда заметное снижение надежды на новую работу у всех категорий опрошенных. Еще раз подтвердился низкий уровень социальной мобильности бедных слоев населения. Переехать в другой регион России или другую страну готовы 3 и 1% опрошенных соответственно. Для сравнения — среди небедных групп таких почти каждый десятый.

Обращает на себе внимание рост, хоть и небольшой, числа тех, кто готов связывать решение своих жизненных проблем с протестными формами активности (митингах, демонстрациях, голодовках). И, напротив, фиксируется отсутствие какого-либо доверия к институциональным формам политического участия: вступить в политические партии для защиты своих интересов готовы лишь 2% среди всех опрошенных и менее 1% бедных. Аналогичные выводы можно сделать и в отношении профсоюзных организаций, надежды на которые возлагают лишь единичные участники опроса. О своей готовности «идти на баррикады», отстаивать свои интересы с оружием в руках заявляют 3% опрошенных (см. таблицу 11.4).

Таблица 11.4

**Динамика представлений россиян о том, как они готовы реагировать в случае
значительного ухудшения своей жизни (жизни своей семьи), 2013 г., %
(допускалось 2 варианта ответа)**

Варианты ответа	Среди всех опрошенных		Бедные		Небедные	
	2003	2013	2003	2013	2003	2013
Вступлю в какую-либо политическую партию для защиты своих интересов	2	2	3	0	2	3
Буду отстаивать свои интересы через профсоюзные организации	4	5	4	2	4	5
Приму участие в митингах, демонстрациях, голодовках	5	6	7	9	4	6
Возьмусь за оружие для отстаивания своих интересов	6	3	5	3	6	3
Приму решение о переезде в другой регион страны	3	4	2	3	4	4

Продолжение таблицы 11.4

Варианты ответа	Среди всех опрошенных		Бедные		Небедные	
	2003	2013	2003	2013	2003	2013
Приму решение о выезде из России в другую страну	4	3	4	1	6	5
Буду искать дополнительные источники заработка	44	37	38	26	52	39
Никак не буду реагировать, буду терпеть дальше	4	3	8	8	1	2
Что-то предприму, но что, ещё не решил(а)	33	37	30	38	37	36
Ничего предпринимать не буду	6	20	8	21	4	17

В то же время, широко тиражируемый сегодня тезис о консервативном, лоялистском путинском большинстве, верен лишь отчасти. Уже отмечалось, что бедные слои населения недовольны многими действиями нынешних властей, в результате чего растёт декларируемая ими «протестная готовность». Кроме того, как видно из данных таблицы 11.5, 4% россиян лично уже участвовали в разного рода уличных акциях. На первый взгляд, это немного, однако, по оценкам некоторых экспертов, даже 1-2% «пассионариев» обладают мультиплицирующим эффектом, способным побудить к активным действиям еще 5-7% населения — тем более, что более трети опрошенных уже сейчас с симпатией относятся к протестным акциям, периодически проходящими в Москве и других городах страны. С неодобрением к «протестам» относятся 15% небедных и лишь 7% бедных «по доходам» и 11% бедных «по лишениям». Впрочем, большая часть представителей бедных, как и население в целом, к протестам относятся с безразличием (52% и 51% соответственно) (см. таблицу 11.5).

Таблица 11.5

Ответ на вопрос «Как Вы лично относитесь к людям, принимающим участие в акциях протеста, митингах, демонстрациях и т. п.?, 2013 г., %»

Варианты ответа	Среди всех опрошенных	Бедные		Небедные
		По доходам	По лишениям	
С одобрением, сами принимают в них участие	4	5	4	4
С одобрением, хотя сами и не принимают в них участие	35	36	34	34
С неодобрением	13	7	11	15
Безразлично, никак	48	52	51	47

Следует также обратить внимание на довольно высокий уровень боевитости и бедной, и небедной молодежи в возрасте 18-21 года. 20% и 10% представителей их соответственно уже участвовали в акциях протеста. Безусловно, за этими цифрами скрывается свойственная молодости бравада. Тем не менее, совершенно очевидно, что у значительной части молодёжи есть основания и для недовольства, и для его выражения в открытых формах, и опыт его проведения. Речь в первую очередь идет об ощущении, которое возникает у очень многих молодых людей, вступающих или недавно вступивших в сознательную жизнь, что карьерную лестницу, по которой они мечтали забраться на максимально возможную высоту, давно уже втянули за собой те, кому удалось забраться по ней раньше. Поэтому

одна из главных причин, выводящих внешне благополучную молодежь на улицы российских городов — это пугающая перспектива многолетнего застоя, сопряженная с резким сужением возможностей личностной самореализации.

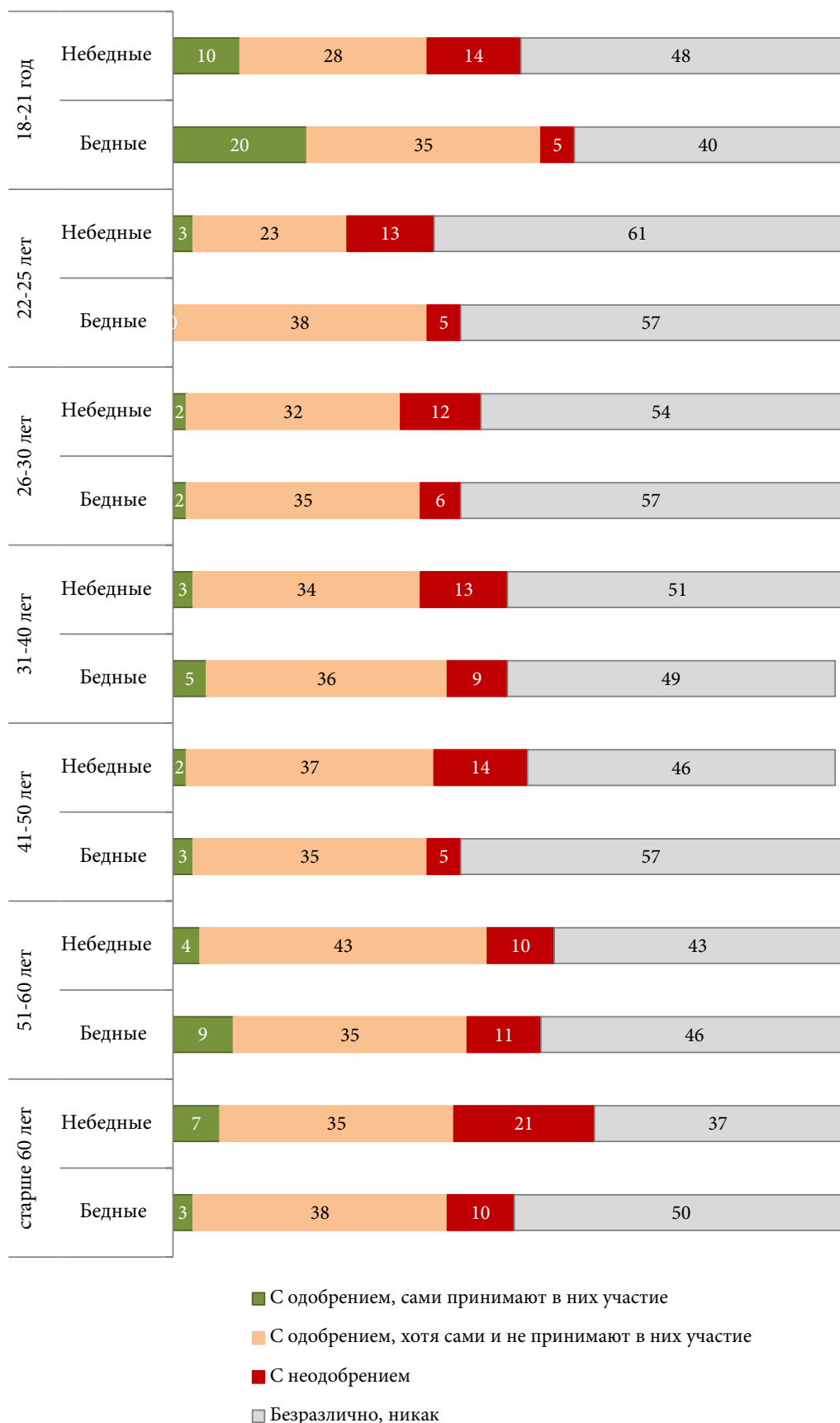

Рис. 11.2. Ответ на вопрос: «Как Вы лично относитесь к людям, принимающим участие в акциях протеста, демонстрациях и т. п.?», 2013 г., %

Миллионы молодых людей, особенно учащаяся молодежь, зарабатывают себе на жизнь, что называется, «по-бразильски» — перехватывая время от времени случайную, краткосрочную работу без каких-либо социальных гарантий. Более того, наметилась тенденция, что такой тип заработка у многих продолжается и после окончания учебы. Особенно это характерно для Москвы, где масштаб и разнообразие «нестандартных» форм занятости столь велик, что начинает восприниматься как норма трудовых отношений.

Кроме того, наша столица за последние 5-7 лет как «пылесос» всосала в себя весьма значительную часть активной, амбициозной молодежи из других регионов страны и очень быстро из «сытого» и спокойного города стала городом сверхполитизированным, во всяком случае, по сравнению с другими регионами страны (см. выше рис. 11.2).

Характерно и то, что в случае прямого столкновения власти и оппозиции готовность поддержать оппозицию значительно интенсивнее проявляются как раз на нижних этажах общественной пирамиды (см. рис. 11.3). Впрочем, подавляющее большинство поддерживающих оппозицию в случае конфликта её с властью останется дома и по телевизору будет наблюдать «чья возьмет». И если победит власть, то на ближайших выборах они пойдут и за нее проголосуют. Но и в данном вопросе «сердитая молодежь» из небогатых семей готова к решительным действиям. Причем вряд ли это будут цивилизованные формы отстаивания своих социально-экономических интересов (см. рис. 11.3).

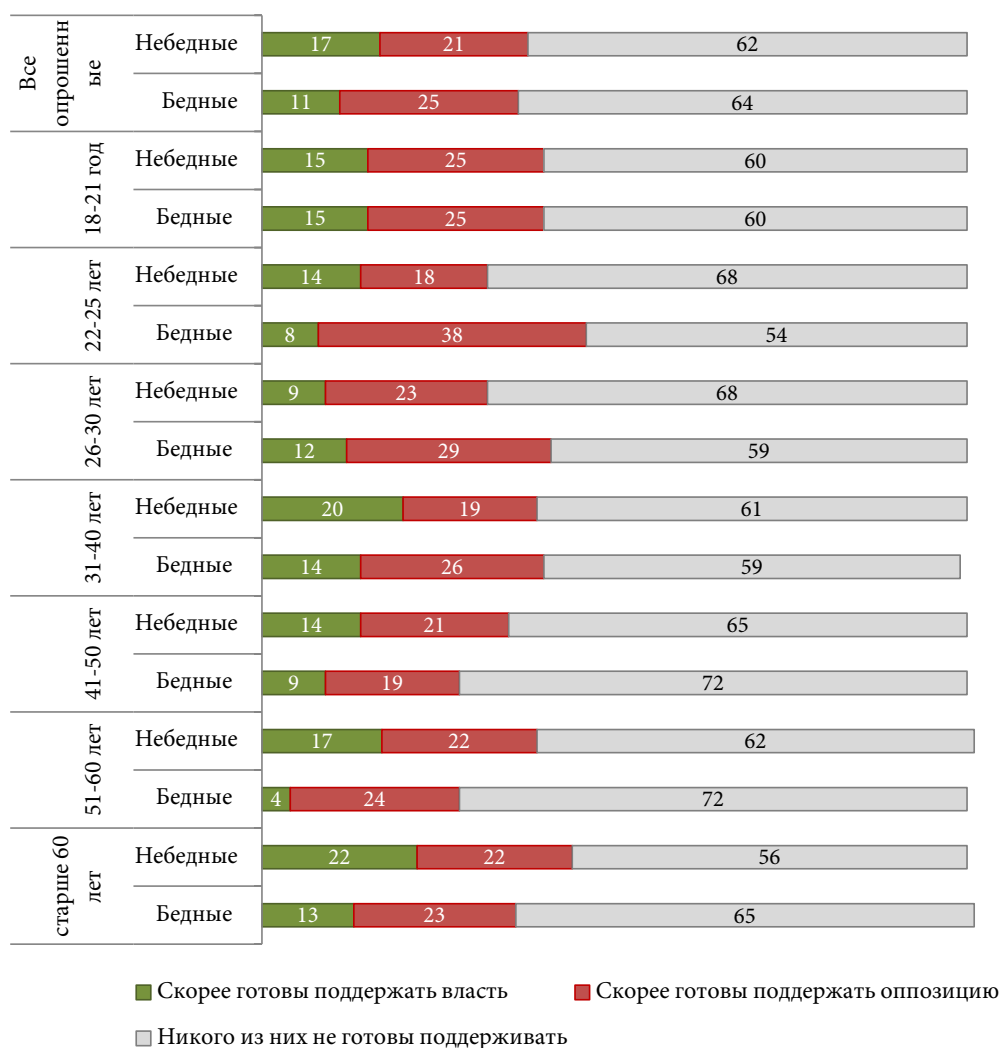

Рис. 11.3. Ответ на вопрос: «В последнее время оппозиционные политические силы все чаще критикуют власть, призывают людей выходить на улицу, участвовать в массовых акциях протеста.

Кого Вы скорее готовы поддержать в этом случае — власть или оппозицию?», 2013 г., %

Так или иначе, реальность такова, что сегодня в обществе не сформировался механизм перевода многообразных индивидуальных и групповых интересов (прежде всего, экономических) на язык общезначимых проблем. Поэтому и не возникает «связки» между социально-экономическим и политическим участием россиян даже в тех случаях, когда затрагиваются их коренные социально-экономические права. Судя по имеющимся данным Росстата и других служб, количество забастовок сократилось с порядка 6000 в 2004 г. до примерно 200 — в 2012 г. Из них «стоп-акций», т. е. забастовок, приводящих к частичной или полной остановке предприятий, еще меньше — 80-100¹.

Такое невиданное сокращение числа забастовок часто объясняется чисто формальной причиной изменения методики подсчета — ведь с 2007 года стали учитываться только те акции трудящихся, которые проводились в полном соответствии с Трудовым кодексом. Тем не менее, тенденция очевидна: принятие Трудового кодекса *сделало фактически нереализуемым право граждан на забастовку в законных, легальных формах*. Это усугубляется тем, что подавляющее большинство официальных профсоюзов «играют на стороне работодателей». Сказывается и то, что за последние десятилетия люди накопили огромный опыт выживания в самых экстремальных условиях (причем, это, как правило, индивидуальный опыт). И трудно даже представить, что может сподвигнуть их на активный протест и обеспечить «связку» политического и социального действия.

Вряд ли «триггером» (термин М. Дмитриева) протеста может стать новая волна кризиса. Маловероятным представляется и существенный рост политической активности в ходе разного рода выборов (на что делает ставку часть оппозиции) — например, в ходе предстоящих выборов в Московскую городскую Думу или выборов мэра Москвы.

В современной России есть лишь одна проблема, способная «зацепить», консолидировать богатых и бедных, столицы и провинцию, молодых и старых, и тем самым политизировать общество — это страх за настоящее и будущее детей. Но, учитывая разнонаправленность интересов разных групп, а иногда и прямое недовольство их друг другом, конфликт интересов «продавцов образовательных и смежных с ними интеллектуальных услуг» и их «потребителей», ожидать масштабных, солидарных действий, к которым могли бы подключились ведущие политические игроки, не приходится. Каждый, как и раньше, будет «биться за себя». Кроме того, Россия — не Америка, где реформы здравоохранения и образования являются центральными темами президентских избирательных кампаний. В России сферы здравоохранения и образования не считаются политически значимыми. Вот менять каждые пять лет формат избирательных систем — считается политикой, а реформа образования — это в лучшем случае предмет для обсуждения на парламентских слушаниях или в Общественной палате.

В целом же, если говорить об обозримой перспективе, наиболее вероятным представляется спад протестной активности при одновременном росте гражданских, волонтерских формы участия. Протестная активность все чаще будет выливаться в спонтанные выплески социальной агрессии, особенно в глубинке, где крайне сложно «достучаться» до властей. Соответственно, *ключевым аспектом современной демократической «повестки дня» постепенно становится проблема структурирования гражданского общества таким образом, чтобы оно могло влиять на государство, взаимодействовать с ним на равных*.

¹ Мониторинг ЦСТП: трудовые протесты в России – Сайт «Все о трудовых правах». Ноябрь 2012. Сайт «КМ.РУ» 16.11.2012.

Заключение (к общим выводам)

Представленный в докладе анализ результатов осуществленного исследования дает основание сформулировать ряд общих выводов и умозаключений.

1. В современной России достаточно выражено прослеживается ухудшение отношения к бедным. При этом сами бедные называют три главные причины собственной бедности: длительная безработица, недостаточность государственных пособий по социальному обеспечению и семейные несчастья. Бедность чаще стала ассоциироваться в общественном мнении с пьянством и наркоманией, а также другими асоциальными формами поведения. Еще десять лет назад 70% населения относились к бедным слоям с сочувствием, жалостью, а некоторые даже с уважением. Однако за прошедшие годы более чем в полтора раза сократилось число относящихся к бедным сочувственно, и втрое выросла доля тех, кто стал относиться к ним безразлично. В то же время, россияне в большинстве своём признают, что к бедности в современном российском обществе могут привести и не зависящие от людей обстоятельства — болезнь, смерть кормильца и т. д. — которые в условиях недостаточности государственной поддержки зачастую играют роковую роль. В результате такого видения причин бедности исчезает чётко выраженное отношение к ним как к единой социальной группе, происходит, по сути, «дробление» проблемы бедности на ее отдельные проявления. В условиях сокращения общей численности бедных в последние годы и значительного уменьшения доли россиян, имеющих бедных в своём ближайшем окружении, это приводит к сдвигу проблемы бедности на периферию сознания наших сограждан. В данных условиях идеология усиления адресности социальной помощи, при которой главным критерием выступает степень нуждаемости вне реального и индивидуального контекста, приходит во все большее противоречие с жизненным опытом и видением приоритетов государственной поддержки населения со стороны рядовых граждан страны. Тем самым, вопросы «Кто именно нуждается?» и «По каким причинам?» приобретают особый смысл в определении эффективной модели социальной политики по отношению к бедным слоям населения.

2. У россиян существуют чёткие представления как о «черте бедности», т. е. том уровне доходов, который обеспечивает прожиточный минимум, так и о конкретных признаках бедности. Если говорить о среднедушевых ежемесячных доходах, то в среднем по России «черта бедности» составляет в нынешний период, по мнению населения, около 9000 руб., т. е. порядка 60% от средних доходов основной массы россиян (без учета наиболее обеспеченных 5%, практически не попадающих в выборки массовых опросов). Установленная официально в России

«черта бедности» (прожиточный минимум) ниже массовых представлений о ней примерно в 1,3 раза. Однако такой разрыв существенно отличается по регионам и типам поселений, отражая разницу стоимости жизни в них.

Примечательно, что малоимущие россияне стараются в последнее десятилетие скорее приукрасить своё положение, чем преувеличить собственную бедность. И это принципиально отличает нынешнюю ситуацию от 1990-х годов, когда бедность обуславливалась в основном структурной перестройкой экономики, была распространена очень широко, и к бедным относились, прежде всего, как к жертвам ошибочной государственной политики. Отказ многих бедных признавать себя таковыми является своего рода асимметричным ответом на складывающийся в обществе образ бедных и свидетельствует о том, что постепенно в России быть бедным становится стыдно. В итоге многие реально бедные не готовы принять на себя подобную социальную роль, даже теряя при этом право на разного рода льготы и выплаты, им полагающиеся.

3. В массовом сознании россиян есть устойчивое представление о том, что именно выступают признаками бедно живущего человека. Такими характерными признаками образа жизни бедных для большинства россиян выступают плохое питание, недоступность приобретения новой одежды и обуви, плохие жилищные условия, недоступность качественной медицинской помощи, отсутствие возможностей получить хорошее образование, удовлетворить первоочередные нужды без долгов, провести так, как хочется, своё свободное время, а детям — добиться того же, что и большинству их сверстников. Такие представления в сущности обозначают разного рода жизненные лишения. И, что особо примечательно, они практически не изменились за последние 10 лет. Это позволяет использовать для оценки бедности в России широко распространенный в мире подход, основанный на выделении бедных не только по критерию душевого дохода, но и по критерию испытываемых ими лишений. Применение данного подхода дает основание утверждать, что численность бедного населения «по лишениям» составляет в России около 25% населения. Это намного меньше, чем в 2008 г. и даже в 2003 г., но в разы больше, чем количество бедных «по доходу», выделяемых на основе официально принятой в России методики.

Российская бедность очень многолика, неоднородна и чувствительна к инструментам её измерения. Однако у неё есть своё «ядро» — представители хронической бедности. Доля таковых бедных достаточно велика — не менее 4% населения.

В целом, на основе использования социологических методов измерения российской бедности, картина ее общего количественного состояния, включающая основные группы бедных, оказывается в нынешний период следующей:

- 9% - бедные «по доходу» - те, чей среднедушевой доход в домохозяйстве ниже официально установленного прожиточного минимума в данном регионе (по официальным данным Росстата, на конец 2012 г. таковых было 8,8%);
- 25% - бедные «по лишениям» - не только те, у кого среднедушевой доход ниже прожиточного минимума (он может быть и равен ему, и даже выше его), но и те, кто испытывает нужду в удовлетворении таких базовых потребностей как питание, жилищные условия, приобретение одежды и обуви, получение качественной медицинской помощи и т. п.;

- 4% - хронические бедные — те в составе бедного населения, которые находятся в состоянии бедности более 5 лет и характеризуются глубокой и застойной бедностью, качественно отличающейся от других видов бедности.

Общее количество бедных в составе российского населения на период проведения настоящего исследования составило около 30%. При этом то, что данная цифра меньше суммы слагаемых по выделенным группам бедных, удивляться не стоит. Сложившееся положение дел объясняется тем, что в каждую из групп бедных входит то или иное количество представителей российской бедноты из других групп.

Безусловно, рост в России в два раза (с 34% до 70%) за последнее десятилетие небедного населения демонстрирует значительный успех государственной политики преодоления бедности. Однако в целях дальнейшего осуществления в стране эффективной социальной политики следует учитывать, что реально в РФ бедных не 9%, а около 30%.

4. Анализ доходов и уровня жизни представителей различных групп бедных убеждает, что все они находятся в достаточно близком, а порой и вовсе в схожем положении. Из данных настоящего исследования вытекает и другой, на первый взгляд, парадоксальный вывод: бедные «по доходам» далеко не всегда оказываются самой неблагополучной частью российского общества. Это означает, что бедность в её социологической (заметим, наиболее близкой к реальной жизни) трактовке, т. е. как невозможность поддерживать образ жизни, считающийся в определённом сообществе обычным («жить как все»), распространена в российском обществе гораздо шире, чем принято думать. Однако в своих расчетах прожиточного минимума Росстат продолжает не учитывать ряд обстоятельств — от разницы в стоимости жизни в различных населённых пунктах до особенностей потребительского поведения разных возрастных групп населения. Кроме того, оценивать уровень жизни только на основании текущих доходов вообще не совсем правильно. Ведь понятно, что на реальном уровне жизни бедных заметно сказывается также накопленный ранее объем имущества, ресурсы, которые они могут привлечь через разные формы кредитов или, скажем, псевдокредитов (фактически маскирующих простую помощь со стороны окружающих и часто стоящих за понятием «мелкие долги»), а, кроме того, санкции, которые следуют (или не следуют) за невозврат этих кредитов. И уже тем более здесь нельзя не учитывать особенности здоровья членов домохозяйств, а также различающийся в разных регионах и даже отдельных управляющих компаниях размер оплаты за услуги ЖКХ и т. д.

5. В современной России широко распространена бедность работающих. Иначе говоря, в наши дни наличие работы не гарантирует россиянам защиту от бедности. Не случайно собственные доходы работающих российских бедных существенно отстают от доходов работающих небедных, а у пятой части работающих российских бедных даже не превышают 7 тыс. руб. Это говорит о неизбежности нахождения последних, в случае если им не помогут другие члены семьи, в абсолютной бедности, денежным критерием которой выступает прожиточный минимум.

Вектор восприятия процессов, происходящих на отечественном рынке труда, опосредуется принадлежностью наших сограждан к «бедным» либо «небедным» слоям населения — текущее состояние и динамика положения дел

с безработицей, своевременностью выплат зарплат, возможностями устроиться на хорошую работу и самореализоваться в профессиональной сфере и т. п., оцениваются бедными с гораздо большим пессимизмом.

Модели занятости бедных россиян в значительной степени олицетворяют собой практики классического вторичного рынка труда с присущим ему невысоким уровнем социальной защищенности работников и распространенностью теневой занятости. Специфика положения бедных в системе производственных отношений проявляется также в особенностях характерных для них профессиональных позиций и в том, что куда большая, нежели среди небедных, доля их трудится на приватизированных и вновь созданных частных предприятиях. При этом в отличие от Запада, где большинство бедных сконцентрировано в крупных городах, специфика российской работающей бедности состоит в преимущественной концентрации ее представителей в сёлах и в малых городских населенных пунктах, отличающихся узким и депрессивным рынком труда.

В настоящее время большинство работающих россиян ориентировано, главным образом, на обретение интересной работы, дающей человеку шанс реализовать и применить на практике имеющиеся у него способности. Вместе с тем, в пореформенной России возможность иметь интересную работу доступна далеко не всем. И фактором, опосредующим доступность такого рода возможности, выступает, в большей или меньшей степени, нахождение в состоянии бедности. Так, лишь 16% наших сограждан убеждены в том, что возможность иметь интересную работу можно считать отличительной чертой жизни российских бедных, и высокая доля среди их представителей неквалифицированного и низкоквалифицированного труда с характерным для него рутинным, малосодержательным характером деятельности подтверждает оправданность этих суждений. Удел бедных в данных условиях в современной России — постоянная «борьба за выживание», вынуждающая их куда чаще обращать внимание на размер оплаты труда, чем его содержание.

Насущной проблемой современной России является неравенство в доступе к хорошим рабочим местам, болезненность которого применительно к обществу в целом отмечает около трети наших сограждан независимо от того, к какой группе — бедных либо небедных — они принадлежат. При этом, оценивая его остроту для себя лично, бедные «обгоняют» небедных примерно на 10%. Незавидное положение на рынке труда, помноженное на очевидную ограниченность возможностей в сфере профессионально-трудовой деятельности, так или иначе, опосредуют характер страхов и опасений, испытываемых бедными россиянами. Как сегодня, так и десять лет назад, численность работающих бедных, испытывающих страх перед будущим у себя на работе часто оказывается больше аналогичной доли среди занятых небедных, а доля последних, не испытывающих его практически никогда, устойчиво превышает показатели, фиксируемые по бедным. Аналогичная картина наблюдается и в том случае, когда речь заходит об опасениях, связанных с утратой работы. Эскалации указанных страхов способствует и дефицит располагаемого россиянами вообще, и бедными в особенности, социального капитала, который, так или иначе, мог бы быть использован ими для решения проблем в сфере занятости.

6. Существенными факторами, предопределяющими возможности россиян на рынке труда, выступают активность и инициативность работников в развитии индивидуального человеческого капитала и, прежде всего, собственных профессиональных ресурсов. Данные проведенного исследования позволяют

говорить об отчетливо выраженной пассивности работающих граждан России в части, касающейся наращивания последних: практически половина опрошенных не использует ни один из имеющихся способов их пополнения. При этом доля пассивных резко (практически в 1,5 раза) возрастает в группах работающих бедных, обделенных вследствие этого навыками, необходимыми сегодня для успешной профессиональной деятельности. Впрочем, при их профессиональных статусах, локализации значительной их части в поселениях с депрессивным рынком труда и отсутствием у них социального капитала, который позволил бы им устроиться на «хорошую работу», такая стратегия выглядит для них экономически оправданной.

Отчасти на пассивности бедных в отношении наращивания своего человеческого капитала (в отличие от 15% небедных, лишь менее 5% бедных сумели за последние три года повысить уровень образования и (или) квалификацию) сказываются и объективно худшие у бедных возможности в части получения необходимого образования и знаний. Так, например, в группе бедных «по доходам» доля оценивающих их на «хорошо» в 4 раза меньше доли таковых среди небедных россиян. При обращении к тем, кто оценивает их как «плохие», наблюдается прямо противоположная картина. Неудивительно, что опасения, связанные с невозможностью получить самим или дать детям желаемое образование, испытываются ими чаще, чем небедными россиянами. Как следствие, каждый шестой среди бедных убежден, что причиной его плачевного положения является низкий уровень образования и квалификации.

7. Реальный уровень жизни бедных, несмотря на формальный рост в последнее десятилетие их доходов, понизился. При этом (еще один парадокс) — обеспеченность их домашним имуществом выросла. Отчетливо выраженное стремление жить хотя бы «как все» и неготовность принять на себе роль «живущего за чертой бедности» всё больше подталкивают бедное население страны к демонстративному потреблению. В российских условиях оно выражается, прежде всего, в активной покупке товаров длительного пользования. Ради покупки престижных ТДП — своего рода маркеров благополучия их владельца — многие бедные отвлекают деньги от других статей семейных расходов, включая питание, и залезают в долги. В итоге кредитная нагрузка на бедные домохозяйства, в т. ч. и за счёт дорогостоящих банковских кредитов, не просто очень велика — распространённость разного рода задолженностей, особенно кредитов банкам, в среде бедных за последние годы выросла в разы, что позволяет прогнозировать неизбежность дальнейшего ухудшения их положения.

Причины ухудшения положения бедных связаны не только с ростом долговой нагрузки за счёт покупки товаров длительного пользования. Учитывая характер этих товаров, такая модель их потребительского поведения характерна скорее для молодёжи, хотя последствия её отражаются на домохозяйствах в целом. В свою очередь, для домохозяйств с теми, кому «за 50» и домохозяйств с хронически больными людьми относительно большую роль в ухудшении их положения играют вынужденные расходы на медицинские цели. И даже при том, что при крайней необходимости средства «на здоровье» расходуются бедными в первую очередь, получить полный объем необходимой медицинской помощи они всё равно не могут. Причем ситуация в данной области для них продолжает ухудшаться.

Ресурсообеспеченность бедных в последнее десятилетие заметно уменьшилась. Это касается и их финансовых ресурсов, и наличия находящейся у них в собственности недвижимости, и их человеческого капитала. При этом, судя

по разрывам в инвестировании в человеческий капитал своих детей со стороны бедных и небедных россиян, уже в ближайшие годы можно ожидать дальнейшего углубления неравенств и межпоколенческого воспроизводства бедности, а не просто её консервации. Это неизбежно будет способствовать падению качества человеческого потенциала страны и росту социальной напряжённости.

8. В целом россияне дают достаточно сдержанные оценки возможности в ближайшее время улучшить материальное положение своей семьи. На общем пессимистическом фоне выделяются ещё более скептические оценки представителей бедных, особенно — бедных «по лишениям». В значительной степени это связано с нарастанием ощущения безысходности, невозможности улучшения своего положения за счёт собственной активности, так как опыт мобилизации собственных возможностей бедных на микроуровне не привел в последние годы к сколько-нибудь заметному улучшению их материального положения. Как следствие этого, сокращается доля тех, кто прибегает к каким-либо конкретным действиям для улучшения своего материального положения. Прежде всего, это касается использования компонентов «трудовой стратегии». Ещё более заметно снижение числа респондентов, прибегающих к стратегии использования ресурсов домохозяйства и в первую очередь — выращиванию продуктов питания. При этом результаты исследования не фиксируют каких-либо значимых различий в активности между бедными и небедными, что позволяет говорить о существовании сегодня в российском обществе системных ограничений и барьеров, не позволяющих формировать эффективные стратегии выхода из зоны бедности и поддержания приемлемого для себя уровня жизни. Особенно тревожно это выглядит на фоне углубления социального расслоения небедных россиян с ростом в их составе социально уязвимых групп, которые по своему положению и особенностям социально-экономического поведения приближаются к ситуации бедности.

Отчасти на нарастании пессимизма как бедных, так и небедных россиян, сказалось сокращение ресурса социальной поддержки в последние годы, затронувшее, впрочем, не столько количественные характеристики социального капитала россиян (частота оказания различных видов помощи), сколько качество этого капитала (какие серьёзные жизненные проблемы можно решить с его помощью).

9. Наиболее значимыми среди социально-демографических характеристик человека для риска попадания в бедность оказываются в настоящее время в России те из них, которые отражаются на возможностях эффективной занятости как самих респондентов, так и членов их домохозяйств. Так, пенсионный возраст и плохое состояние здоровья, непосредственным образом влияющие на возможности занятости, существенно увеличивают вероятность бедности. Именно поэтому пенсионеры и инвалиды, а также их домохозяйства составляют значительную долю бедных, зачастую попадая и в зону хронической бедности.

Оба этих фактора — пенсионный возраст и плохое здоровье — более значимы для попадания в бедность «по лишениям» по сравнению с бедностью, которая выделяется «по доходам». Объясняется данное обстоятельство тем, что в соответствующих группах населения рост риска бедности связан не только с худшим доступом к эффективным рабочим местам, что, безусловно, отражается на их доходах, но и со структурой, и с характером расходов, по сути, «выталкивающих» их в бедность даже при доходах выше прожиточного минимума. При этом для пенсионеров как группы в целом ситуация в последние годы заметно улучшилась, а для инвалидов и лиц с плохим здоровьем (в том числе и пенсионеров с плохим здоровьем) — ухудшилась.

Усугубляет влияние плохого здоровья на риск бедности и территориальный фактор — при напряженности на локальных рынках труда, а соответственно и затрудненности доступа к эффективной занятости, роль плохого здоровья как фактора попадания в бедность резко возрастает. К этому следует добавить, что и такая традиционно относимая к социально-демографическому блоку характеристика как тип населенного пункта, в котором проживает индивид, также заметно влияет на вероятность попадания в бедность. При этом для бедности «по доходам» основной риск представляет проживание в сельской местности.

10. Далеко не последнюю роль играет в формировании рисков бедности и такой социально-демографический фактор как иждивенческая нагрузка. И хотя очень высокими риски бедности становятся только при критических значениях иждивенческой нагрузки (соотношение иждивенцев и работающих как 3:1), сам факт ее наличия, как и ее характер (т. е. кто именно выступает иждивенцем) способны существенно изменить положение домохозяйства. Особенно ярко в связи с этим проявляется влияние на бедность «по доходам» наличия в домохозяйстве безработных, а на бедность «по лишениям» — инвалидов и неработающих пенсионеров. При этом в настоящее время, в отличие от ситуации десятилетней давности, критичной становится и нагрузка, связанная с несовершеннолетними детьми — их наличие в семье заметно увеличивает для нее риск бедности, что свидетельствует о недостаточности реализуемых в последнее время в отношении материнства и детства мер государственной политики. Особенно тяжелой является ситуация у многодетных и неполных семей. Именно данным обстоятельством объясняется и некоторые гендерные особенности бедности «по доходам», хотя в целом гендерный фактор не слишком значим в российских условиях, и это одно из важных отличий российской бедности от бедности в подавляющем большинстве других стран.

11. В настоящий период в российском обществе наблюдается консервация бедности. Речь идет о закреплении доли бедных, которые находятся в состоянии бедности более 5 лет.

Наряду с процессами консервации бедности активно идут и процессы межгенерационного воспроизводства бедного населения. Почти половина нынешних российских бедных — это люди, которые еще с детства принадлежат к «социальным низам». Собственный негативный опыт бедные проецируют и на возможности своих детей, априори низко оценивая не только их жизненные шансы в целом, но даже шансы вырваться со временем из состояния бедности. Тем самым, формируется и приобретает устойчивые черты такой социальный слой, который принято называть андерклассом. Речь идет о социальной категории людей, представляющих «социальное дно» общества, живущих вне рамок общества и являющихся носителями культуры обездоленных.

Одновременно с процессами консервации и межгенерационного воспроизводства бедности российское общество характеризуется и возникновением в нем в достаточно массовом масштабе такого феномена как «новые бедные». Причем это не результат реформ 1990-х годов, как принято думать, а постоянно воспроизводящийся феномен. Появление «новых бедных» как массовой (составляющей более половины всех бедных) группы свидетельствует об очень высоких рисках оказаться в группе бедных даже для вполне благополучных в данный момент россиян. К этому может подтолкнуть даже малейшее ухудшение ситуации в экономике или в их домохозяйстве в силу различных причин (развод, смерть кормильца, потеря работы и т. д.).

12. Процессы социальной мобильности имеют у бедных и небедных россиян противоположный вектор, что усиливает поляризацию даже массовых слоев российского общества и все дальше разводит бедных россиян и остальное население страны: в отличие от нисходящей, процессы восходящей межгенерационной социальной мобильности свойственны бедным в значительно меньшей степени, чем остальному населению.

Осознавая, что человеческий и социальный капитал являются ключевыми ресурсами для восходящей социальной мобильности, и, стремясь сформировать у своих детей, в первую очередь, те качества, которые могут помочь им «пробиться выше», бедные, тем не менее, прилагают весьма умеренные усилия по реализации соответствующих задач. Они меньше инвестируют в накопление данных ресурсов как у себя, так и у своих детей. Отчасти это объясняется спецификой их профессиональных позиций и жизненного опыта, не предполагающего навыков подобного рода инвестирования и привычки к нему, а отчасти — элементарной нехваткой средств на него.

Попавшие в ситуационную бедность относительно высокоресурсные россияне обычно достаточно быстро выходят из состояния бедности. Основными факторами, стимулирующими восходящую социальную мобильность бедных, выступают человеческий, социальный и культурный капитал. Для россиян, обладающих этими видами капитала, состояние бедности становится в основном временным. Однако если культурный, социальный и человеческий капитал ограничен, то состояние бедности становится длительным, а затем и хроническим.

13. Всеми слоями населения, но в наибольшей степени — именно бедными россиянами очень остро и болезненно воспринимается проблема неравенств в современном российском обществе. Подавляющее большинство из них отмечает, что лично страдает от тех или иных типов неравенств. Однако оценивая распространенность практически всех типов неравенств, бедные чаще говорят о неравенствах, болезненных для всего общества, чем о тех неравенствах, от которых страдают они сами. Данный факт свидетельствует о критических несоответствиях между реалиями современного российского общества и представлениями о должном и справедливом, характерными для россиян вообще и бедных в частности.

Рейтинг наиболее острых и болезненных типов неравенств для общества в целом и для самих бедных в их оценках в целом совпадает. На первом месте со значительным отрывом оказывается неравенство по доходам, затем следуют неравенство в доступе к медицинской помощи и неравенство жилищных условий, а также неравенство в доступе к рабочим местам. Все эти типы неравенств действительно ярко проявляют себя в повседневной жизни бедного населения, характеризуясь при этом некоторой возрастной спецификой.

В последние годы в России формируется и закрепляется новая форма социального неравенства бедных и небедных, характерная именно для начала XXI века — цифровое неравенство. При этом, раз возникнув, оно начинает в свою очередь препятствовать социальной мобильности бедных, поскольку навыки в области информационных технологий являются сегодня своего рода «входным билетом» на наиболее привлекательные рабочие места. И хотя наличие этих навыков само по себе не гарантирует занятие такого рода рабочих мест, отсутствие соответствующих компетенций достаточно жестко предопределяет отсутствие доступа к ним.

14. При явно избыточных неравенствах в современной России, от которых страдают, прежде всего, именно бедные россияне, последние не являются безусловными противниками большой разницы в доходах. Однако столкновение

нормативных представлений о необходимости неравенств, основанных на легитимных основаниях (эффективности работы, уровне образования в условиях равенства возможностей для всех), с реалиями современной России приводит к запросу на снижение этих неравенств, а также к снижению самой толерантности к ним. Показательно в связи с этим, что более низкая толерантность к неравенствам характеризует при этом тех бедных, кто оценивает ситуацию не только исходя из своих нормативно-ценностных представлений «о должном», но и из оценки той реальной ситуации, в которой им приходится работать и выживать — работающих бедных россиян. Сталкиваясь в своей повседневной жизни с ситуацией, в которой неравенства избыточны и часто не имеют под собой справедливых оснований, а личные усилия отнюдь не всегда приводят к улучшению положения, работающие бедные гораздо менее толерантно относятся к различным типам неравенств по сравнению с бедными, которые не работают.

Общая ситуация с неравенствами и их восприятием бедным населением в последние годы ухудшается. Среди бедных растет ощущение того, что неравенства, связанные с доступом к образованию и здравоохранению, являются несправедливыми, хотя это ощущение и приходит в противоречие с нормативно-ценностной моделью, характерной для российской национальной культуры в целом. Неверие в то, что российское общество сможет стать справедливым в среднесрочной перспективе, характеризует более 70% бедных. Более того, подавляющее большинство из них не фиксируют никаких положительных изменений ситуации со справедливостью в последние годы. Все это говорит о том, что проблема неравенств и справедливости становится все острее и может привести к значимым негативным последствиям не только для бедных, но для всего общества.

15. Нормативно-ценностные системы, характерные для бедного населения, качественно не отличают их от небедного населения. Кроме того, сами бедные неоднородны по своим нормативно-ценностным представлениям: в качестве факторов дифференциации выступает, прежде всего, возраст, а также длительность нахождения в бедности и статус на рынке труда. Поэтому говорить о ценностном расколе между бедным и небедным населением или о формировании особой культуры бедности в России пока не приходится, хотя по ряду позиций количественные различия между бедным и небедным населением достаточно заметны и в случае их нарастания вопрос о наличии в России особой субкультуры бедных может актуализироваться.

Однако на нынешний период времени в отношении к свободе, совести, морали бедные выражают ценности, характерные и для небедных россиян. Так, в представлениях большинства из них свобода имеет безусловный приоритет над материальными ценностями, а спокойная совесть и гармония — над властью и влиянием на других. При этом большинство бедных считают, что иметь можно только те доходы, которые получены честным трудом. При этом доля сторонников подобных взглядов заметно сократилась за последние 10 лет, демонстрируя разочарование в возможностях добиться улучшений своей жизни с помощью честного труда. Что касается трудовых мотиваций бедных, то для них материальная компонента работы оказывается важнее, чем для небедных.

Ценности и установки, характерные для современных обществ — индивидуализм, внутренний локус-контроль и приоритет равенства возможностей — оказываются в меньшей степени распространены среди бедного населения, чем среди небедного. Однако сама группа бедных россиян не является при этом однородной, и по всем этим вопросам в ней выделяются и сторонники модер-

нистских ценностей, и сторонники традиционных ценностей. Важным фактором дифференциации самих бедных здесь оказывается опять-таки возраст — ценности современных обществ в значительно большей степени свойственны молодым бедным, чем бедным из старших возрастных когорт.

С другой стороны, молодые бедные характеризуются одновременно и большим стремлением к власти и возможности влиять на других в ущерб чистой совести, а также одобрением любых доходов независимо от способа их получения и готовностью при необходимости преступить через нормы морали ради материального успеха в жизни. Однако, несмотря на разную степень распространенности тех или иных ценностей и установок как среди бедных и небедных, также как и среди разных возрастных когорт в составе всех слоев населения, у большинства россиян существует определенный консенсус относительно «особого пути» России и невозможности копировать для нее западный путь развития.

16. Бедность в пореформенной России является одним из важных факторов негативного психоэмоционального состояния и мировосприятия беднейших слоев российского населения. Бедные резко отличаются от своих более благополучных сограждан по всем показателям социально-психологического самочувствия в худшую сторону. Значительная их часть пребывает в уверенности, что жизнь их складывается плохо, они массово находятся в состоянии подавленности и апатии, либо тревоги и даже агрессии, постоянно испытывают чувства несправедливости всего происходящего вокруг и собственной беспомощности повлиять на ситуацию, стыда за состояние страны и ощущение того, что дальше так жить нельзя.

Эта ситуация резко контрастирует с происходящим в обществе в целом. 15-20 лет назад социально-психологический дискомфорт был обычным состоянием для большинства российского населения, переживавшего коренную ломку образа жизни, последствия структурной перестройки экономики, «уход» государства из социальной сферы. Однако с тех пор в обществе произошли существенные изменения, на фоне общей социально-экономической и политической стабилизации развились выраженные тенденции к улучшению социально-психологического климата и самочувствия граждан. Такие тенденции не могли не затронуть беднейшие слои населения, многие жизненные страхи и опасения российских бедных стали постепенно ослабевать перед лицом общей стабилизации и хотя медленного, но все же поступательного развития страны. Не может не сказываться на изменении уровня тревожности бедных слоев населения и эффект «привыкания» к жизни в новых, непростых условиях. Тем не менее, общее состояние тревожности, пессимизм и негативизм бедных остается важнейшим маркером социального самочувствия данной группы, всё больше отличающих их от небедных россиян.

17. В структуре политической жизни общества представителей бедных слоев населения к числу субъектов социально-политической активности отнести нельзя, тем более, субъектов, обладающих самостоятельностью и своеобразием своего политического поведения. К тому же и такой важный мотив как интерес к политике не только остается в среде бедных на низком уровне, но и с течением времени падает. За последние десять лет интерес бедных слоев населения к событиям и процессам политической жизни снизился более чем в 2 раза (с 29% до 12%).

Выбирая между правом на участие и неучастие в политической жизни общества, бедные явно предпочитают неучастие. О готовности включиться в какие-либо институциональные формы политического участия заявляют менее 1% предста-

вителей российской бедноты. В целом результаты проведенного исследования дают основания для весьма неутешительного вывода о нарастающем отчуждении нижней части общества от политики, социально-политической жизни страны.

Снижение общественно-политической активности характеризует не только бедных, но и представителей благополучных слоев населения. Но вот в чем группа бедных обращает на себя особое внимание, так это более острые, негативные оценки положения дел в различных сферах жизни общества. Прежде всего, это относится к оценкам экономической ситуации и эффективности функционирования социальной сферы. При этом наиболее резко негативно оцениваются результаты борьбы с бедностью, восстановление социальной справедливости, состояние общего психологического климата в стране.

Негативно оцениваемые в массовом сознании бедных сферы нашей жизни вполне объяснимо дополняются характером восприятия в их среде существующих в стране противоречий. Еще десять лет назад противоречие между бедными и богатыми по остроте восприятия было вполне сопоставимо с противоречиями между чиновниками и рядовым населением, между олигархами и подавляющим большинством народа, то ныне это противоречие не только вышло на первый план, но и стало усиливаться от «наложения» на не менее остро воспринимаемую проблему социальных неравенств и вопиющие проявления в обществе социальной несправедливости.

В любом другом развитом обществе подобный настрой народной бедноты, скорее всего, обернулся бы радикализацией ее сознания и поведения. Однако при всем существующем (и описанном в настоящем докладе) недовольстве, признаков того, что российские бедные отличаются радикальным, а уж тем более революционным духом не наблюдается. В настоящий период в бедных слоях населения доминирует установка не на глубокие и всеобъемлющие перемены, а на стабильность. Больше того, несмотря на довольно негативные оценки бедными отдельных сторон жизни общества, две трети их представителей выражают поддержку действующей власти и на какие-либо активно протестные формы массовых действий не настроены.

18. Важными отличительными чертами образа жизни бедных являются особенности их досугового поведения. На фоне относительно благополучной ситуации в сфере досуга в обществе в целом досуг российских бедных отличается скудным содержанием и отсутствием видового разнообразия. С течением времени эта ситуация только усугубляется — тенденцией последних десяти лет является дальнейшее обеднение досуга беднейшей части российского населения, причём из досуговой палитры бедных вымываются даже такие виды досуга, которые не требуют финансовых затрат. В нынешних условиях можно говорить о развитии системного характера досуговой эксклюзии российских бедных, о том, что скудость досуга становится неотъемлемой чертой их образа жизни.

При этом сами бедные не придают большого значения ограниченности своей досуговой активности. Происходит сужение их жизненного кругозора, ослабляется интерес к разнообразию, эмоциям и впечатлениям, саморазвитию. Российские бедные не воспринимают и не используют возможности досуга в качестве доступного для них инструмента развития собственных ресурсов — социально-коммуникативных, профессиональных, культурных и т. д. — консервируя, таким образом, свое состояние бедности и не пытаясь нащупать выхода из него. При сохранении столь негативных тенденций можно ожидать дальнейшего сужения социокультурного горизонта бедных, пребывания их в своем коммуникационно и культурно замкнутом мире и, как следствие, — их дальнейшей социальной деградации.

Аналитический доклад

**БЕДНОСТЬ И НЕРАВЕНСТВА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
10 ЛЕТ СПУСТЯ**

**Научный редактор – Никс Н. Н.
Компьютерная вёрстка – Григорьева Е. И., Ситдилов И. М.**

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социологии Российской академии наук**

Тел.: (495) 719-09-40

E-mail: isras@isras.ru

www.isras.ru

Сетевой научный журнал «Вестник Института социологии»

<http://www.vestnik.isras.ru/>

Доклад обнародован 20.06.2013, г. Москва